

А.С. ЗАЙЦЕВ

ПОЛВЕКА С ВЬЕТНАМОМ

А.С. ЗАЙЦЕВ

ПОЛВЕКА
С ВЬЕТНАМОМ

*Записки
дипломата*

ПОЛВЕКА С ВЬЕТНАМОМ

А.С. ЗАЙЦЕВ

ПОЛВЕКА С ВЬЕТНАМОМ

*Записки
дипломата*

(1961–2011)

Издательство «ЧЕЛОВЕК»
Москва 2020

ББК 84.4

З 12

Издание Фонда ветеранов дипломатической службы

*Автор выражает глубокую благодарность ГлавУпДК
при МИД России, Ассоциации российских дипломатов
и Фонду ветеранов дипломатической службы
за оказанное содействие в издании книги*

Зайцев А. С.

З 12 Полвека с Вьетнамом. Записки дипломата. — М. : Человек, 2020. — 200 с. + 28 с. вкл.

ISBN 978-5-906132-43-7

В основу книги положены личные впечатления автора о командировках во Вьетнам в период 1961–2011 гг. Вошедшие в сборник очерки основаны на малоизвестном широкому читателю фактическом материале, это своеобразный дневник, живое свидетельство непосредственного участника и очевидца многих важных событий в истории отношений наших двух стран.

«Эта книга, — пишет автор, — скромная дань любви и уважения героическому, трудолюбивому и талантливому народу Вьетнама, с которым судьба связала меня на протяжении более полувека».

ББК 84.4

ISBN 978-5-906132-43-7

© Зайцев А. С., текст, фото, 2020

© Издательство «Человек»,

издание, оформление, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, Вьетнам!

На институтской скамье. Кровные узы вьетнамского брата. Юрий Гагарин высоко и вблизи. Впервые во Вьетнаме..... 7

Назначение в Ханой

На объектах экономического сотрудничества. На линии разлома. «Прошу обеспечить охоту на тигра». От практики к науке. Памятная встреча с Президентом ДРВ Хо Ши Мином. В Брестской крепости с посланцем народа Южного Вьетнама. В труде и в бою. «КВ» в легендах и наяву..... 21

В сражающемся Вьетнаме

В Смоленской высотке. Успеть до полуночи: воспоминания военных лет. «Виновник» дипломатического инцидента. Случай на ханойском озере. Охотники за трофеями. Герман Титов на орбите дружбы с Вьетнамом. «Дни и ночи Вьетнама» Ильи Глазунова. Что искал во Вьетнаме Юлиан Семенов..... 51

На площадках ООН

В сфере многосторонней экономической дипломатии. Война с другого берега Меконга: взгляд из прифронтового Таиланда. По «русскому следу». Малоизвестное хобби Рамы IX. За признание полномочий ДРВ и РЮВ на форумах специализированных учреждений системы ООН. Успешный почин многосторонней дипломатии Вьетнама..... 77

Курсом добрососедства и сотрудничества

На пути к нормализации ситуации в Юго-Восточной Азии. Незатухающий очаг напряженности. В поисках политического решения проблем региона. Развивая отношения дружбы и сотрудничества с Вьетнамом и другими государствами Индокитая. Роль помощи СССР в послевоенном восстановлении и развитии экономики Вьетнама. О чем спросил меня премьер-министр. Локомотив российско-вьетнамского экономического сотрудничества. На базе ВМФ СССР в заливе Камрань. На пороге перемен. На прежних позициях. На родине Долины кувшинов. Кровавые следы полпотовского режима. Налаживая диалог со странами АСЕАН. Миссия невыполнима. Инцидент с южнокорейским Боингом 99

Комплексный подход к проблемам безопасности в АТР

Владивостокская программа. В роли спецпосланника во дворце Малакананг. «Советское наступление на Юго-Восточную Азию и Тихоокеанский регион». «Афганский ключ» для кампучийского урегулирования. Развивая связи со странами АСЕАН. Зачем прилетал в Москву министр иностранных дел Таиланда. Экономические приоритеты Малайзии. Ответные шаги Филиппин. За полномасштабный диалог с Ассоциацией 131

Уверенная поступь Вьетнама

Память-вещь упрямая. Уверенная поступь Вьетнама. Свидетели истории. Незажившие раны императорской столицы. В тысячелетней столице. Вспоминая автора «Тихого американца». По следам Дж. Маккейна. А.А. Громыко о Хо Ши Мине и крахе авантюры Вашингтона во Вьетнаме. Незабываемый Михстеп 157

От автора 181

Приложение 182

**ЗДРАВСТВУЙ,
ВЬЕТНАМ!**

ЗДРАВСТВУЙ, ВЬЕТНАМ!

На институтской скамье
Кровные узы вьетнамского брата
Юрий Гагарин высоко и вблизи
Впервые во Вьетнаме

НА ИНСТИТУТСКОЙ СКАМЬЕ

В августе 1956 года, находясь под впечатлением известий о героической борьбе вьетнамского народа против колонизаторов и первого официального визита в нашу страну правительственной делегации молодой Демократической Республики Вьетнам во главе с президентом Хо Ши Мином, я поступил на вьетнамское отделение только что открытого Института восточных языков при Московском государственном университете имени М. Ломоносова и увлеченно занялся изучением истории, литературы и языка тогда еще мало знакомой далекой страны.

Помню, как уже на первом курсе, едва освоив с десяток фраз на оказавшемся совсем непростом, но необыкновенно мелодичном языке, я искал случая заговорить на улице и метро с вьетнамскими сверстниками на их родном языке. До сих пор — хоть разбуди ночью — спою без запинки, правда, только начальные куплеты («ланг той сань баунг че...») первой разученной мною вьетнамской песни «Lang toi» («Моя деревня»). Ее выбрал для исполнения нашей группой на институтском празднике сын принца Суфанувонга, будущего первого президента Лаосской народно-демократической республики. Разучивать эту песню я несколько раз приходил к нему в интернат для детей вьетнамских и лаосских руководителей и сирот героев войны (он занимал тогда бывший особняк Берии на Малой Никитской, где сейчас располагается посольство Туниса).

Принадлежность Института восточных языков, позднее переименованного в Институт стран Азии и Африки, к семье Московского государственного университета им. М. Ломоносова открывала для меня широкие возможности для продолжения самообразования, включая посещение лекций известных ученых на других факультетах, прежде всего со-

седних историческом и филологическом. Доступ в их библиотечные фонды помог знакомству с ранее недоступными мне дореволюционными изданиями произведений русских и зарубежных писателей и поэтов, которые находились тогда фактически под запретом и после революции не переиздавались.

В то время, которое позже историки отнесут к середине «хрущевской оттепели», мы буквально набросились без разбора на дореволюционные издания поэтов Серебряного века, в прошлом очень популярных или скандально известных, чьи имена лишь упоминались, и то не все, оставаясь за пределами школьной программы. Теперь все это стало доступно, и я благодаря богатым фондам библиотеки филфака, восполняя пробелы образования, перечитал взахлеб от не издававшихся у нас сочинений русских классиков до символистов А. Белого и К. Бальмонта, футуриста В. Хлебникова, а также И. Северянина, С. Черного и многих других. Помню, как в институтском литературном кружке мы долго спорили, кто прочтет тех или иных полюбившихся поэтов. Мне несколько раз «доставался» Э. Багрицкий, однотомика стихов которого только что вышел из печати. Запомнилась встреча с Андреем Тарковским в клубе МГУ на ул. Герцена с его сбивчивым рассказом о съемках «Иванова детства», концерт А. Вертинского в Доме кино, премьера «Гамлета» с М. Казаковым в главной роли в театре Маяковского в постановке Н. Охлопкова.

Напоенный воздухом «хрущевской оттепели», мой и однокурсников эмоциональный подъем еще больше укрепился во время общения с нашими сверстниками из разных стран в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов летом 1957 года. Общение с делегацией Вьетнама — для роли официального переводчика я, понятно, еще не годился — стало для меня первым практическим опытом применения приобретенного на первом курсе института еще скудного словарного запаса на языке, который только недавно начал осваивать.

На втором курсе института посещал лекции на факультете психологии, под влиянием своего преподавателя и лекций

на истфаке увлекся археологией, во время летних каникул участвовал в организованной Институтом археологии Академии наук экспедиции на Средний Урал и в Западную Сибирь. Как лаборант занимался поиском и копированием на кальку наскальных рисунков народов ханты и манси. Из экспедиции вынес незабываемые впечатления: стойкое неприятие запаха диметилфталата, средства от комаров, с помощью которого за неимением тогда другого, удавалось спастись хоть на короткое время от мошкеры; настоящая баня по-черному по воскресеньям с ее особым ритуалом в деревнях старообрядцев, танец шамана у костра на заброшенном прииске и небывалое нашествие в тот год энцефалитных клещей в пригороде Тюмени, где мы останавливались на ночлег.

Взялся с группой однокурсников за выпуск первой институтской стенгазеты (меня выбрали главным редактором). Вольнодумный привкус ряда студенческих статей и заметок не всем нравился в ректорате, что не раз становилось предметом разбирательств.

В декабре 1957 года, принятый внештатным референтом в Комитет молодежных организаций (КМО), по заданию редакции его «Информационного бюллетеня» взял интервью у матери Героя Советского Союза Саши Чекалина о переписке с вьетнамской молодежью и опубликовал свою первую журналистскую статью.

Тогда же, осознав, что без регулярного живого общения с носителями вьетнамского языка его по-настоящему не осилить (к тому же ежедневно приходилось тратить несколько часов на дорогу: сначала на автобусе до станции плюс больше часа на электричке и затем на метро), не без труда добился места в студенческом общежитии МГУ в Сокольниках на улице Стромьнка, где комнату со мной первый год делили вьетнамский студент и аспирант из Китая. От общения с вьетнамцем, которому я постоянно докучал расспросами с блокнотом в руках, вынес умение неплохо различать беглую вьетнамскую речь и, признаюсь, более основательное знакомство с ненормативной лексикой. Впоследствии демонстрировал свои познания только в узком

кругу по просьбе вьетнамских собеседников, что приводило их в полный восторг.

Ценным для меня было общение с вьетнамскими студентами различных московских вузов. Избрав темой своей курсовой работы культ предков и другие общинные верования во Вьетнаме, к концу четвертого курса опросил сто пятьдесят вьетнамских студентов различных институтов, записав их рассказы о том, как отправляется культ духа — хранителя деревни в общинных домах их родных деревень. За эту работу был отмечен премией Научного студенческого общества.

Об учебе на третьем курсе напоминает мне сохранившаяся вырезка из центральной вьетнамской молодежной газеты (в ней опубликованы письмо нашей группы, адресованное вьетнамским студентам, изучающим русский язык в вузах ДРВ, и фотография, на которой под диктовку преподавателя я что-то пишу на доске на вьетнамском).

На четвертом курсе мой тогдашний романтический настрой отражает выбор для первого перевода старинной вьетнамской легенды «Ты Тхык», опубликованной в сборнике студенческих работ.

В том же году моей первой границей была Чехословакия, где я побывал в составе студенческой делегации МГУ. Эта поездка запомнилась радушным приемом, особенно в Словакии — Прешове и Михалевцах. Не забуду, как жители в одном селе, где побывала наша группа, узнав, что мой отец воевал в этих местах, участвовал в освобождении Праги и награжден чехословацкими орденом и медалью, наперебой зазывали меня в свои гостеприимные дома и долго не отпускали, вспоминая военные годы.

Тему своей дипломной работы — «Молодежное движение во Вьетнаме» избрал на практике в ЦКШ в Вешняках и подготовил на базе собранных там материалов.

И теперь, полвека спустя после окончания вуза с большой благодарностью вспоминаю своих институтских наставников, прежде всего ярких, талантливых и увлеченных преподавателей языка, литературы и истории Вьетнама М.Н. Ткачева

и Д.В. Деопика, которые сумели с самого первого курса направить мою неумную энергию в полезное русло. Поощряя углубленное изучение профильных предметов на факультетах университета, они привили мне устойчивый интерес к научной работе, что очень помогло в дальнейшем.

КРОВНЫЕ УЗЫ ВЬЕТНАМСКОГО БРАТА

До сих пор хранит память встречу с матерью Героя Советского Союза Саши Чекалина* Надеждой Самойловной в ее небольшой квартире на Ново-Песчаной улице. В декабре 1957 года, в ту пору студент 2-го курса вьетнамского отделения Института восточных языков при МГУ, по заданию редакции «Информационного бюллетеня» Комитета молодежных организаций СССР я взял у нее интервью и опубликовал свою первую журналистскую статью.

С большим волнением перечитываю старые записи в блокноте. «Летом 1957 года, — рассказала Надежда Самойловна, — после моего выступления на слете выпускников школ Московской области ко мне подошел вьетнамский журналист и спросил, не могла ли я рассказать молодежи Вьетнама о моем сыне. В ответ на мое письмо, которое было опубликовано 7 ноября 1957 года в молодежной газете «Тьен Фонг» («Авангард»), я стала получать много писем со всех концов Северного Вьетнама от воинов Народной армии, рабочих, школьников и студентов».

На круглом столике в небольшой гостиной с трудом умещаются большие пачки писем в разноцветных конвер-

* 6 ноября 1941 г. Александр Чекалин, тогда 16-летний радист и разведчик партизанского отряда, действовавшего на территории Суворовского района Тульской области, схваченный фашистами, после пыток был повешен на глазах согнанных на казнь жителей деревни. Подвиг А. Чекалина 4 февраля 1942 г. был посмертно отмечен Звездой Героя Советского Союза.

тах. Простые, душевные слова матери героя, обращенные в письме к вьетнамской молодежи, ее сердечные пожелания еще крепче любить свою родину, преодолевать все трудности, выполняя свой долг перед родиной, как Саша, бороться за ее единство, за счастье своего народа взволновали юношей и девушек далекой страны. Внимательно вчитываясь в старательно выведенные ровным почерком трогающие душу строки. Сколько искренних чувств, сыновней любви выражено в них!

«Дорогая мама, — пишет боец Народной армии Нгуен Хонг Лиен, прошу Вас считать меня своим сыном, потому что у меня нет матери. Я прошу Вас разрешить мне называть Вас мамой — словом, которое я не произносил вот уже пять лет».

«Я, вьетнамский юноша, — пишет ученик Ханойской средней школы Нгуен Мань Тиен, — очень счастлив, что у меня теперь есть в Советском Союзе мать, что я теперь как бы кровный брат советских юношей и девушек. Позвольте мне называть себя Вашим сыном и братом Саши...».

Когда знакомишься с письмами, перед глазами проходят события тех незабываемых лет в жизни вьетнамского народа. Героическими победами, во имя которых народ Вьетнама принес неисчислимые жертвы, отмечен его путь к свободе и независимости своей родины.

«Я помню, как во время войны враги сожгли мою родную деревню и расстреляли восемьдесят жителей. Среди них был мой восемнадцатилетний брат. Мой отец был схвачен и замучен пытками. Погиб и старший брат. Вспоминая об этом, я еще крепче сжимаю винтовку», — пишет молодой боец Ле Биа.

На землю Северного Вьетнама пришел мир, но страна разделена на две части, многие десятки тысяч людей оказались оторванными от своих семей. Народ Вьетнама хорошо знает виновников своих страданий. С каждым днем усиливается борьба за единство страны.

Вот что пишет об этом Надежде Самойловне боец ВНА Май Тинь: «Наша страна разделена и мне приходится жить

вдали от матери, которая живет в Южном Вьетнаме. Я знаю, что режим Нго Динь Дьема не дает нам возможности встретиться и даже переписываться. Но я буду прилагать все усилия, чтобы наша Родина была объединена. Я обещаю Вам следовать в этой борьбе примеру Вашего сына Саши.

И в жизни, и в борьбе вьетнамские юноши и девушки стремятся следовать примеру своих советских сверстников, юного героя Советского Союза Александра Чекалина.

«Я, член Союза трудящейся молодежи Вьетнама, обещаю Вам, что буду неуклонно выполнять Ваши советы — буду любить Родину, как Саша, буду учиться у него героизму».

«Мы обещаем Вам, что будем вырабатывать у себя такой характер, какой был у Саши. Это придаст нам новые силы в учебе, а потом и в работе», — пишут студенты из Ханоя.

«В строительстве новой жизни, в борьбе за объединение страны вьетнамский народ всегда встречал дружественную поддержку и помощь со стороны Советского Союза, — пишет студент Нгуен Ван Кхань. — Я учусь в Политехническом институте в Ханое, который был открыт благодаря помощи Вашей страны. Каждый день, слушая лекции советских специалистов или практикуясь на механизмах, присланных из Советского Союза, я с благодарностью вспоминаю советский народ. Нашей дружбе — 10 тысяч лет!»

* * *

Пишу эти строки в канун двух славных дат в жизни наших народов — 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и 45-летия со Дня освобождения Южного Вьетнама.

Все больше времени отделяет нас от тех исторических событий. Но героические подвиги Александра Чекалина и его вьетнамских сверстников, отдавших свои жизни за завоевание этих великих побед, навсегда останутся живы в народной памяти, в сердцах каждого из нас.

ЮРИЙ ГАГАРИН ВЫСОКО И ВБЛИЗИ

Сообщение о космическом полете Юрия Гагарина мгновенно облетело коридоры Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ в Вешняках, где после четвертого курса института первую половину отведенного на преддипломную практику времени я стажировался в должности переводчика группы вьетнамских слушателей, вызвав всеобщее ликование у интернационального состава школы. Радостное возбуждение не покидало нас и в последующие дни. 14 апреля 1961 года, доехав на электричке до Казанского вокзала, мы колонной с портретами Юрия Гагарина направились к Красной площади. Выйдя на нее в многолюдном потоке демонстрантов и проходя мимо мавзолея, мы пристально всматривались в сторону его центральной трибуны, стараясь разглядеть стоявшего на ней легендарного космонавта.

Не думал я тогда, что вскоре мне посчастливится снова увидеть нашего кумира, на этот раз вблизи, и где — в Кремле!

Случилось это три месяца спустя на заключительном приеме для участников 2-го Московского международного кинофестиваля, на котором мне за месяц до отъезда во Вьетнам предложили «подработать» переводчиком вьетнамской делегации.

Когда до открытия фестиваля оставалось всего два дня (эта церемония состоялась вечером 9 июля 1961 года во Дворце спорта в Лужниках), оказавшись у Пушкинской площади, рядом с которой круглосуточно бурлила стройка, я как и другие прохожие, с любопытством наблюдал за лихорадочной работой множества стройбатовских солдат, гадал, успеют ли они вовремя привести в порядок территорию вокруг кинотеатра.

Однако к открытию кинофестиваля после последнего ночного аврала строители и организаторы кинофестиваля в очередной раз посрамили скептиков: в конце сквера на развалинах древних церковных строений выросло новое здание кинотеатра «Россия» (ныне «Пушкинский»). В день

его открытия случилось непредвиденное. Кто-то из первых посетителей, еще не привыкший к широким дверным проемам из стекла, к тому же из-за спешки не обозначенными для наглядности цветными полосками, пытался пройти в него через стекло, серьезно поранив себя и других обрушившимися на головы осколками.

К началу проходившего в кинотеатре «Россия» конкурсного показа художественных лент, казалось, все было готово. Однако огрехи предфестивальной гонки продолжали напоминать о себе, и как это часто бывает, в самый не подходящий момент. Минут через десять после начала первого вечернего показа конкурсного фильма «Голый остров» Кането Синдо (ему за долго предсказывали Гран-при, и критики не ошиблись) экран внезапно потух. Еще дважды показ ленты возобновлялся и вовсе прекратился. Установилась томительная пауза: организаторы долго решали, продолжить демонстрацию фильма или отложить его повторный показ на другой день. Наконец, объявили, что прерванный «по техническим причинам» фильм будет показан на следующий день, и зрителям было предложено посмотреть следующую по программе конкурсную ленту. Праздничное настроение, и не только у меня одного, сохранившееся после теплых приветственных выступлений перед началом конкурсного показа, постепенно улетучивалось. Но, оставив в стороне эти и другие накладки, неизбежные при проведении столь масштабного мероприятия, к тому же одного из первых в таком формате, хочу передать окружавшую нас, для кого это было еще и работой, и конечно для зрителей, атмосферу большого праздника, волнительную от близкого прикосновения к любимому искусству и его знаменитым творцам, многих из которых довелось увидеть впервые.

Несомненно, подлинным украшением 2-го ММКФ был показанный в последний конкурсный день шедевр Григория Чухрая «Чистое небо», завоевавший Большой приз, и уже упомянутый «Голый остров» Кането Синдо, удостоившийся Гран-при фестиваля. Среди конкурсных кинолент был отмеченный дипломом фильм «Огонь на 2-й линии фронта» вьетнамского режиссера Фам Ван Кхоа.

Не меньшим украшением фестиваля были его гости — звезды мирового кино. Помню, как войдя с группой переводчиков в обеденный перерыв в ресторан второго этажа гостиницы «Москва» (там размещалась большая часть гостей и переводчики, которым выдавали талоны на питание в том же ресторане), мы впервые увидели сидящих рядом за столиком Джину Лоллобриджиду с Элизабет Тэйлор, которая прилетела в Москву к концу фестиваля.

И, конечно же, большим событием 2-го Московского международного кинофестиваля стал заключительный прием для его участников в Кремле. Особое внимание к нему объяснялось участием самого Юрия Гагарина, только три месяца назад совершившего первый в мире полет в космос.

Приглашенные на прием старались протиснуться к главному столу, в центре которого находился ставший уже легендой космонавт, в надежде получить автограф.

Сенсацией приема, о чем потом еще долго писали западные газеты, стало появление в зале Джинны Лоллобриджиды и Элизабет Тэйлор в абсолютно одинаковых, к их явному конфузу, белых ажурных платьях. (К приему в Кремле они готовились заранее, заказав свои «эксклюзивные», как потом оказалось не в единственном экземпляре, наряды у известного парижского кутюрье, которому, как писали французские газеты, разгневанная Элизабет Тэйлор позже учинила судебный иск.)

Стоя неподалеку, я наблюдал, как их подвели к космонавту и как более энергичная Джина Лоллобриджиды, обводя Юрия Гагарина восхищенным взглядом и энергично жестикулируя, в ожидании автографа что-то сказала ему с завораживающей улыбкой. Стоявшие близко гости отреагировали на это дружным одобрительным смехом. «Что она сказала?» — спросил я, протиснувшись поближе, у знакомого переводчика. «Для Вас, Юра, все звезды доступны!» (Такой мне и моим коллегам-переводчикам запомнилась эта фраза, которую мы еще не раз повторяли, вспоминая кремлевский прием.)

Запомнилась и заключительная церемония вручения награды фестиваля. Когда волнуясь не меньше юной вьетнам-

ской киноактрисы Фам Тхи Нгок Лан (как представительница страны, завоевавшей приз на 1-м ММКФ, она вместе с С.Ф. Бондарчуком поднимала флаг на церемонии открытия кинофестиваля), я переводил ее выступление. В тот вечер мне в первый и последний раз довелось подняться на сцену кинотеатра «Россия». Сразу после закрытия фестиваля он был надолго закрыт на «косметический» ремонт.

ВПЕРВЫЕ ВО ВЬЕТНАМЕ

Оставшиеся отведенные на преддипломную практику восемь месяцев, я проработал во Вьетнаме переводчиком группы специалистов Министерства Морского Флота, проектирующих причалы в порту Хайфон.

Не забуду свою первую поездку во Вьетнам, куда отправился в конце августа 1961 года скорым поездом «Москва — Пекин». Весь путь до Ханоя по железной дороге занимал тогда 12 дней, из них пять с половиной (через Читу) до границы с Китаем и дальше более полутора суток до Пекина. Да еще после ночевки там трое с половиной суток по китайской территории до Ханоя, причем с заменой дважды на границе с Китаем и Вьетнамом колесных пар.

На этом долгом пути запомнились трогательные старушки на станции Слюдянка на Байкале, во время краткой остановки предлагавшие пассажирам завернутых в газету копченых омулей. Врезалось в память и то, как после Читы при приближении к китайской границе, когда поезд замедлял ход, вагон-ресторан осаждали следовавшие за нами по бездорожью на «козликах» молодые офицеры, бросавшие через окна официанткам смятые купюры в обмен на бутылки со спиртным и консервы.

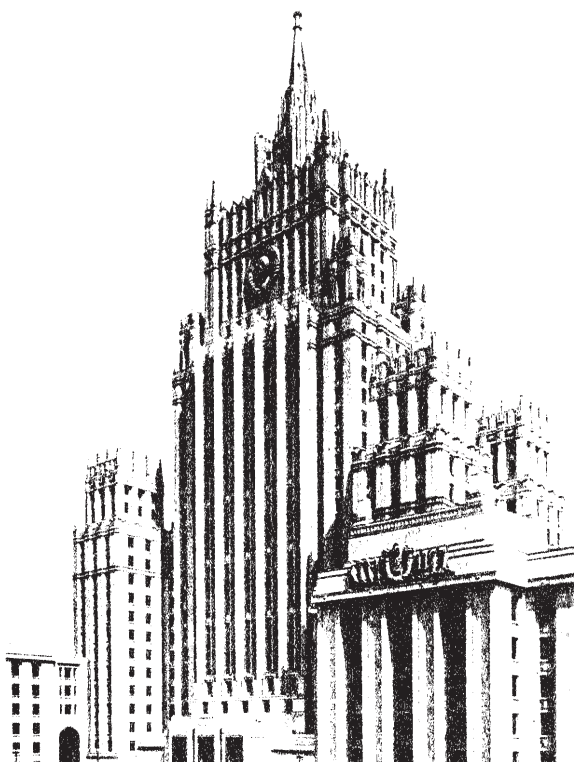
На пограничной станции «Забайкальск», которая еще три года назад называлась «Отпор», к нашему железнодорожному составу прицепили долгожданный китайский вагон-ресторан,

где мы с попутчиками провели большую часть оставшегося до Пекина пути, расплачиваясь за аппетитную снедь купленными еще в Москве «талонами на питание».

Большое впечатление оставили красочные парад и демонстрация на площади Бадинь в Ханое по случаю вьетнамского национального праздника, куда нас пригласили перед отъездом к месту работы в Хайфон.

Растущая экономика ДРВ срочно нуждалась в расширении пропускной способности главного морского порта страны, и помощь наших опытных специалистов в проектировании новых и реконструкции существующих грузовых причалов была очень востребована. В свободное от работы время готовился к выпускным экзаменам, подчищая текст дипломной работы.

По окончании командировки в апреле 1962 г. я, как и другие специалисты группы, был награжден медалью «Дружба» правительства ДРВ «За оказание помощи вьетнамскому народу в деле восстановления и развития экономики и культуры, в строительстве социализма», которую в торжественной обстановке вручил заместитель министра транспорта.

НАЗНАЧЕНИЕ В ХАНОЙ

НАЗНАЧЕНИЕ В ХАНОЙ

На объектах экономического сотрудничества

На линии разлома

«Прошу обеспечить охоту на тигра»

От практики к науке

Памятная встреча с Президентом ДРВ Хо Ши Мином

В Брестской крепости с посланцем народа

Южного Вьетнама

Боевые будни шахтеров Хонгая

«КВ» в легендах и наяву

НА ОБЪЕКТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

После сдачи выпускных экзаменов и окончания института в сентябре 1962 года я снова отправился в Ханой, теперь уже в качестве старшего переводчика Аппарата советника по экономическим вопросам Посольства СССР в ДРВ (Представительства ГКЭС в ДРВ).

К месту назначения я отправился в обновке. Перед отъездом в обмен на два ордера, выданные мне в отделе кадров ГКЭС, в секции готовой одежды на верхнем этаже ГУМ'а я обзавелся первым в моей жизни деловым костюмом и пальто отечественного пошива.

Два года работы в Представительстве ГКЭС открыли для меня широкую возможность изучить экономику Вьетнама, получить конкретное представление об осуществляемом при материально-техническом содействии нашей страны восстановлении, реконструкции и строительстве промышленных и других экономических объектов. Постоянно наблюдая за ходом их строительства, присутствуя при вводе в строй 1-й очереди ТЭС Уонгби (там мне довелось впервые переводить беседу с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом), суперфосфатного завода в Ламтхао, горно-обогатительного комбината Тиньтук, шахт Лангкам и Вангзань, я смог основательнее познакомиться со страной, побывав в ее отдаленных уголках.

Старшее поколение вьетнамцев помнит, сколь значительными были в то предвоенное десятилетие масштаб технико-экономической помощи СССР Вьетнаму, ее роль в восстановлении и строительстве важнейших отраслей экономики ДРВ. Только за период с 1955 года на конец 1964 года Советский Союз оказал материально-техническое содействие в реконструкции и строительстве 18 энергетических объектов, в том числе 10 электростанций без учета подвижных дизельных

электростанций (в 1965 году они выработали 40% всей электроэнергии в стране), в восстановлении или новом строительстве 10 угольных карьеров и шахт (в 1964 году на их долю приходилось 82,3% всего объема выработки каменного угля в стране), крупного оловоплавильного комбината Тиньтук в Каобанге (100% производства металлического олова в стране). В эти годы был построен крупный суперфосфатный завод в Ламтхао (свыше 70% всего производства минеральных удобрений в ДРВ), оснащен первый в стране крупный механический завод в Ханое, сооружен целый ряд предприятий целлюлозно-бумажной, легкой и пищевой промышленности. К 1964 году удельный вес безвозмездной помощи и кредитов всех социалистических стран в поступлениях государственного бюджета ДРВ достиг 80%.

НА ЛИНИИ РАЗЛОМА

За два года работы в аппарате Советника по экономическим вопросам Посольства СССР в ДРВ мне нередко приходилось совершать поездки в различные районы Северного Вьетнама, в основном туда, где на объектах двустороннего технико-экономического сотрудничества трудились наши специалисты. Но когда в феврале 1964 года известный журналист-международник, спецкор газеты «Правда» в странах Индокитая Иван Щедров предложил отправиться с ним в недельную поездку на юг ДРВ до самой демаркационной линии, временно разделяющей по Женевским соглашениям 1954 года Север и Юг Вьетнама, я конечно же сразу согласился*.

* По условиям подписанного 20.07.1954 г. в Женеве Соглашения «О прекращении военных действий во Вьетнаме» территория страны была временно (до проведения в июле 1956 г. всеобщих свободных выборов, которые были сорваны по вине южновьетнамской стороны) разделена демаркационной линией, проходившей немного южнее 17-й параллели по реке Бенхай. С каждой стороны от демаркационной

Эта поездка, последняя в предвоенное время, за полгода до первых бомбардировок территории ДРВ, открывала возможность на месте познакомиться с повседневной жизнью в демилитаризованной зоне в условиях острого идеологического и силового противостояния двух разделенных частей Вьетнама. Осмотр по пути древних памятников и знаменательных мест, помог «привязать к местности» многие факты и сведения, почерпнутые раньше из институтских лекций и книг по истории Вьетнама.

Перелистывая сохранившиеся записи в блокноте, я как бы заново переживаю те далекие события полувековой давности.

Выехав из Ханоя рано утром 17 февраля 1964 года, не доезжая километров пятнадцати до г. Тханьхоа, мы не могли не остановиться у Храма госпожи Чиёу (Den Ba Trieu) и у расположенной справа на холме ее могилы, откуда позднее был перенесен прах этой героической женщины, во многом благодаря личной храбрости и «военной хитрости» которой была одержана историческая победа над китайскими захватчиками в III в. н. э. Осмотрев мельком другие достопримечательности Тханьхоа — родины и вотчины императора Бао Дая, направились дальше в г. Винь. По пути нам встретилась пагода Ан Зыонг

Вьонг (Chua An Duong Vuong), построенная на месте, где по одной из версий король Ан Зыонг Вьонг (257–208 гг. до н. э.), спасаясь от преследования китайских войск, узнав об измене дочери, утопил ее в колодце (по другой — был сам сброшен туда врагами).

В г. Винь, центре провинции Нгеан, родины президента Хо Ши Мина, из бесед с работниками административного и партийного комитетов города узнали о состоянии дел в провинции, осмотрели теплоэлектростанцию, построенную с помощью Советского Союза, сохранившиеся северные и южные

линии была создана демилитаризованная зона шириной 5 километров. Как подчеркивалось в Заключительной декларации совещания, она «должна служить буферной зоной, чтобы избежать всяких инцидентов, которые могли бы привести к возобновлению военных действий».

ворота крепости, музей Совета Нгетинь, побывали в речном порту Бентхюи в 5-ти километрах от города.

Отправившись на следующее утро в Донгхой, сделали остановку в Хатинь. Расположенная в этой небольшой провинции ровная долина, служившая удобным местом для крупных военных сражений, буквально усыпана могильными холмами, издали похожими на островки посреди безбрежных рисовых полей, тянувшихся на многие километры по обеим сторонам дороги. Впечатление такое, будто проезжаешь по костям десятков тысяч захороненных воинов.

До Донгхоя оставалось преодолеть еще 145 км по дороге мандаринов и переправу через реку Зиань шириной 800 метров. По ней в XVI–XVIII веках проходила граница зон влияния между враждующими династиями Чинь и Нгуен.

Наконец, через два часа пути, включая еще одну паромную переправу, мы добрались до конечного пункта нашей поездки — города Виньлинь, находившегося у демилитаризованной зоны (ее установленная Женевскими соглашениями общая ширина — 10 километров, 5 — с каждой стороны), места расположения группы Международной контрольной комиссии по наблюдению за перемирием во Вьетнаме (в нее входили поляки, индусы и канадцы). До реки Бенхай, по которой немного южнее 17-й параллели проходила демаркационная линия, оставалось 7–8 км. С июля 1955 года переход через нее и мост были закрыты.

Из многочисленных свидетельств наших собеседников — политработников, полицейских, местных жителей и представленных нам двух перебежчиков — южан, складывалась картина непрекращающихся нарушений со стороны южновьетнамских властей установленного Женевскими соглашениями 1954 года режима демилитаризованной зоны. В нее за неделю до нашего приезда (по упомянутым соглашениям каждой стороне разрешено было вводить не более 80–100 полицейских, вооруженных только легким стрелковым оружием) проникли два батальона южновьетнамских войск, численностью 1,5 тысячи человек, которые арестовали 34 местных жителя. На южновьетнамской половине

демилитаризованной зоны продолжалось строительство под видом школ бетонных сооружений военного назначения, участились обстрелы с южного берега проплывающих по реке рыбацких лодок.

По рассказам собеседников, на обстановке в этом районе сказывался рост активности в последнее время Национально — освободительной армии в соседних южновьетнамских провинциях (ближайший от демилитаризованной зоны освобожденный район находился в 30–40 километрах), особенно после свержения в результате переворота в ноябре 1963 года президента марионеточного правительства Нго Динь Дьема.

Из записанных рассказов, на мой взгляд, достоверно передающих атмосферу, в которой в тот напряженный предвоенный период с обеих сторон демаркационной линии велась активная пропагандистская война, приведу три.

Первая из них — «история о знамени» в изложении (лексика сохранена) начальника отдела пропаганды, редактора районной газеты «Thong Nhat» («Тхонгнят») Нгуен Динь Аня. «До 1955 года по обеим сторонам моста государственные флаги висели на шестах высотой 5–6 метров. В 1955 г. один старик с северного берега увидел высокое дерево и предложил использовать его как древко для знамени, которое повесили на высоте 13–14 метров. На южной стороне не смогли найти такого высокого дерева и использовали как древко металлическую матчу. В 1958 году жители на южном берегу стали говорить, что дерево кривое и недостаточно высокое, чтобы им с южного берега было хорошо видно знамя. И тогда мы установили знамя на высоте 36 метров, с бетонным основанием 42 метра. На этой высоте оно висит до сих пор. В ответ на южном берегу повесили свое знамя на мачте на высоте 38 метров, с фундаментом 45 метров, на два метра выше нашего. Но полотнище нашего знамени все же было больше южновьетнамского. Сейчас население северного берега просит повесить наше знамя повыше и размером полотнища 10 на 15 метров».

Не менее любопытна и рассказанная Нгуен Динь Анем «история пограничного моста». Читаю запись в блокноте:

«С самого начала было решено, что ремонт и покраска моста будут проводиться по очереди раз в два года. В 1956 году южная сторона покрасила мост в голубой цвет (в 1955 году он был выкрашен в коричневый цвет). Когда в 1958 году подошла наша очередь и мы покрасили его в красный цвет, южная сторона выступила против, заявив, что половина моста принадлежит им, и сразу перекрасила ее в голубовато-зеленый цвет. В 1959 году мы снова покрасили свою половину моста в красный цвет, а южная сторона — в голубой. В 1960 году обе стороны в канун своих национальных праздников опять покрасили половины моста в те же разные цвета — красный и голубой. В 1963 году после того, как мы решили покрасить мост в один с южной стороной цвет, она к своему празднику 26 октября покрыла свою половину моста очень хорошей американской краской *xanh luc* (по описанию близко к тем-нозеленой), и потом похвалялась, что такой краски у нас не найти. Тогда мы поехали в Ханой, но такой краски там не оказалось. К нам приехали из столицы специалисты, которые в течение недели изучали вопрос, можно ли изготовить подобную краску из местного сырья. После неудачи эту задачу поручили мастеру Ки (по словам собеседников, он «перешел на нашу сторону с Юга»).

О том, как дальше разворачивались события описано в статье «Встреча с рабочими, покрасившими мост Хиен Лонг», которая была опубликована в районной газете «Тхонг-нят» за 20 декабря 1963 года. Цитирую далее по этой газетной статье: «Разве мы не можем, — думал Ки, — приготовить такую же краску как знаменитая американская. Чтобы изготовить ее из иностранного сырья, придется ждать 4–5 месяцев. Надо ускорить работу, чтобы ознаменовать II съезд НФОЮВ и день рождения президента Хо Ши Мина. Я считаю, что покраска моста одним цветом имеет политическое значение. Мы не можем покрасить его худшей краской, чем они». Ки справился с задачей и сам приготовил краску из местного сырья не хуже американской, предварительно изучив образцы цвета *xanh luc*. «В ноябре 1963 года, — сообщается далее в газетной статье, — бригада маляров из трех девушек — одна

из них по имени Тхем и две — по имени Хьонг, во главе с мастером Ки покрасили северную половину моста в тот же цвет, что и южная сторона. Со времени переворота в Южном Вьетнаме в ноябре 1963 года ничего не изменилось и все остается, как прежде», — заключил свою историю Ань.

Не менее активно и изобретательно, по рассказам собеседников, разворачивалось «состязание» в области пропагандистского радиовещания. Стремление превзойти противную сторону явно проглядывало и в проводимых ими деталях организации и ведения пропагандистского вещания, которое все активнее применялось с обеих сторон демаркационной линии для оказания психологического воздействия на проживающее в демилитаризованной зоне население и находившиеся вблизи нее воинские части.

«Поначалу, — рассказали нам в беседах в городе Виньлине Нгуен Динь Ань и другие политработники, — из-за слабой технической оснащенности мы использовали только громкоговорители и рупоры. В 1954 году у нас имелась только одна маломощная установка в 25 ватт, а в 1955 году мы получили еще одну, мощностью 100 ватт, и репродукторы. В 1956 году была построена радиостанция, но со старым оборудованием, установить которое помог советский специалист. В 1958 году эту радиостанцию и еще полученные две по 600 ватт мы использовали для радиофикации деревни и установили репродукторы вдоль демаркационной линии, направив их в сторону юга. В 1961 году заработала еще одна радиостанция, мощностью 10 киловатт, оснащенная советским оборудованием, которая теперь могла «покрыть» всю территорию демилитаризованной зоны. Вдоль нее на столбах были развешаны громкоговорители китайского производства. К концу 1963 года на каждом столбе было установлено по 40 репродукторов, которые прослушивались на расстоянии до 6–7 километров, в то время как до 1963 года — только до четырех.

Южновьетнамская сторона тоже установила на столбах вдоль демаркационной линии мощные репродукторы размером 1,4 метра каждый, по шесть-десять штук на одном столбе. Несколько матч и столбов были поставлены у самого моста,

четыре из них были повернуты на север, остальные — на юг. Три столба с репродукторами, «покрывавшие» расстояние в четыре километра, были установлены на берегу, у низовья реки. Кроме того у южновьетнамской стороны имелись две передвижные звуковещательные станции на автомобилях».

Помимо ретрансляции передач своих радиостанций обеими сторонами активно проводились в разнообразных формах пропагандистские мероприятия для психологического воздействия на население демилитаризованной зоны, разделенное на две части демаркационной линией, проявляя при этом немало изобретательности, чтобы избежать обвинения в нарушении ее режима, установленного парижскими соглашениями.

Так, со стороны ДРВ, по словам собеседников, активно использовалось «выгодное» местоположение рынка, находившегося в 150 метрах от берега реки, для организации в дневное время выступлений артистов цирка, которые были хорошо видны с другого берега. Начиная с 1957–58 годов, для проведения концертов, пользующихся большой популярностью у жителей на южном берегу, использовались и импровизированные сцены, сколоченные поверх причаленных к берегу скрепленных рыбацких лодок. С 1963 года выступления артистов стали проводить прямо на берегу на насыпанном возвышении. 11 и 12 февраля 1964 года впервые жителям на южном берегу разрешалось свободно, а не украдкой, с оглядкой на полицейских, в отличие от прежних лет, смотреть концерт артистов цирка. С 1962 года ретранслировались выступления советских артистов и международные футбольные матчи.

На южном берегу, где в отличие от северного, рынка поблизости не было, концерты танцевальных ансамблей и спектакли национального театра устраивались на площадке у моста рядом с высокой мачтой, на которой висел их флаг.

Из города Виньлинх мы вернулись в город Донгхой, где из рассказов жителей узнали о возросшей за последнее время напряженности в провинции в связи с активизацией подрывной деятельности со стороны южновьетнамских властей. Ди-

версентов забрасывают с воздуха, по ночам с морских судов, часть их проникает через горы. В прошедшем 1963 году зафиксировано более ста нарушений границ провинции, большинство диверсионных групп удалось захватить.

Теплый прием оказали нам в сельскохозяйственном кооперативе Дайфонг имени вьетнамско-советской дружбы, где мы провели весь следующий день. С интересом читаю старые записи бесед в кооперативе, организованных к нашему приезду по инициативе гостеприимных хозяев, — с членами правления, кулаком, середняком, бедняком, помещиком, бывшим колдуном и участниками местной художественной самодеятельности.

По всему чувствовалось дыхание приближающейся войны. Уже 5 августа был совершен первый налет авиации США на территорию ДРВ, а на следующий год 7 февраля 1965 года начались регулярные массированные бомбардировки населенных пунктов Северного Вьетнама.

Одной из первых от варварских налетов пострадала построенная при техническом содействии Советского Союза теплоэлектростанция в городе Винь, на которой я побывал во время той памятной поездки к 17-й параллели. В ноябре 1965 года мне довелось с делегацией снова побывать в городе Вине на этой ТЭС, уже разрушенной американскими бомбардировками.

«ПРОШУ ОБЕСПЕЧИТЬ ОХОТУ НА ТИГРА»

С довоенным периодом моей командировки во Вьетнам связан эпизод, во многом типичный для атмосферы, в которой приходилось работать в то время.

Однажды, это случилось летом 1963 года, меня вызвал мой непосредственный начальник, возглавлявший представительство ГКЭС в ДРВ, в недавнем прошлом заместитель председателя правительства Узбекистана, и по обыкновению

тыкая, коротко изрек: «Зайди срочно к торгпреду. Ему нужна твоя помощь!».

Торгпред, ожидавший меня в своем кабинете, показался мне очень озабоченным. «Вот радиограмма с нашего судна, она только что пришла на мое имя», — сказал он, протягивая мне листок бумаги. В ней после краткого обращения содержалась только одна фраза: «Прошу обеспечить охоту на тигра». Подпись принадлежала заместителю главы крупного в то время монополиста — акционерного общества «Совфрахт». Телеграмма была отправлена с зафрахтованного в Сингапуре судна, которое перегонялось в Калининградский порт и находилось на подходе к вьетнамскому порту Хайфон. «Я срочно займусь организацией охоты, а Вас попрошу сопровождать важного гостя и помочь ему как знаток вьетнамского языка и местных реалий», — польстил он мне на прощание.

Прошло несколько дней, судно уже стояло на рейде Хайфона и важный гость переселился в гостиницу, ожидая известий из торгпредства.

Затруднения торгпреда, задействовавшего для организации охоты все свои контакты, были понятны. Да и само намерение «важной персоны» поохотиться на тигра в полунищем Вьетнаме, стоявшем на пороге войны, казалось нам, мягко говоря, неуместным. Да и тигры, насколько я слышал, в этих краях встречались крайне редко. Наверное, подобным образом отнеслась к этой затее и вьетнамская сторона.

К исходу недели пришло тревожное известие из хайфонской гостиницы, где остановился наш охотник. Он учинил там большой переполох, затеяв среди ночи в своем номере стрельбу по крысам из охотничьего ружья. Так и осталось загадкой: то ли ему вздумалось, сгорая от нетерпенья в ожидании известия от торгпреда и находясь под воздействием крепкого вьетнамского напитка, «размяться» перед охотой, то ли он был всерьез напуган крысами. Так или иначе, эта новость из Хайфона помогла ускорить события.

«Все готово, — с видимым облегчением сообщил мне торгпред. Стартуете завтра утром от здания торгпредства, куда доставят из Хайфона нашего гостя». «Вам какое ружье

подойдет, может мой «Зимсон» 12-го калибра?», — деловито поинтересовался он. Скрывая свое смущение (весь мой охотничий опыт ограничивался в школьные годы зимней охотой на зайцев с «мелкашкой», во время которой отец, не доверяя свою трофейную двустволку, использовал меня по большей части в роли загонщика), я предпочел его любимое ружье, пообещал с ним бережно обращаться и вернуть в сохранности. По совету торгпреда взял к ружью патроны с самой крупной, какая у него нашлась, дробью.

Рано утром «во всеоружии» я был уже у здания торгпредства. Из подъехавшего вскоре к входу родного «газика» вышел наш охотник. Полноватый, за пятьдесят, с ружьем на плече и с длинным ножом на поясе, он удивительно напоминал, особенно в профиль, портрет героя романа Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона» в иллюстрациях Н.В. Кузьмина академического издания 1935 года. Только на голове нашего охотника вместо фески был пробковый шлем и обут он был в сапоги. В машине было сложено и другое его снаряжение. Среди множества вещей неведомого мне предназначения можно было разглядеть лампы сильного свечения. Приобретенные в Сингапуре, они, как он объяснил мне позже в дороге, предназначались для ночной охоты на тигров.

Итак, не теряя времени, мы отправились в путь (с нами были двое вьетнамцев: водитель и сопровождающий — знаток наречий горных племен). Предстояло проделать долгий путь на север в провинцию Хазянг почти на границу с Китаем, где близ горной деревушки, по сообщению местных жителей, был недавно замечен тигр. Дорога заняла весь день.

Сидя рядом с гостем из Калининграда, мне пришлось выслушать в его пересказе истории знаменитого англичанина — охотника на тигров и львов в Индии (его книга была недавно у нас издана), подвигами которого наш охотник не переставал восхищаться. «Я в точности следовал его советам», — не раз повторял он, демонстрируя мне закупленное в Сингапуре снаряжение.

Уже стемнело, когда мы по разбитым дорогам, миновав несколько мостов и переправ, наконец, добрались до места.

Въехав в небольшое поселение из десятка деревянных домов на высоких сваях, после расспросов с любопытством разглядывавших нас жителей, мы остановились у одного из них, где нас уже ожидал хозяин дома — проводник, с которым предстояло отправиться на охоту.

Следуя за ним, мы поднялись по лестнице (в наступившей темноте внизу за загородкой между сваями были едва различимы несколько свиней и кур) и оставив свою обувь у входа, оказались в просторном помещении. В противоположном углу я разглядел большой котел, из которого торчали длинные соломинки. Хозяин усадил нас на циновки вокруг котла, разжег для освещения лучины и кивком головы молча пригласил отведать из него напиток. Он говорил на неизвестном мне языке одной из горных народностей, и наше общение в дальнейшем проходило с двойным переводом через сопровождавшего нас вьетнамца. Видя нашу нерешительность, он о чем-то спросил хозяина дома и сказал мне по-вьетнамски для перевода, мол, такова традиция и нельзя обижать хозяина. Мы с нашим охотником, переглянувшись, робко потянули в себя теплую сладковатую на вкус жидкость.

Под аккомпанемент доносившихся рядом с реки каких-то странных звуков практически в темноте хозяин рассказал нам свой план предстоящей охоты. Хотя не терпелось поскорее заняться делом, беседа затянулась далеко за полночь. По совету хозяина — проводника надо было дождаться полной темноты, а пока предательски всюду светила луна. Нам предстояло направиться к реке, ближе к которой обычно держатся хищники и куда скорее всего придет ночью тигр. Тот самый хищник, который несколько дней назад неожиданно появился в деревне и задрал свинью у соседей. Подстеречь ночью тигра на задранной скотине наш проводник считает делом бесперспективным. Нам надлежит строго следовать за ним, не отклоняясь от проложенного им прохода и в полном молчании. Он будет палкой в руке показывать нам направление, откуда может внезапно появиться тигр. Туда же надо незамедлительно поворачивать лучи света от закрепленных на наших головах ламп. Важная особенность,

пояснил проводник, тигр при попадании на него снопа света зажимает один глаз. Поэтому если отсвечивать будет только один, надо, не мешкая, стрелять. Но, предупредил проводник, надо быть очень осторожным, чтобы ненароком не попасть в буйвола. (От здешних автомобилистов я слышал немало историй, чем может для водителя закончиться гибель буйвола от столкновения с ним на дороге.) Однако у буйвола, как и кошки при попадании на них луча света отражаются оба глаза.

Наконец, после инструктажа, дождавшись полной темноты и закрепив на головах лампы, стараясь не производить шум, мы направились к водопою. Первым за проводником шел наш охотник, за ним я и сопровождающий из Ханоя. Тропинка была настолько узкой и заросшей кустарником, что шедшему впереди проводнику приходилось расчищать нам путь подобием мачете. Все же просека оставалась настолько узкой, что появившись тигр сбоку, ее ширины не хватило бы, чтобы повернуться с ружьем в его направлении.

Когда мы вышли из деревни, луч от моей лампы неожиданно выхватил из темноты пару глаз. Это оказалась кошка. Хорошо, что не буйвол. Никогда не думал, что кошачьи глаза так ярко отражаются в темноте. Стараясь ступать неслышно в ногу с впереди идущими и следя за направлением палки в руке проводника, я, как и другие, напряженно прислушивался к незнакомым шорохам и звукам, которые по мере приближения к реке становились все громче. Так мы дошли до реки и, повернув, двинулись вдоль нее. Начинаясь рассвет, а с ним постепенно таяли надежды на успех всего нашего предприятия. Когда совсем рассвело, остановились на привал. «Все, тигр ушел, — наконец объявил нам через переводчика проводник, — надо возвращаться в деревню».

Больше всех огорченным несостоявшейся встречей с тигром выглядел наш охотник. Раззадоренный и возбужденный от ночного похода к водопою, он настойчиво требовал продолжения охоты. Проводник, посоветовавшись с сопровождающим, предложил продолжить неподалеку охоту с нагоном из небольшой рощи у подножья горы, где, по его словам,

водятся олени, кабаны и другие дикие звери. Он сходит в соседнюю деревню и договорится с местными жителями, чтобы они выгнали эту живность снизу на вершину горы, на которую нам надо подняться и ждать в засаде.

Наш охотник тут же согласился и мы, дождавшись возвращения проводника, двинулись в путь. Уже вовсю жарило солнце. Высота, издали казавшаяся нам небольшим холмом, при ближайшем рассмотрении, когда мы наконец добрались до ее подножья, была подобна неприступной горе. Заметив нерешительность в глазах охотника, сопровождавший нас вьетнамец, переговорив с проводником, сообщил, что до вершины совсем близко. Вверх вела крутая, извилистая тропа и за поворотами расстояние до цели определить было трудно. Но, как мы вскоре убедились, за каждым новым поворотом коварно открывался новый не менее крутой и длинный отрезок пути. После первого поворота пришлось раздеться, оставшись в одних шортах. Но оголенные ноги тут же становились добычей довольно крупных «летающих» пиявок, прикосновение которых обычно замечаешь поздно по ручейку стекающей крови. При приближении жертвы эти пиявки, опираясь на один кончик и как бы пружиня, высоко взлетают вверх. Зная по опыту, что заметив такие пиявки на теле, отдирать их сразу нельзя, иначе открывается ранка. Помогает единственно действенный, много раз проверенный способ. Преодолевая гадливость, я не спеша доставал зажигалку или спички и подносил огонь к пиявке, которая с шипением набухала и, лопаясь, отваливалась, оставляя чуть заметный след.

При тридцатиградусной жаре и стопроцентной относительной влажности подъем в гору стоил немалых усилий. Было полное ощущение, что у меня за спиной не ружье, а нечто тяжеловесное, наподобие гранатомета. Первым сдался наш охотник. После очередного «последнего» поворота, осознав, что до вершины еще далеко, он наотрез отказался подниматься выше, заявив, что возвращается назад. Нам с проводником и сопровождавшим вьетнамцем пришлось, как минимум, еще три раза, преодолев очередной отрезок

пути, долго уговаривать охотника идти дальше, уверяя его, что за тем «последним» поворотом нас действительно ждет конец пути.

Когда мы были уже наверху и проводник, разведя нас на небольшое расстояние, показал, откуда надо ожидать появления диких животных, разразился сильный ливень. Оставшись один, я начал вслушиваться в доносившийся снизу со стороны деревни шум, который постепенно нарастал. Это, как я потом убедился, ребятишки из соседней деревушки, отчаянно колотя в банки — склянки громкими криками пытались спугнуть какую-то живность и выгнать ее на нас. Не знаю, как мой сосед по номеру, но я, сжимая торгпредовский «Зимсон», из которого еще ни разу не пришлось выстрелить, ощущал легкий мандраж, гадая, какой зверь на меня выскочит. Воображение, подкрепленное рассказами проводника, рисовало картины внезапного появления, откуда не ждали, невероятных размеров хищника. После часа напряженного ожидания заметил впереди нечто метнувшееся в сторону от меня, тут же рядом раздались выстрелы.

Вскоре появились проводник, держа в руках нечто, издали напоминающее лису, и наш охотник. В присутствии набежавших деревенских ребятишек, загонявших для нас животных, проводник торжественно протянул ему охотничий трофей. Наш герой, видимо, немало раздосадованный финалом долгожданной охоты, отвел руку. После долгого обсуждения пришли к заключению, что перед нами скорее всего енотовидная собака, которую тут же передали деревенским ребятишкам. Те ее с радостью взяли и унесли, хотя только что нас хором предупреждали, «это есть нельзя».

На обратном пути в деревню, где мы оставили автомашину, наш охотник впал в какое-то непонятное состояние, принявшись целиться в любую живность — в основном это были мелкие птицы, — которая нам попадалась. Мне немалых трудов стоило отвлечь его от такого намерения.

Возвратившись в Ханой за полночь, передал на руки торгпреду, встретившему нас с нескрываемым облегчением, важную персону в целостности и сохранности, как и его любимый

«Зимсон» 12-го калибра, из которого мне так и не пришлось сделать ни одного выстрела.

ОТ ПРАКТИКИ К НАУКЕ

Собранный во время командировки материал, дополненный документами архива ГКЭС, помог мне в дальнейшем в научной работе. По возвращении в Москву поступил на должность младшего научного сотрудника в Отдел Кореи, Монголии и Вьетнама Института народов Азии Академии наук СССР (вскоре переименованный в Институт востоковедения). Сдав экзамены, был зачислен в аспирантуру «без отрыва от производства» при том же институте.

В Отделе Кореи, Монголии и Вьетнама занялся исследованием проблем хозяйственного развития ДРВ и ее экономического и научно-технического сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. По этой теме подготовил и опубликовал, в основном в закрытых изданиях, несколько научных работ и подготовил к защите диссертацию. В ней я попытался обобщить и сопоставить практику предоставления социалистическими странами технико-экономической помощи ДРВ, прежде всего Советским Союзом и Китаем, и на основе сравнительного анализа выявить резервы для повышения эффективности нашего двустороннего сотрудничества с Вьетнамом.

Много лет спустя, работая директором 4-го Департамента Азии и позднее Директором 4-го Департамента стран СНГ МИД России, каждый раз приходя на прием или беседу с послом в посольство Армении, расположенное в Армянском переулке, дом 2 (это уникальный в своем роде случай совпадения названия улицы и страны, где находится иностранное представительство), не без волнения переступал калитку старинного особняка в стиле классицизма, с которым связаны мои воспоминания тридцатилетней давности.

Дойдя до середины двора, привычно огибал высокий обелиск с барельефными портретами на его гранях основателей и попечителей частного Армянского Лазаревского училища, построенного в 1813–1815 годах на средства графа Ивана Лазаревича Лазарева (Лазаряна), придворного ювелира Екатерины II, и его семьи. Это фамильное заведение, получившее статус высшего учебного заведения и преобразованное в 1827 году в Институт восточных языков, со временем превратилось в один из крупных центров развития отечественной ориенталистики. Наряду с восточноведческими дисциплинами там преподавались арабский, персидский, турецкий, грузинский, армянский и азербайджанский языки. Среди выпускников института был К.С. Станиславский. Министр иностранных дел России, князь А.М. Горчаков во время посещения 25 марта 1859 года Лазаревского института отметил, что «некоторые из воспитанников института поступили в МИД и министерство чрезвычайно довольны их знанием восточных языков и доброю их нравственностью». После октября 1917 года, претерпев ряд реорганизаций, он в сентябре 1920 года был преобразован в Институт живых восточных языков и после слияния с восточным отделением Московского университета в одно учебное заведение стал Институтом востоковедения. В начале 50-х годов здание в Армянском переулке было передано Институту народов Азии, куда я в 1964 году по возвращении из командировки во Вьетнам поступил на работу младшим научным сотрудником.

Поднявшись по лестнице на второй этаж перед поворотом направо к кабинету посла, невольно оборачиваюсь в сторону двери, за которой небольшую комнату занимал отдел Кореи, Монголии и Вьетнама, где провел два года. А побывав в первый раз на посольском приеме, устроенном на первом этаже в бывшем актовом зале института (там проходила защита моей диссертации), я не мог отделаться от воспоминаний того памятного волнительного дня.

На защите моей диссертации, которую пришлось отложить до возвращения из командировки во Вьетнам по линии МИД, главным оппонентом был академик РАН С.Л. Тих-

винский, тогда член-корреспондент АН СССР, доктор наук, профессор, ценные подсказки которого помогли мне на завершающем этапе работы над диссертацией.

И сейчас с большой теплотой и благодарностью вспоминаю своего научного руководителя доктора исторических наук С.А. Мхитаряна, коллег по отделу Кореи, Монголии и Вьетнама — талантливых и отзывчивых ученых-востоковедов А.Г. Буданова, Ю.В. Ванина, В.С. Расторгуева и многих других.

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА С ПРЕЗИДЕНТОМ ХО ШИ МИНОМ

В ноябре 1965 года, находясь в Ханое как переводчик делегации ВЦСПС, мне довелось впервые участвовать во встрече с президентом Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мином.

За день до возвращения в Москву, когда мы только что вернулись в Ханой из поездки по стране, нам неожиданно сообщили, что делегацию примет президент ДРВ Хо Ши Мин. Это было редкое везение. В последнее время президент, ему тогда исполнилось 75 лет, по причине болезни редко появлялся на публике. Мы быстро собрались и вскоре были у входа в его официальную резиденцию — президентский дворец.

Президент, одетый в хлопчатобумажный кремового цвета костюм хорошо знакомого по фотографиям и открыткам покроя, встретил нас радушным приветствием. Его добрая улыбка и душевная простота в общении как-то незаметно помогли мне снять скованность в начале беседы и ободряли при переводе.

Президент, поблагодарив за братскую поддержку и помощь делу мирного строительства Северного Вьетнама и в отражении американской агрессии, в борьбе народов Южного Вьетнама за свободу и независимость родины, вспом-

нил эпизоды своей поездки в нашу страну, оказанный ему повсюду радушный прием. Особенно тепло он отзывался о встречах с нашей молодежью, называя ее собирательно «комсомон», говорил о множестве получаемых им от молодых рабочих, колхозников, студентов и школьников писем. (Как рассказывал мне дипломат, который работал до меня в посольстве, президент внимательно знакомился с этими письмами, не оставляя их без ответа.)

По окончании беседы, когда кто-то из нашей делегации попросил президента сфотографироваться вместе на память, он, к явному замешательству сопровождающих, неожиданно предложил сделать общий снимок на открытом воздухе. После небольшой заминки, вызванной скорее всего опасениями врача и охраны за состояние здоровья президента, а также тревожной обстановкой (после недавних массированных бомбардировок и обстрелов американской авиацией ряда населенных пунктов Северного Вьетнама ожидалась новая воздушная налет на столицу) вслед за поддерживаемым под руки президентом, мы спустились по высокой лестнице во внутренний двор, где и был сделан памятный снимок. Фотографирование не заняло много времени — торопил находившийся поблизости врач. По всему чувствовалось, что этот дружественный по отношению к нашей делегации жест стоил президенту немалых физических усилий.

Больше увидеть президента Хо Ши Мина мне не довелось. Вернувшись на следующий год в Ханой на работу в посольство за проведенные там три года я ни разу не видел президента на крупных протокольных мероприятиях, в том числе на устроенном нашим посольством юбилейном приеме в ноябре 1967 года.

Известие о кончине Хо Ши Мина застало меня уже в Москве по возвращении в конце августа 1969 года из командировки в ДРВ. Через несколько дней после прилета меня вызвали в управление кадров МИД и предупредили, чтобы я был готов, если возникнет необходимость, заменить одного из переводчиков готовящейся вылететь в Ханой для участия в похоронах правительственной делегации. (Коллега был на

границы заболевания, но все обошлось, и необходимость в моей поездке отпала.)

Позднее, в 80-х годах, уже будучи заведующим Отделом Юго-Восточной Азии МИД, каждый раз приезжая в Ханой в составе наших правительственных делегаций или на межминистерские консультации, я участвовал в возложении венков и букетов цветов к мавзолею Хо Ши Мина.

29 июня 1985 года в Москве на площади, носящей его имя, мне довелось участвовать в закладке памятника Хо Ши Мину вместе с находившейся в нашей стране с официальным дружественным визитом партийно-правительственной делегацией СРВ во главе с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном.

В БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ С ПОСЛАНЦЕМ НАРОДА ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

В 1965 году в период работы в Институте народов Азии мне довелось дважды побывать в ДРВ — на Международной конференции солидарности с народом Вьетнама и с профсоюзной делегацией, а также сопровождать в качестве переводчика Главу Постоянного Представительства Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) Данг Куанг Миня в его первой поездке по нашей стране.

Принятое в декабре 1964 года решение об открытии в Москве постоянного представительства НФОЮВ при Советском комитете солидарности стран Азии и Африки (21 июня 1969 года после установления дипотношений с Республикой Южный Вьетнам представительство преобразовано в посольство) было расценено тогда у нас в стране и во Вьетнаме как новое подтверждение солидарности с борьбой народа Южного Вьетнама за освобождение своей родины.

В маршрут поездки помимо Ленинграда и Бреста с посещением мемориала Брестская крепость и Беловежской пущи,

Данг Куанг Минь предложил обязательно включить «посещение родины товарища Сталина». Поначалу организаторы поездки пытались отговорить его от такого намерения, ссылаясь на то, что «в Гори уцелел только один памятник и смотреть там особенно не на что» (после XXII съезда КПСС в 1961 году почти все памятники И.В. Сталину были демонтированы), но гость настоял на своем.

Мне хорошо запомнилось, с каким радушием принимали повсюду посланца народа Южного Вьетнама, с каким воодушевлением на встречах и митингах встречали их участники сообщения о новых успехах армии НФОЮВ в освобождении территории Юга страны, выражали уверенность в скорой полной победе его народа. Особенно символичными были встречи с ветеранами Великой Отечественной войны во время посещения Брестской крепости.

По прилете в Тбилиси после встреч и выступления по местному телевидению гостя повезли в Гори. В главном корпусе музея и доме, где родился И.В. Сталин, на месте убранных экспонатов виднелись следы от вывернутых шурупов, правда, еще оставался памятник (демонтирован в июне 2010 года), а также мемориальная доска с барельефом на стене гимназии, где он учился. Впечатление гостя от всего увиденного и выглядевшего довольно удрученным, пытались «развеять» сопровождавшие нас представители городских властей и работники музея, пригласив перед отъездом в ресторан «Интурист». Поочередно произнося во время ужина длинные и витиеватые заздравные тосты, они славил «того, кто...», умудряясь при этом ни разу не назвать его по имени.

В ТРУДЕ И В БОЮ

В ноябре 1965 года, совершая поездку по Северному Вьетнаму, наша делегация посетила шахтерский город Хонгай, где на встрече с передовиками труда я познакомился с Фам

Зяо, бригадиром экскаваторщиков на угольном карьере Хату, расположенном на полпути из Хонгая в Камфа.

Фам Зяо из семьи потомственных шахтеров. Женат. Четверо детей. Старшему семь лет, младшему — один месяц. В двенадцать лет, чтобы помочь родным, пошел на шахту, где работали его дед, отец и старший брат. «Это был самый трудный период в моей жизни», — вспоминал он в нашей беседе. Во время войны Сопротивления французским колонизаторам он помогал революции — был связным. После восстановления мира вернулся на родной карьер. Окончил курсы. Сейчас возглавляет лучшую на шахте бригаду экскаваторщиков.

С гордостью рассказывал мне Зяо о достижениях тружеников карьера за годы мирного строительства: «С уходом летом 1954 года французских колонизаторов, мы стали хозяевами предприятия. Особенно трудно пришлось на первых порах. Уходя, колонизаторы демонтировали и увезли с собой почти все оборудование. Справиться с трудностями нам помогли братья из социалистических стран — Советского Союза, Чехословакии. Особенно ценными для нас была помощь специалистами и поставками из Советского Союза замечательных мазов и экскаваторов. За годы мирного строительства намного возросла добыча угля в карьере. Неузнаваемо изменилась жизнь горняков. В шахтерском поселке построены стадион, кинотеатр и клуб. На смену ветхим баракам пришли светлые и просторные дома. Растет профессиональный и культурный уровень рабочих и их семей. Три вечера в неделю шахтеры учатся. Изменился их быт. Если раньше вся мебель горняцкой лачуги состояла из стола и кровати, то теперь у рабочих есть радиоприемники, велосипеды, вентиляторы».

«Американские агрессоры совершают пиратские воздушные налеты на города и деревни нашей страны, — с гневом говорит мне Зяо. — Но, вопреки всему, мы постоянно увеличиваем добычу угля. Так, в октябре прошлого года, несмотря на усиленные атаки заокеанских стервятников, мы выдали на-гора угля в полтора раза больше, чем было намечено планом».

Бригада Зяо не только лучшая на производстве. Боевую подготовку рабочие карьера проходят в отрядах самообороны. У 70-ти рабочих имеется стрелковое оружие. С первых дней воздушных налетов этот шахтерский коллектив активно борется с воздушными разбойниками.

Месяц назад 5 октября бойцами взвода Зяо над карьером был сбит американский самолет. «В тот день по сигналу воздушной тревоги, — рассказал Фам Зяо, — мы бросились к боевой позиции нашего взвода, находящейся неподалеку от карьера. Над нами на низкой высоте прошла на север группа вражеских самолетов. Мы знали по опыту, что, возвращаясь, они обязательно пролетят над карьером. Нас было четверо: Кхоа, Нык, Кы и я. И когда показались самолеты, мы дружно открыли огонь. Один из них загорелся, затем упал у берега. Это был истребитель «Ф-105 Д».

Зяо познакомил меня с членами своего отряда, такими же, как и он, скромными ребятами с винтовками через плечо. Прощаясь, они крепко пожимали мне руку. «Вернетесь на родину, — сказал Зяо, — передайте привет и большое спасибо рабочим вашей страны за их материальную и моральную помощь. А еще передайте вот это». И он протянул мне осколок крыла истребителя, сбитого рабочими его карьера.

«КВ» В ЛЕГЕНДАХ И НАЯВУ

Когда в апреле 1966 года мне, тогда младшему научному сотруднику и аспиранту академического института, предложили «подработать на съезде», я, конечно, согласился. Для меня, как и других молодых научных сотрудников с приставкой «б/с», что означало «без степени», устные и письменные переводы помогали хоть как-то «перебиваться» между зарплатой. Там на заключительном приеме съезда мне довелось сидеть рядом и общаться с Климентом Ворошиловым.

Аббревиатура «КВ» для меня и людей моего поколения прочно связана с именем Климента Ефремовича Ворошилова и названным его именем тяжелым танком периода Великой Отечественной войны.

Знакомый еще со школьных уроков истории и по любимым фильмам, образ отважного полководца, быть может, немного хрестоматийный, со временем для меня несколько не потускнел.

До сих пор остались в памяти связанные с его именем различные истории, в которых ему неизменно приписывались геройские поступки. Не берусь судить о достоверности услышанных рассказов, но хорошо помню, что их всегда отличали благожелательное отношение к герою и добрый юмор. Запомнилась популярная тогда в армейской среде байка.

«Рано утром по завершении учений на проводы высокой инспекционной комиссии, которую возглавлял К. Ворошилов, был собран весь офицерский состав воинской части. Как водится, по такому случаю для «разбора учений» в большой палатке был накрыт стол. Глава комиссии, войдя в нее и взглянув на выстроившихся вдоль уставленного бутылками водки и закусками стола офицерами, строго спросил: «Кто пьет водку по утрам, шаг вперед!». После минутного замешательства среди присутствующих вперед шагнул только один молодой лейтенант. «Налейте водки мне и лейтенанту, — приказал маршал. Всю остальную уберите».

Эта нехитрая история вспомнилась много лет спустя, когда волею случая мне довелось сидеть рядом за одним столом и наливать водку самому Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Случилось это 8 апреля 1966 года в Кремлевском Дворце съездов на приеме, устроенном для зарубежных делегаций в заключительный день XXIII съезда КПСС. На этот прием я был приглашен как переводчик лаосской делегации.

В большом банкетном зале Дворца съездов, в обычное время служившим буфетом для посещавших спектакли и концерты зрителей, слева у сцены был накрыт большой главный стол, предназначенный для государственного и партийного руководства СССР и глав делегаций коммунистиче-

ских и рабочих партий «братских социалистических стран». Напротив него в несколько рядов были установлены столы поменьше для «делегаций национально — демократических и левых социалистических партий». К этой категории была причислена и делегация Народно-революционной партии Лаоса, с которой мне довелось работать. За отсутствием в то время знатока лаосского языка я переводил с вьетнамского, которым свободно владели члены делегации.

В центре главного стола расположился Л.И. Брежнев, впервые в новом для себя качестве (несколькими часами раньше на партийном пленуме он был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, сменив прежний титул Первого секретаря). По обеим сторонам от него за стол сели, через одного, другие члены политбюро и главы делегаций коммунистических и рабочих партий, среди которых хорошо разглядел Ле Зуана. За каждым из других столов почетное место было отведено руководителям рангом пониже: кандидатам в члены Политбюро, членам и кандидатам в члены Ревизионной комиссии и в качестве почетных гостей — известным партийным деятелям, находившимся на пенсии.

Для лаосской делегации предназначался стол в третьем ряду от главного. Когда мы рассаживались за столом, я вздрогнул от неожиданности. К нам подошел и сел в центре стола, через одного от меня, сам Климент Ефремович Ворошилов.

В начале приема к сидевшему между нами заместителю заведующего международным отделом ЦК КПСС передали срочное поручение подготовить по просьбе главы одной из делегаций (они разъезжались на следующее утро) какую-то справку. Перед уходом он сказал, чтобы я пересел на пустующее место рядом с именитым гостем съезда и не забывал уделять ему «первоочередное внимание». Я сразу же принялся выполнять наказ, обрадованный негаданно представившейся возможностью оказаться весь прием рядом с этой легендарной личностью.

Пока подавали закуски, заметив перед Климентом Ефремовичем пустую рюмку, предложил налить ему на выбор

из одной из стоявших на столе бутылок. На вопрос, какой из напитков он предпочитает, КВ ответил:

«Конечно же, белое вино», показав пальцем на бутылку водки. «Не хотите ли еще?», — старался я угодить знаменитому гостю. Он не возражал и, пока я наливал, на мгновение оглянулся назад, чему я, возбужденный от такого соседства, поначалу не придавал значения.

Вскоре официант, разнося борщок, первому поставил чашку передо мной. В этот момент из-за стоящего рядом стола, отведенного для делегации Союза коммунистов Югославии, встали и направились в нашу сторону несколько гостей. (Я еще раньше обратил на них внимание, когда, оживленно жестикулируя, они показывали на сидящего за нашим столом именитого гостя.) «Климент Ефремович, — просительно наклонился к нему тот, кто посмелее, — можно попросить у Вас автограф?». «Вот еще, — обращаясь то ли к подошедшим югославам, то ли к официанту, и глядя при этом в мою сторону, добродушно пробурчал в ответ КВ, — другим уже принесли суп, а мне нет».

Немало обескураженные, югославы молча вернулись за свой стол. Однако их инициатива подсказала мне мысль — когда еще представится такая возможность?! — попросить у Климента Ефремовича автограф для себя. Не обнаружив в карманах пиджака подходящего листа бумаги, взял со стола программу концерта и стал дожидаться подходящего момента.

К концу приема, собравшись с духом и не рассчитывая особенно на успех, протянул программу Клименту Ефремовичу. Он взял ее в руки и, как-то по-отечески взглянув на меня и занеся над ней авторучку, только спросил: «Зовут-то как?». «Анатолий, — еще не веря до конца в удачу, робко протянул». «А по отчеству?», — переспросил он и, получив ответ, ровным, каллиграфическим почерком написал на чистой оборотной стороне программы: «Уважаемый Анатолий Сафронович. Желаю Вам, Вашим родным и близким здоровья, счастья и благополучия. К. Ворошилов».

В середине обеда за спиной легендарного гостя неожиданно выросла высокая фигура спортивного вида плечистого

мужчины в черном костюме. Наклонившись, он что-то негромко сказал ему на ухо. «Это не я, это все он наливал», — то ли шутя, то ли всерьез громко произнес Климент Ефремович, глядя в мою сторону. Только тогда мне стало понятно, почему он время от времени с беспокойством оглядывался назад, где у ограждения зала весь вечер стоял, наблюдая за ним, «прикрепленный» офицер охраны.

За пару часов, пока длился прием, Климент Ефремович по различным поводам вспоминал разные эпизоды из своей богатой событиями жизни, по большей части военного периода. Во всех них, как помню, неизменно упоминался И.В. Сталин. Память сохранила один из этих рассказов, начинавшихся, как и все другие, со слов «Как-то Сталин и я...».

Когда обед подошел к десерту и стали разливать шампанское, мой собеседник вспомнил, как однажды во время войны «Сталин и он» во время приема затеяли спор с послами стран-союзников, чье шампанское лучше. Условились, что на следующей встрече каждый из участников пари, среди которых был и французский посол, выставят по ящику шампанского национального производства. «И что Вы думаете, чье шампанское признали лучшим, — вопросительно глядя на меня, заключил он, и, насладившись паузой, сам же ответил: «Конечно же, наше, советское!».

Внезапно Климент Ефремович поднялся из-за стола и направился к главному столу. Привстав, чтобы лучше разглядеть, я наблюдал, как он, подошел сначала к Л.И. Брежневу, который как-то сухо и даже отстранено, как мне показалось, отреагировал, видимо на поздравление с избранием его Генеральным секретарем. Затем обойдя стол, КВ поздоровался с другими членами Политбюро и руководителями зарубежных делегаций, которые, в отличие от первых, очень радушно его приветствовали.

Дальнейшее продвижение Климента Ефремовича по залу прервал подошедший уже знакомый «прикрепленный» и что-то сказал ему на ухо. КВ тут же повернулся и направился к выходу из зала.

С тех пор прошло немало лет. Как дорогую реликвию храню в домашнем архиве автограф К.Е. Ворошилова, легендарный образ которого после той памятной встречи стал для меня ближе и человечней.

В СРАЖАЮЩЕМСЯ ВЬЕТНАМЕ

В СРАЖАЮЩЕМСЯ ВЬЕТНАМЕ

В Смоленской высотке

Успеть до полуночи. Воспоминания военных лет

«Виновник» дипломатического инцидента

Случай на ханойском озере

Охотники за трофеями

Герман Титов на орбите дружбы с Вьетнамом

«Дни и ночи Вьетнама» Ильи Глазунова

Что искал во Вьетнаме Юлиан Семенов

В СМОЛЕНСКОЙ ВЫСОТКЕ

В июне 1966 года, потянув на себя массивные входные двери центрального подъезда высотки на Смоленской площади, я впервые вошел в здание МИД, еще не вполне осознавая свою принадлежность к престижному ведомству.

Полвека спустя, будучи уже в ветеранском возрасте, но продолжая трудиться в МИДе, теперь уже по срочным трудовым договорам, наблюдая за усилиями пожилых коллег перед той же с трудом поддающейся дверью, подумал, что когда однажды не удастся ее открыть, это должно стать для меня знаком — пришло время «поставить точку».

В тот первый день мое приподнятое настроение не мог поколебать непрезентабельный вид продолговатой узкой комнаты с небольшими окнами у потолка на самом верхнем 23-м этаже высотного здания, где тогда располагалась референтура Вьетнама Отдела Юго-Восточной Азии. Кроме нее на том же этаже находились помещения технических служб, а перед дверью нашей комнаты на самом проходе стоял стол для настольного тенниса, занимавший всю небольшую площадку перед лифтом. За день приходилось множество раз, не дождавшись лифта для экономии времени сбегать по лестнице на вызовы к начальству в кабинеты заведующего Отделом на 14-м и его замов — на 18-м и 20-м этажах.

Тогда до меня не сразу дошел смысл, который коллеги постарше вкладывали в услышанную мною впервые популярную прибаутку «чем выше, тем ниже», имея в виду продвижение молодого дипломата по карьерной лестнице. По сравнению с комнатой референтуры Вьетнама кабинеты министра и его замов располагались на 7-м этаже, самом нижнем на занимаемых в то время МИДом.

Стажировка в центральном аппарате МИД была недолгой. С расширением масштабов американской агрессии во Вьет-

наме и нашего присутствия в этой стране заметно выросли потребности во вьетнамцах. Наше посольство в Ханое не давало покоя мидовским кадрам, а те торопили с моим отъездом.

Мои доводы, что я не успею за такой короткий срок закончить подготовку к защите уже готовой диссертации, во внимание приняты не были. Ее защиту пришлось отложить на несколько лет после возвращения из командировки.

Преимущества первой дипломатической должности я ощутил на пути в Ханой. Стюардесса Аэрофлота во время промежуточных стоянок каждый раз пропускала меня вперед летевшего со мной первого секретаря нашего посольства, подчеркнуто вежливо обращаясь ко мне «товарищ атташе». Скорее всего, в ее представлении в воюющем Вьетнаме атташе могут быть только военными, а старше их по званию — только «товарищ посол».

Отведенные на стажировку три месяца прошли быстро, в основном за изучением информационно-справочных материалов, ознакомлением с работой Отдела Юго-Восточной Азии и обсуждением с коллегами вопросов, которыми мне предстояло вскоре заняться в посольстве.

УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ. ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Когда в октябре 1966 года я снова прилетел в Ханой, на этот раз в должности атташе Посольства СССР в ДРВ, шел третий год необъявленной воздушной войны США против Северного Вьетнама.

Первый налет авиации США на ДРВ 5 августа 1964 года, когда был сбит первый американский самолет, я застал, работая тогда в Ханое в Представительстве ГКЭС. Вскоре после того, как 7 февраля 1965 года начались регулярные массированные бомбардировки и обстрелы населенных пунктов

Северного Вьетнама самолетами 7-го американского флота, мне довелось дважды побывать в разных провинциях с нашими делегациями, своими глазами увидеть многочисленные разрушения в нескольких провинциях, побывать на позициях вьетнамских зенитчиков.

Интенсивность налетов на Ханой после октября 1967 года заметно возросла в январе 1968 года, как реакция на большие американские потери в ходе крупной военной операции подразделений ВНА и НФОЮВ, атаковавших базу морской пехоты США в долине Кхесань в 25 км от демилитаризованной зоны и больше месяца удерживавших освобожденный г. Хюэ.

Постоянным объектом ракетно-бомбовых ударов авиации США по Ханую был расположенный в паре километров по прямой от нашего посольства мост через Красную реку, построенный еще в колониальные времена по проекту архитектора Эйфеля, автором названной его именем башни в Париже. Многократно частично разрушенный, он всякий раз восстанавливался героическими усилиями вьетнамцев и устоял, оставаясь на всем протяжении войны главной жизненно важной стратегической артерией, по которой осуществлялось снабжение всем необходимым армии на Юге.

Так называемые «точечные» удары американской авиации по военным объектам ДРВ — по мере роста военных поражений на Юге Вьетнама они, помимо шоссе и железных дорог, все шире охватывали теплоэлектростанции и другие объекты жизнеобеспечения столицы — не миновали и дипломатический квартал в Ханое, расположенный вблизи упомянутого моста.

Первыми от попадания ракет «воздух-земля» пострадали здания посольств Румынии, Монголии и торгпредства Болгарии. Позднее одна из них разворотила угол жилого дома, где жил и в тот момент находился наш военный атташе, отделавшийся небольшими порезами на лице. Воздушной волной были вдавлены ставни окна внутрь моей комнаты в стоящем вплоты к нему соседнем доме и, вернувшись с работы, мне пришлось еще долго выгребать разлетевшиеся по ней осколки разбитого стекла.

С активизацией налетов нам выдали каски, на территории посольства и у жилых домов были вырыты бомбоубежища, в связи с участвовавшими перебоями в подаче электроэнергии обзавелись дизельными движками.

Поначалу мы отнеслись к этим мерам со свойственной молодости беззаботностью и даже бравадой. Вне посольства и глаз начальства касками в первое время почти не пользовались. Каски надлежало постоянно носить с собой, но надевали их только после сигнала воздушной тревоги, когда во время налетов начинали сыпаться стекла выходящих на сторону упомянутого моста окон наших рабочих кабинетов и по инструкции надлежало укрываться подальше от них в коридоре у лестничных маршей.

Если воздушная тревога заставала ночью — это случилось все чаще — в бомбоубежище во дворе жилого дома поначалу спускался редко. Оповещение sireнами обычно запаздывало: американские самолеты, стартуя преимущественно с авианосцев в заливе Бакбо (Тонкинском), подлетали к Ханюю вдоль Красной реки на низких высотах, чтобы избежать попадания ракетами советского производства. Ночью, разбуженный грохотом от разрывов бомб и зениток, я оставался лежать под москитной сеткой и чтобы защититься от стекольных осколков нащупывал в темноте приготовленную с вечера на кровати каску и, надвинув ее поглубже, заткнув уши, с мыслью будь, что будет, пытался снова заснуть.

Когда мост через Красную реку удавалось вывести из строя, на время его ремонта транспортный поток направлялся через понтонную переправу, наводимую по ночам как раз напротив расположенного рядом у берега реки Центрального госпиталя Ханоя, и на нее переносились основные удары авиации США, учащались попадания бомб и ракет на территорию госпиталя. (Не помогла защита Красного Креста, нарисованного на крышах госпитальных корпусов.)

Центральный госпиталь Ханоя, где я оказался в январе 1968 года, подхватив болезнь Боткина, был переполнен вывезенными с Юга ранеными участниками сражений в ходе тетской (новогодней) военной операции за город Хюэ и со-

седний Кхесань, где находилась база морской пехоты США. Не забуду живые, трогające сердце рассказы о прошедших боях этих героических молодых парней (поражало количество военных с ампутированными конечностями), с которыми подружился за проведенные в госпитале дни. Это была подлинная, не известная мне ранее, правда о войне на Юге страны. Многие такие встречи проходили под грохот от разрывов бомб и зенитную канонаду в бомбоубежище, куда нас приводили или переносили после сигналов воздушной тревоги из разных отделений во время частых воздушных налетов. В земляном бомбоубежище у нашего отделения, куда пациентов спешно перемещали после сигнала воздушной тревоги, я провел немало часов, лежа под капельницей и прикрывая ладонью введенную в вену иглу от сыпавшихся сверху во время зенитных залпов комьев земли и глины.

Под влиянием военной обстановки мы, молодые сотрудники посольства, быстрее мужали, осознавая свою ответственность перед переживающими за нас родителями, отправленными домой семьями. Уже не избегали, как в первые дни бомбардировок на крыши жилых домов, слышав над головой хлопки от взрывов ракет, не обращая внимания на летящие вниз осколки.

Меня же немало образумил случай, когда едва не стал жертвой охранявшей наше посольство вооруженной вьетнамской охраны. Однажды утром сигнал воздушной тревоги застал меня по дороге на работу неподалеку от посольства. Когда, ускорив шаг и надев каску, я был уже у ворот, прямо над моей головой неожиданно просвистели автоматные очереди. Это солдат охраны, следуя инструкции, при первых звуках сирены прыгнул в вырытый перед постом окоп (мелкий бетонный колодец) и, не глядя по сторонам, разрядил рожок по пролетавшему самолету.

Большую часть времени приходилось проводить в пределах центральных районов города и дипломатического квартала, передвижения вне этой зоны были ограничены властями, а въезд во многие столичные районы для автомашин с посольскими номерами был строго воспрещен.

Своеобразной отдушиной для нас были несколько главных вьетнамских праздников в году, на время которых объявлялся мораторий на воздушные налеты.

В эти короткие паузы между бомбардировками, стараясь охватить как можно больше отдаленных районов страны, чтобы в первую очередь оценить состояние построенных с помощью Советского Союза экономических объектов, мы забирались на родных «газиках» по разбитым дорогам, далеко на Юг вплоть до демаркационной линии.

Возвращались в Ханой обычно впритык к окончанию моратория, торопясь поспеть до 12 часов ночи. Навстречу нам двигались по ночам на Юг нескончаемые колонны грузовиков и бензовозов. На узких дорогах со спешно залатанными воронками от бомб часто возникали заторы. Следуя распространенному в военное время лозунгу «превратим день в ночь, а ночь в день», эти колонны передвигались по ночам, хотя это не спасало от авиационных налетов с применением осветительных бомб.

Напряжение нарастало при подъезде к Ханюю, когда время близилось к полночи. Помню, как продираясь сквозь встречные колонны грузовиков и бензовозов, выйдя из машины, разбудил уснувшего от усталости за рулем совсем юного, видно, только недавно севшего за руль водителя, и помог ему разъехаться со встречной машиной.

«ВИНОВНИК» ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИНЦИДЕНТА

В октябре 1968 года мне, тогда третьему секретарю посольства, довелось стать очевидцем, если не сказать «виновником», дипломатического инцидента, получившего в то время широкую огласку в СМИ ряда азиатских стран, но неизвестного нашему читателю.

Произошло это на приеме, устроенном китайским посольством по случаю своего национального праздника. Готовились к нему и в посольстве СССР в Ханое, запросив указания Центра относительно нашего участия или неучастия в этом протокольном мероприятии. Набивавшая обороты острая идеологическая полемика и резкое ухудшение межгосударственных отношений с Китаем заметно охладили атмосферу наших прежде тесных дружеских отношений с коллегами из китайского посольства, привнося в них все больше взаимной настороженности и недоверия.

Подобные настроения подкреплялись личными наблюдениями. У меня, как и у других дипломатов нашего посольства, побывавших в годы «культурной революции» дома в отпуске (единственный тогда «установленный» для отпускников маршрут пролегал через Китай с ночевкой в Пекине), надолго сохранились в памяти красочные картинки пребывания в столичном аэропорту и гостинице. (В первое время мы останавливались на ночь в жилом комплексе посольства, но после его осады в январе 1967 года, нам запретили выходить в город и стали поселять в гостинице пекинского аэропорта.) Помню, как в здании аэровокзала вплоть до выхода на посадку нас буквально по пятам преследовали задиристо настроенные группы хунвэйбинов с транспарантами «Долой советских ревизионистов!» в руках, шумно выкрикивавших под барабанный грохот затаканные обличительные лозунги.

Не менее памятны живописные эпизоды, связанные с многочасовыми перелетами из Ханоя до Пекина и обратно с двумя посадками в Ухане и Наньнине на самолете ИЛ-14 китайской авиакомпании. После взлета и набора высоты повторялся один и тот же ритуал: две стюардессы с обеих сторон узкого прохода салона, в то время как пассажиры с нетерпением посматривали в сторону, откуда исходили щекочущие ноздри запахи ароматной китайской кухни, демонстрировали доселе неизвестный нам фольклорный жанр. Под бравурные мелодии с красными книжицами в руках они, танцуя, распевали цитаты от великого кормчего. И только

после раздачи красных книжечек с его изречениями на иностранных языках и разноразмерных значков с изображением его профиля наконец следовало долгожданное угощение. За все полеты у меня собралась изрядная коллекция цитатников и значков, напоминающая о не виртуальности увиденного и пережитого в те, не столь уж далекие годы. (С 1969 года во избежание новых инцидентов наши граждане стали летать из Ханоя в Москву по новому маршруту в обход Китая через Индию с посадкой в Калькутте и Ташкенте.)

В Ханое при попустительстве городских властей, никак не реагировавших на неоднократные письменные и устные обращения с нашей стороны и официальные ноты в местный МИД, у здания советского посольства проходили шумные демонстрации проживающих во Вьетнаме этнических китайцев с лозунгами враждебного содержания.

Наши контакты с китайскими коллегами в тот период практически прекратились, двусторонние мероприятия больше не проводились, виделись с ними, обоюдно стараясь избегать общения, только на протокольных мероприятиях, устраиваемых вьетнамской стороной или посольствами третьих стран. На них, правда, случались мелкие стычки, когда, например, советский и китайский послы, невольно соприкасаясь, несколько раз обменялись дипломатическими колкостями. Впрочем, протокольные мероприятия проводились все реже. Из-за воздушных налетов по соображениям безопасности их количество было сведено к минимуму. Но ежегодные приемы по случаю своих национальных праздников посольства старались проводить, как и в довоенное время. Для этой цели обычно арендовали у местного МИДа просторный зал Дипломатического клуба.

Накануне китайского приема из Москвы пришел ответ на запрос посольства. Предписывалось направить на прием второе лицо посольства и в случае прямого выпада с китайской стороны в адрес нашей страны в знак протеста уйти с него. Меня вызвал советник посольства и передал указание посла сопроводить его на это мероприятие в качестве переводчика с вьетнамского языка.

На прием мы пришли одними из первых. С напряженными лицами обошли еще пустой зал. Я внимательно вчитывался в развешенные по стенам транспаранты и лозунги, переводя их содержание советнику. Ничего неожиданного в них не обнаружили: привычными клише они клеймили современных ревизионистов, обвиняли их в пособничестве мировому империализму и т. п. Не обнаружив упоминания нашей страны, решили остаться и дожждаться речи китайского посла.

Шло время, уже в который раз начинались и заканчивались знакомые китайские мелодии, а начало приема все затягивалось. Ожидали главных гостей. Наконец, в зал вошли и встали по ранжиру за длинным столом для почетных гостей вьетнамские партийные и государственные руководители.

К установленной впритык к главному столу трибуне подошел и приготовился читать свою речь посол Китая, рядом у микрофона встал знакомый мне переводчик посольства с вьетнамского языка. Чтобы лучше расслышать, мы с советником продвинулись поближе в первый ряд стоявших напротив главного стола приглашенных на прием.

Обратившись к гостям на китайском, посол сделал паузу, и в дело вступил переводчик, который начал зачитывать по абзацам заготовленное. Напряженно вслушиваясь в его беглую речь, старался не пропустить самое важное. Начав с оценки международного положения, посол сразу же перешел к трафаретным нападкам на современных ревизионистов и вдруг — «неужели ослышался?!» — заклеил советских ревизионистов, обвинив их в попытках навязать свою волю странам третьего мира, и добавил что-то еще в том же духе.

Помня о полученных инструкциях, я наклонился к советнику и перевел ему услышанное, добавив от себя: «Ну что, пошли?». «Пошли!», после минутного, как мне показалось, колебания отреагировал он. Под напряженные взгляды собравшихся мы направились к выходу. Предстояло пройти через весь зал вдоль главного стола по узкому проходу, отделяющему его от основной группы приглашенных на прием. Мельком скользнул по знакомым лицам высоких вьетнамских гостей — они оставались по-восточному непроницаемыми.

Не успели мы выйти из зала в примыкающую к нему комнату, в непогоду служившую гардеробной, как услышали за собой нетерпеливые голоса. Обернувшись, вздрогнул от неожиданности. За моей спиной стояла большая группа дипломатов. Вслед за нами прием покинули дипломаты всех, за исключением Румынии, восточноевропейских социалистических стран, а также, насколько помню, Монголии. Обступив меня плотным кольцом, они наперебой повторяли один и тот же вопрос: «Что он сказал?». Оказалось, среди них на приеме не было никого владеющего вьетнамским языком. «Советские ревизионисты...», — повторял я всё менее уверенно в ответ запомнившуюся фразу. Некоторые записывали. Все быстро разошлись, торопясь поскорее «отписаться» в свои столицы.

Вышли на улицу с советником. «Доложите послу, он ждет у себя в кабинете», — сказал он, прощаясь, оставив меня наедине со своими мыслями. Повторяя про себя заветную фразу, которую предстояло донести до посла, я незаметно оказался у ворот посольства, расположенного неподалеку в том же квартале. Увидел свет в кабинете посла на втором этаже, наверное, единственный во всем здании в столь позднее время. «Напишите, что было сказано в речи и о лозунгах в зале. В Москву сообщу я сам», — выслушав меня и не отрывая головы от кипы бумаг на рабочем столе, коротко бросил он. Выполнив поручение, протянул исписанный листок послу. «Вы свободны», — только и сказал он, прощаясь, в обычной для себя сдержанной манере.

Надо сказать, несмотря на некоторую сухость тона в отношениях с подчиненными, приобретенную, наверное, за долгие годы аппаратной карьеры в ЦК КПСС, Илья Сергеевич Щербаков, переведенный три года назад на посольскую должность из Пекина, где он недолго проработал в должности советника-посланника, пользовался неизменным уважением у молодых дипломатов. Не в последнюю очередь за его отеческое понимание и заботу о наших нуждах. Видимо, со скидкой на военное время и наше безсемейное положение, он нередко прощал нам мелкие шалости и не очень серьезные отступления от дисциплины, при этом ценя и поощряя

за успешную работу. Трудоголик и аскет в быту, он был полностью лишен комчанства, что нас подкупало и отличало его от некоторых других знакомых нам начальников.

Вернувшись из посольства домой, остаток вечера и часть ночи провел в раздумьях о превратностях дипломатической карьеры. Посреди ночи мое полусонное воображение рисовало картины скорой встречи с Москвой. Отгоняя невеселые мысли, утешал себя неожиданно представившейся возможностью повидаться с родителями.

Утро следующего дня в посольстве начал со сбора информации о происшедшем накануне в дипломатическом клубе. С напряженным вниманием вслушивался в новостные выпуски радиостанций, вещавших в основном из Сайгона на Вьетнам и Юго-Восточную Азию, пробежал глазами странички «радиоперехвата» на французском (краткие выдержки из сообщений западных информационных агентств, рассылаемые в то время вьетнамским МИДом в некоторые иностранные посольства). Конечно же, те не упустили случая посмаковать — и не без доли злорадства — вчерашний инцидент, снабдив свои корреспонденции из Ханоя броскими заголовками: «Дипломатический скандал в Ханое», «Сенсационное происшествие на китайском приеме», «Впервые в дипломатической практике Ханоя» и т. п.

Только к концу рабочего дня, когда посольству удалось заполучить полный текст речи китайского посла, я, наконец, вздохнул с облегчением. В ней прямая критика в адрес Советского Союза была не только в начале текста, но и повторена позже, когда мы уже ушли в знак протеста с приема.

СЛУЧАЙ НА ХАНОЙСКОМ ОЗЕРЕ

Для посла СССР в ДРВ И.С. Щербакова, практически безвыездно пробывшего на этом посту почти десять лет, большую часть из них в условиях воздушных налетов, единственным увлечением была рыбалка.

Раз в неделю по воскресениям, когда наступала короткая пауза в воздушных налетах, он, невзирая на погоду, рано утром выезжал с водителем на расположенное неподалеку от центра города озеро Хотэй (Западное озеро), к которому примыкало разделенное дорогой другое озеро меньшего размера Truc Bach (Чукбать), и рыбачил там до обеда с удочкой.

Нарушить этот незыблемый распорядок или ускорить его возвращение в посольство мог только воздушный налет. (На протяжении всех долгих военных лет это хобби посла оставалось головной болью для сотрудников посольства, отвечавших за обеспечение его безопасности. Не в силах запретить послу поездки на озеро, часы его отсутствия за пределами посольства они проводили в тревожном ожидании на рабочем месте.)

По невероятному стечению обстоятельств в то самое озеро Чукбать 26 октября 1967 года (это произошло в четверг, когда посла на рыбалке не было) угодил, катапультировавшись из подбитого самолета лейтенант-коммандер американских ВВС, впоследствии сенатор и кандидат в президенты США от Республиканской партии Джон Маккейн. Вылетевший в тот день с авианосца бомбить теплоэлектростанцию в центре Ханоя он был сбит ракетой советского производства.

Как позднее стало известно, самолет Дж. Маккейна был сбит зенитной ракетой ЗРК С-75 вьетнамским офицером наведения (ныне старший полковник) 61-го огневого дивизиона 236-го зенитно-ракетного полка (ЗРП) Вьетнамской Народной Армии Нгуен Суан Даем.

Помню, этот случай наделал тогда много шума. Я не имею ввиду грохот от падения разлетевшихся осколков самолета, к чему жители за три года воздушных налетов стали привычны. К месту приводнения американского самолета сбежалось и съехалось на велосипедах множество людей. Это был не первый случай падения сбитых над вьетнамской столицей американских самолетов (в тот день их было сбито десять). Но захватить в плен живого пилота в центре города удавалось нечасто.

Когда после сигнала отбоя воздушной тревоги смогли подъехать к озеру, куда угодил сбитый летчик, он уже был

в плотном кольце военных, первыми добравшихся до места приводнения и захвативших пленного. Их усилиями удалось оттеснить наседавшую толпу и предотвратить самосуд.

Имя сбитого американского летчика оставалось неизвестным широкой публике более сорока лет, пока сам Дж. Маккейн, будучи уже сенатором и кандидатом в президенты США, не поведал об этом в автобиографии, изданной в разгар гонки за обладание президентским креслом. Эта публикация была расценена тогда многими аналитиками как неудавшаяся попытка нейтрализовать появившуюся в прессе информацию о подлинных обстоятельствах его пленения и поведения на допросах в лагерях и ханойской тюрьме для военнопленных, где он провел более пяти лет вплоть до освобождения после подписания Соглашения (Парижского) о прекращении войны и восстановления мира во Вьетнаме. (Неоднократные попытки высадить с вертолетов американские командос в местах предполагаемого расположения лагерей военнопленных в Северном Вьетнаме для их вызволения из плена не имели успеха. Вьетнамцам всякий раз удавалось заблаговременно скрытно перемещать военнопленных с места на место, путая планы соискателей лавров Скорцени.)

ОХОТНИКИ ЗА ТРОФЕЯМИ

В ходе воздушной войны против Северного Вьетнама, продолжавшейся с перерывами почти десять лет, США широко использовали вьетнамскую территорию как полигон для испытания новейших образцов военной техники и вооружений. Сбитые над Вьетнамом самолеты, только что поступившие на вооружение армии США, их ракетно-бомбовое вооружение не могли не стать объектом повышенного внимания со стороны не только местных, но и иностранных военных специалистов. Среди них наибольшей активностью (и возможностями) отличались китайские и советские.

Надо сказать, что наш великий восточный сосед уже тогда проявлял особый интерес к новым ракетным и иным военным технологиям. С этим связывали, например, участвовавшие случаи пропаж новейшего оборудования из контейнеров во время перевозки по китайской территории поставляемых Вьетнаму советских ракет ПВО. (После блокады 7-м американским флотом морских портов ДРВ транспортировка советской военной техники и оборудования осуществлялась по железной дороге через Китай.)

Для СССР военно-техническое сотрудничество с ДРВ в период американской агрессии открыло неоценимые возможности для опробования новой отечественной техники и использования американской трофейной техники для новых разработок в ракетной и других областях. Во Вьетнаме впервые прошли «обкатку» такие образцы оружия и военной техники, как система «Град» и реактивные истребители МиГ-21.

В период боевых действий с 1965 по 1974 гг. на территории ДРВ в соответствии с двусторонним межправительственным соглашением от 1964 года, согласно появившимся в последнее время немногочисленным публикациям*, работали группы специалистов оборонных отраслей отечественной промышленности по авиационной технике, вооружению, боеприпасам и т. д., являющимися офицерами запаса, общей численностью около 40 чел. Основная часть образцов трофейного американского вооружения добывалась группой самостоятельно, непосредственно в ходе боевых действий со сбитых самолетов, вертолетов, беспилотных самолетов-разведчиков и др., а также с отказавших в действии образцов вооружения и боеприпасов. Некоторые образцы группы получали от вьетнамской стороны, которая как отмечают авторы публикаций, несмотря на взятые обязательства, весьма

* Калайда К.С. Цели, задачи и результаты деятельности групп специалистов оборонных отраслей промышленности, работающих в условиях боевых действий во Вьетнаме. В сб.: Война во Вьетнаме: взгляд сквозь годы... Материалы научно-практической конференции «Советско-вьетнамское военное и экономическое сотрудничество в годы агрессии США против ДРВ (1964–1973 гг.)». М. 2000. С. 93.

неохотно допускала советских военных специалистов к трофейным образцам американской военной техники, нередко отдавая предпочтение специалистам из КНР.

Только за период с мая 1965 по январь 1967 года., по данным посольства СССР в Ханое, было отобрано и отправлено в Советский Союз свыше 700 трофейных образцов американской авиационной техники, авиационных боеприпасов, радиоэлектронной аппаратуры, значительное количество информационных материалов и др., которые представили значительный интерес для различных учреждений МО СССР и соответствующих отраслей оборонной промышленности*.

Скупые подробности работы наших военно-технических специалистов нам, молодым дипломатам, непосвященным в эту закрытую тогда область, становились известными из... песен и общения с их авторами — нашими сверстниками, которых мы между собой называли охотниками за трофеями. В те годы среди нас были очень популярными песни на военную тему. Особенно песни на стихи Валерия Куплевахского (этот талантливый поэт несколько лет назад ушел из жизни). Его песни неизменно звучали на всех наших посиделках, мы их заучивали, переписывали друг у друга на магнитофоны. Наполнены они были пронзительной ностальгией по Родине, мечтой о скорой встрече с родными и близкими.

Из этих песен мы узнавали некоторые подробности полной риска работы этих симпатичных молодых парней в тяжелых полевых условиях. В одной из них рассказывалось, как наши специалисты, «наперегонки» с китайскими, продирались сквозь джунгли и топи рисовых полей к упавшим американским самолетам или не разорвавшимся ракетам, стараясь быть первыми. В ней были и сетования на то, что не мы порой становились обладателями наиболее «лакомых» военных трофеев.

Память хранит куплет одной из песен этого поэта, обращенный к любимой:

* Россия / СССР в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. М., 1972. С. 96.

*«В шесть часов вечера после войны
Ты на свиданье со мной приходи,
На площади Арбатской тебя я буду ждать
Обломок эф сто пятого* подмышкою держать».*

С того времени прошло более полвека, давно снята завеса секретности, но, к сожалению, полный отваги и риска ратный труд наших военно-технических специалистов в годы войны во Вьетнаме, остается как-то забытым.

ГЕРМАН ТИТОВ НА ОРБИТЕ ДРУЖБЫ С ВЬЕТНАМОМ

Вьетнам военной поры конца 60-х, находясь в эпицентре мирового внимания, притягивал к себе из Москвы известных журналистов, кинооператоров, писателей, художников и поэтов. Среди них больше всего мне запомнились встречи в Ханое с Германом Титовым, Ильей Глазуновым, Юлианом Семеновым, Евгением Евтушенко и военным корреспондентом «Правды» Алексеем Васильевым, которые были продолжены в Москве.

Их приезд был для меня и коллег настоящей отдушиной. Оказывая им как знатоки местного языка и реалий различную помощь, мы наперебой зазывали к себе в гости, заслушиваясь их увлекательными рассказами во время долгих застолий.

С Вьетнамом были связаны мое знакомство и встречи с Германом Степановичем Титовым.

Известие о его первом космическом полете я встретил за сборами в свою первую поездку во Вьетнам, куда добрался поездом в конце августа 1961 года. Когда в 1962 году Г.С. Титов впервые прилетел во Вьетнам, я по окончании института работал в Аппарате советника по экономическим вопросам посольства СССР в Ханое, но увидеть его тогда мне не

* Ф-105 — на тот момент новый американский истребитель-бомбардировщик.

довелось. О приезде Г.С. Титова во Вьетнам и его поездке с президентом ДРВ Хо Ши Мином в залив Халонг я узнал из газет. Как и о дружественном жесте президента, который во время прогулки по заливу преподнес в дар Герману Титову приглянувшийся ему, как напишет об этом позже сам космонавт, «небольшой островок с крохотным песчаным пляжем», который отныне стал носить его имя. (По одним источникам, прежде Остров Титова был безымянным под инвентарным номером 46, по другим — назывался Кат Нанг.) В своей книге «Голубая моя планета» космонавт описал этот эпизод так: «“Я думаю, раз Герман Титов сам навсегда не может остаться у нас во Вьетнаме, мы оставим его по-другому”, — сказал дядя Хо, и обняв меня за плечи, добавил: “Дарим тебе этот остров! Приезжай сюда всегда, когда захочешь, будешь дорогим гостем!” — И, уже обращаясь к капитану, пояснил свою мысль: “Исправь на карте: остров отныне будет называться островом Германа Титова”».

Ныне знаменитая прогулка по заливу Халонг усилиями турагентств обросла дополнительными, нередко разнящимися подробностями, а Остров Титова стал в последние годы одним из наиболее посещаемых нашими туристами мест. «Мои встречи на вьетнамской земле в 1962 году с президентом Хо Ши Мином, — вспоминал позже в той же книге Герман Степанович, — на долгие годы связали мою жизнь с героическим народом Вьетнама».

В ноябре 1966 года Г.С. Титов во второй раз прилетел во Вьетнам и впервые в качестве Председателя Центрального Правления Общества советско-вьетнамской дружбы (на этом посту он пробыл 25 лет). Состоялась его встреча с президентом ДРВ Хо Ши Мином, оставившая, как вспоминал позже космонавт, глубокий след в его жизни.

Мне хорошо запомнилась беседа с Г.С. Титовым в тот второй его приезд во Вьетнам — тогда я работал в посольстве в Ханое — в номере ханойской гостиницы «Тхонг нят», где он остановился. Вернувшись из поездки по стране, Герман Степанович с болью и горечью рассказывал об увиденном: варварских разрушениях городов и сел в результате воздушных

налетов американской авиации, восторженно отзывался о героизме вьетнамского народа, который непременно одержит победу в справедливой борьбе за объединение своей родины.

Впоследствии мне довелось не раз встречаться с Германом Степановичем в Москве на мероприятиях, организованных Обществом советско-вьетнамской дружбы (в Центральное правление Общества я был избран после назначения заведующим Отделом Юго-Восточной Азии МИД), и посольством Вьетнама. Но ни до, ни после я не видел его таким взволнованным и негодующим, как тогда в 1966 году в номере ханойской гостиницы «Тхонг нят» по его возвращении из поездки по провинциям воюющего Вьетнама.

Мне хорошо запомнилась наша последняя встреча в 1988 году в посольстве Вьетнама на Б. Пироговской улице в Москве на встрече Нового года — Года Дракона по восточному китайскому календарю, который тогда пришелся на 17 февраля. Радужные и изобретательные хозяева не позволяли гостям скучать. Развесив на елке фантики с пожеланиями спеть песню или прочесть стихи, они то и дело отрывали нас от любимого занятия — дегустации блюд ароматной вьетнамской кухни.

Вечер уже подходил к концу и гости начали расходиться, когда посол СРВ Нгуен Мань Кам объявил нам, что приглашенный на встречу Нового года космонавт Герман Титов с минуты на минуту будет в посольстве. Вскоре в зал по лестнице быстро вбежал Герман Степанович, объяснив свое опоздание уважительной причиной. «Надо же было такому случиться, — сообщил он, — что именно сегодня, 17 февраля подписан Указ о присвоении мне очередного воинского звания генерал-полковника авиации». И в доказательство жестом показал на новенькие звездочки на своих погонах. «Пришлось, как положено по традиции, обмывать третью звезду с товарищами».

Посол распорядился тут же заново накрыть стол. Мы с послом сели рядом с Германом Степановичем и по такому случаю чокнулись знакомым нам по поездкам во Вьетнам популярным вьетнамским напитком. Расспросив в подробностях гостя, как в России в офицерской среде обмывают повышение в звании, посол был немало удивлен ответом.

Конечно же, не был забыт и Новый год по лунному календарю. Характеризуя знак Дракона, посол заверил нас, что наступающий год будет «годом изматывающей работы, но сулящим награды и благополучие». И, поймав на себе недоверчивый взгляд космонавта, неожиданно спросил, верит ли он в судьбу. Герман Степанович ненадолго задумался и перевел разговор на другую тему.

Перед его уходом мы сфотографировались вместе за столом. Этот снимок хранится в нашем семейном альбоме.

«ДНИ И НОЧИ ВЬЕТНАМА» ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

С Ильей Сергеевичем Глазуновым я познакомился в 1967 году в Ханое. Вернувшись в столицу из творческой поездки по стране с многочисленными картинами, он показался мне целиком поглощенным устройством выставки своих работ и ее освещением в наших СМИ. Занимаясь в то время в посольстве двусторонними связями с ДРВ, я оказал ему в этом содействие. По просьбе художника помог привлечь внимание к его выставке местных, отечественных и иностранных журналистов, обеспечить присутствие на открытии высоких гостей и широкое освещение ее в печати, в первую очередь в центральной московской.

Выставка картин художника под названием «Дни и ночи Вьетнама» имела успех и получила хорошую прессу у нас в стране. Илья Глазунов живо интересовался каждой такой публикацией, которые я по его просьбе собрал для него перед отъездом. Под таким же названием позднее в Москве была устроена выставка его вьетнамских работ и издан одноименный альбом. Часть работ вьетнамского цикла хранится сейчас в залах Московской картинной галереи Ильи Глазунова на Волхонке.

О тех встречах и выставочных заботах в Ханое мы вспомнили два года спустя, оказавшись за соседними столиками в ресторане Дома журналистов, куда я по возвращении из командировки во Вьетнам зашел с друзьями отведать популярного тогда в меню «стейка по-деревенски». По тому, как Илья Глазунов, первым заметив меня, благодарил за оказанную помощь в организации ханойской выставки, а после закрытия ресторана настойчиво приглашал «продолжить вечер» в его старой мастерской, расположенной рядом через двор, было видно, что та творческая командировка во Вьетнам была для него немаловажной.

Случай снова свел нас много лет спустя в 1984 году в Москве, когда Илья Сергеевич, закончив портрет итальянского президента, ожидал приглашение от короля Таиланда Пхумипхона Адульядета для написания его портрета. Художник рассчитывал закончить работу к 60-летнему юбилею монарха с последующей передачей ему в качестве дара от советского правительства.

Королевский Двор не спешил с ответом, и Илья Глазунов обратился ко мне, тогда заведующему Отделом Юго-Восточной Азии МИД, в ведении которого находились отношения с Таиландом, с просьбой «ускорить решение вопроса». На мои вежливые напоминания тайскому послу и на его очередные запросы в Бангкок реакции не последовало. В нашем посольстве и МИДе понимали, что согласиться принять в президентском дворце на продолжительное время художника из Советского Союза по целому ряду причин было для тайской стороны непростым решением.

Шло время, Бангкок хранил молчание, художник продолжал настойчиво справляться, нет ли оттуда ответа. В ноябре 1987 года, когда по окончании праздничного приема в Кремлевском Дворце съездов я выходил из зала, меня окликнул Илья Глазунов. «Ну что, — нетерпеливо в который раз напомнил он, — ответа от короля так и нет?»

Чувствуя по его тону, что запас терпения художника на пределе, переговорил с тайским послом, который согласился со мной, что пришло время окончательно прояснить

вопрос с приглашением. Через неделю посол позвонил мне и предложил встретиться «по затронутому ранее вопросу». Пока он добирался до здания МИДа, я строил разные предположения насчет содержания ответа. Но то, что пришлось услышать от посла все же не ожидал. «Ответ негативный», — бросил он с порога кабинета. И со словами (они мне хорошо запомнились): «Его Величество Король умеет рисовать не хуже», протянул мне, сославшись на поручение, небольшой альбом репродукций, принадлежащих кисти короля картин с просьбой «передать художнику Илье Глазунову».

В марте 2003 года мы встретились снова в завидном особняке художника в центре Москвы. Вспоминали Ханой. Но все помыслы мэтра тогда были сосредоточены на одном — завершении подготовки к открытию Московской Государственной картинной галереи на Волхонке, носящей его имя.

В память о той встрече храню прекрасно изданный к юбилею художника альбом его работ (в нем есть несколько портретов из вьетнамского цикла), с дарственной надписью: «С уважением и давней дружбой послу России Анатолию Сафроновичу Зайцеву. Ваш И. Глазунов».

ЧТО ИСКАЛ ВО ВЬЕТНАМЕ ЮЛИАН СЕМЕНОВ

След в памяти оставили встречи с писателем Юлианом Семеновичем Семеновым, в конце декабря 1967 года в разгар американских воздушных налетов прилетевшим в Ханой для освещения военных событий. В качестве спецкора газеты «Правда» он съездил в провинцию Хоабинь, побывал на позициях ракетной батареи и совершил двухнедельную поездку в приграничные районы Лаоса.

В беседах Юлиан Семенов подробно расспрашивал про наше посольское житье-бытье, с интересом выслушивал мои

рассказы о поездках на Юг страны к демилитаризованной зоне во время моратория на воздушные налеты, делился впечатлениями о своих встречах во Вьетнаме и Лаосе.

Он не скрывал в беседах, что его интерес к поездке во Вьетнам не в последнюю очередь связан с давним замыслом написать детектив в духе «Тихого американца», признанного классика шпионского романа Генри Грэма Грина. С этой целью он намеревался навестить места, описанные английским писателем в своем романе. (Основное действие романа происходило в Сайгоне, а большая его часть написана автором в 1951 года в Ханое.)

В тех условиях добиться разрешения на поездку в Сайгон при содействии наблюдателей международной контрольной комиссии (в нее входили поляки, индийцы и канадцы), постоянно курсирующих между столицами разделенных демаркационной линией Севера и Юга страны, было делом практически безнадежным.

Пришлось удовольствоваться посещением мест в Ханое, связанных с пребыванием в 1951 году Грэма Грина. В первую очередь обследовать гостиницу «Метрополь», к тому времени переименованную в «Thong nhat» («Единство»). Прежде всего, гостиничный номер, в котором останавливался английский писатель и где поселился Юлиан Семенов.

И, конечно же, стоило заглянуть в Raх Bar, где любил сидеть Грэм Грин, когда ему, написал он в «Тихом американце», «не хотелось выпивать в “Метрополе” с французскими офицерами, их женами и девицами». Этот знаменитый бар в гостинице «Хоа Бинь» («Мир») на протяжении всех военных лет оставался одним из двух, наряду с «Метрополем», единственно доступных для иностранцев, самых посещаемых дипломатами мест.

В ту военную пору облупившийся местами фасад здания «Метрополя», как и интерьер этого некогда знаменитого на всю Азию отеля класса люкс, где останавливались монархи, главы государств и правительств многих стран, мало напоминали его описание английским писателем в начале 50-х. Когда, заметил он в своем романе, «еще можно было комфортно

плесневеть в Ханое». У обшарпанной барной стойки можно было заказать армянский коньяк, на долгие годы сменивший привычные для прежних постояльцев известные французские марки.

В последний вечер перед отлетом Юлиана Семенова в Москву я пригласил его к себе в гости. За несколько часов затянувшейся за полночь беседы мы успели переговорить о многом. Все располагало к дружеской беседе, тем более что, как выяснилось, оба по образованию востоковеды и начинали свою трудовую деятельность переводчиками с восточных языков в проблемных странах, превратившихся вскоре в горячие точки, он — в Афганистане, я — во Вьетнаме.

В беседе он несколько раз возвращался к «Тихому американцу». Повторял, что поездка во Вьетнам его «еще раз убедила в пророческом характере романа». Поскольку в нем еще в начале 50-х годов Грэм Грин предсказал неизбежные последствия эскалации вмешательства США в дела Индокитая, что в конечном счете привело к прямой вовлеченности в войну во Вьетнаме.

Мой гость увлеченно рассказывал о своих неожиданных находках, когда знакомился с документами, нашими и германскими, закрытых архивов. Сетовал он на то, что многие ценные архивные источники о Второй мировой войне, остаются недоступными для исследователей. С надеждой говорил, что когда архивы, наконец, будут открыты, он сможет осуществить сполна свои творческие планы, «если и не в жанре исторических очерков, то хотя бы романов».

Многое из рассказанного Юлианом Семеновым на той нашей памятной встрече в Ханое для меня открылось позже после появления «Семнадцати мгновений весны» и других его талантливых работ.

* * *

Память о той моей первой по линии МИД командировке в воюющий Вьетнам не отпускала меня на протяжении всей моей последующей работы в центральном аппарате министерства и его заграничных учреждениях.

Помню, тридцать лет спустя в годы работы послом в самой северной натовской стране — Исландии, еще до ракетно-бомбовых ударов альянса против Белграда, участвовали приглашения дипкорпуса на протокольные мероприятия по случаю визитов в Исландию высоких натовских чинов и заходов военных кораблей альянса. Они проводились на территории базы ВВС и ВМС США в Кефлавике с приглашением осмотреть военную технику. Побывать в кабинах самолета F-16 и вертолета «Апачи», в отличие от скандинавских послов, у меня желания не возникло. Всякий раз, въезжая на территорию американской военной базы под любопытными взглядами охранявших ворота военных полицейских, с интересом разглядывающих российский флаг на посольской автомашине, на меня непроизвольно накатывались воспоминания о работе в ДРВ в разгар бомбардировок авиацией США. Думал ли я тогда, что мне доведется сидеть рядом с командующим базой ВВС и ВМС США в Кефлавике контр-адмиралом Дэвидом Арчитэлем (David Architel) на концерте ансамбля «Русские виртуозы». (После восторженных его и его жены откликов об этом выступлении он поведал мне о своих белорусских корнях и что его настоящая фамилия — это переименованная на американский лад — Учитель.)

В память о том военном времени до сих пор храню привезенные из Ханоя осколок ракеты «Шрайк» и с теннисный мяч контейнер от шариковой бомбы.

* * *

В 1973 году в период командировки в Постоянном Представительстве СССР при Отделении ООН и других международных организаций в Женеве, мне вручили присланную из Москвы медаль «За трудовое отличие», которой я был награжден после окончания вьетнамской войны и подписания в Париже Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Эту медаль, как самую для меня дорогую, я закрепил на своем посольском мундире впереди других наград, полученных мною позже.

НА ПЛОЩАДКАХ ООН

НА ПЛОЩАДКАХ ООН

В сфере многосторонней экономической дипломатии

Война с другого берега Меконга:
взгляд из прифронтового Таиланда

По «русскому следу»

Малоизвестное хобби Рамы IX

За признание полномочий ДРВ и РЮВ на форумах
специализированных учреждений системы ООН

Успешный почин многосторонней дипломатии
Вьетнама

В СФЕРЕ МНОГОСТОРОННЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

По возвращении в августе 1969 года из Вьетнама я был назначен вторым секретарем в Отдел Юго-Восточной Азии МИД, который возглавлял тогда Михаил Степанович Капица.

Работа под началом Михстепа — эта аббревиатура за заведующим отделом навсегда закрепилась в нашем лексиконе — была для меня и коллег настоящей школой дипломатического мастерства.

Для молодых дипломатов референтуры Вьетнама, расположенной по-прежнему на самой верхотуре высотного здания на Смоленке, Михстеп был во всем непререкаемым авторитетом. Каждое оброненное им острое словцо, шутка или анекдот немедленно расходились и многократно повторялись. Богатую пищу для обсуждений мы получали в его кабинете на 14-м этаже во время ежедневных информационных совещаний, которые называли «читками». Самым интересным на них, после зачитывания по очереди информации о последних новостях в регионе и мире, был «разбор полетов» — комментарии Михстепа, иногда с изрядной долей критики, в ответ на сообщения референтур о проделанной за минувший день работе. Заканчивались читки обычно солидной порцией новых поручений.

Верным индикатором присутствия заведующего отделом на своем рабочем месте служил исходящий из его кабинета по всему этажу стойкий сигарный запах. Без сигар не обходился его творческий процесс, а в то время он часто засиживался в кабинете по вечерам, диктуя последние главы своей монографии «Китай: два десятилетия — две политики», изданной в 1969 году. Обладая завидным умением отточенными фразами формулировать мысли, он предпо-

читал надиктовывать свои работы, поручая сверку имен и дат помощникам.

Мое непосредственное общение с заведующим отделом, которое в основном сводилось к устным переводам и записям его бесед, стало более частым после выполнения одного поручения. В тот период обострился застарелый китайско-вьетнамский пограничный спор вокруг принадлежности небольших островов двух архипелагов — Парасельские острова и Спратли. Мне было поручено подготовить справку на основе первоисточников. Пришлось немало потрудиться, копаясь в архивных материалах и старых французских и других географических картах, которые удалось разыскать в нашей крупнейшей, ныне Российской Государственной, библиотеке. Михстепу справка понравилась, что он не раз отмечал.

Для М.С. Капицы, какими бы странами и проблемами ему ни приходилось заниматься, главным делом жизни оставался наш великий восточный сосед — Китай, исследование проблем его новейшей истории. Это было заметно не только по выбору тем для научных исследований, но и по неизменному возвращению, о чем бы ни шла речь в беседах с ним, к эпизодам его прошлой работы в Китае.

Поэтому, как логический шаг нами был воспринят его переход в 1970 году в 1 Дальневосточный отдел с одновременным назначением членом коллегии министерства, где он получил возможность вплотную заняться китайской проблематикой.

Переход М.С. Капицы в 1 ДВО сыграл для меня немаловажную роль. Перед самым своим уходом он, изменив свое первоначальное решение, уступил моей просьбе отпустить в Отдел международных экономических организаций (ОМЭО). После трех подряд длительных командировок во Вьетнам и защиты диссертации на экономическую тему мне хотелось расширить кругозор, и на время отойдя от страноведческой проблематики, попробовать себя на поприще многосторонней экономической дипломатии.

От проблем Азиатско-Тихоокеанского региона я не отделился, поскольку в новом отделе мне были поручены вопросы

участия СССР в работе Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), позднее переименованной в Экономический и социальный совет ООН для стран Азии и Тихого Океана (ЭСКАТО).

За время работы в ОМЭО и до отъезда в длительную командировку, помимо двух ежегодных сессий ЭКАДВ и ее комитетов в Маниле и Бангкоке, я участвовал в проходивших в Женеве двух летних сессиях ЭКОСОС и заседаниях постоянных комитетов Европейской Экономической комиссии (ЕЭК) ООН.

ВОЙНА С ДРУГОГО БЕРЕГА МЕКОНГА: ВЗГЛЯД ИЗ ПРИФРОНТОВОГО ТАИЛАНДА

Занимаясь в ОМЭО вопросами участия нашей страны в деятельности ЭКАДВ, мне по несколько раз в году приходилось бывать в Бангкоке, где со дня создания этого специализированного учреждения системы ООН и по сей день находится его секретариат, регулярно проводятся заседания рабочих органов Комиссии.

Таиландом я заинтересовался еще с института. Находясь на практике в Хайфоне, регулярно брал уроки тайского у вьетнамца, вернувшегося первым пароходом со своими соотечественниками из эмиграции в Таиланд, и приобрел первые тайско-английский и другие словари, которые были тогда у нас большой редкостью.

Древний Сиам, вся история которого тесно переплелась с судьбой соседних с ним стран Индокитая, в моем представлении остается во многом уникальным государственным образованием, которому пройдя через сложные перипетии в своей истории, единственному во всем обширном регионе удалось избежать участи колонизации.

Эта далекая страна и поныне, около полвека спустя после первого ее посещения, не потеряла для меня своей притяга-

тельности, оставаясь, несмотря на солидный стаж знакомства с ней, далеко не познанной и не менее загадочной.

Тем, кто недавно открыл для себя Таиланд, наверное, не просто представить себе облик его столицы — «Великого города ангелов», каким я застал его в свой первый приезд в Бангкок в начале 1971 года.

В центре города выделялись несколько одиноких высоток современных гостиниц, в одной из них — «Нараи» мы обычно останавливались из-за близости к нашему посольству. Но это были тогда скорее редкие островки современных строений среди множества неказистых домов и деревянных халуп, теснившихся вдоль издававших невыносимый смрад многочисленных каналов и небольших речушек, в которых стирали белье и купались, спасаясь от влажной жары, ребяташки.

Но с каждым приездом в Бангкок, который я мог воочию наблюдать на протяжении почти 20 лет, было заметно, как эти каналы, в первую очередь в центральных городских кварталах, постепенно исчезали, закрывались бетоном и превращались в городские магистрали, как перед зданием нашего прежнего посольства.

Но больше всего тогдашнюю столицу Таиланда от нынешней отличала напряженная атмосфера прифронтового города. Совсем рядом, во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже шла война, к которой официальный Бангкок имел отнюдь не стороннее отношение, отдав американцам в аренду две свои самые крупные военно-воздушные базы. Там приземлялись, отбомбившись во Вьетнаме, самолеты с американских авианосцев в заливе Бакбо (Тонкинском) и после дозаправки и отдыха экипажей вылетали в обратный путь.

В кварталах Бангкока, где были сосредоточены увеселительные заведения, практически единственными посетителями (немногочисленные туристы по соображениям безопасности предпочитали проводить вечера в ресторанах и барах гостиниц) были одинаково коротко подстриженные молодые парни в гражданской одежде (на улицах они держались только группами), военная выправка которых, как

и характерный раскатистый говор, безошибочно выдавали их принадлежность к армии США. Увеличение их популяции в этих местах означало прибытие очередного судна, доставившего из Вьетнама на отдых очередную большую группу американских солдат. Другим безошибочным индикатором было появление на городских рынках новых комплектов американского военного обмундирования и амуниции.

Подобную картину я наблюдал и в Паттайе. Этот, в те годы невзрачный полусонный курортный городишко с несколькими, за редким исключением, низкоразрядными гостиницами, буквально оживал, когда на рейде появлялось судно с прибывшими на отдых американскими военнослужащими. На берег в ожидании подвозивших их катеров и лодок слеталось чуть ли не все женское население Паттайи и близлежащих деревень, которое быстро «разбирало» новое пополнение. В такие вечера нам лучше было оставаться в гостинице. Переполненные бары с тайками подросткового возраста, виснувшими на шеях американских солдат или беспрерывно снующих в обнимку с ними на мотороллерах, — как это напоминает сегодняшнюю картину, теперь и с участием наших соотечественников, которым, наверное, невдомек, что они являются верными последователями тех, с кого началось в те военные годы разрушение местных моральных устоев.

В бангкокской гостинице, где обычно останавливались наши делегации, неотъемлемой частью обеда в зале ресторана было небольшое представление с классическими народными танцами и непременно участием филиппинской певицы. По обыкновению обходя столики с иностранцами и справляясь об их национальной принадлежности, она довольно бойко исполняла для каждого песню на его родном языке. Когда продемонстрировав свой расхожий репертуар популярных в то время американских, немецких и французских песен, вроде заезженного шансона про Елисейские поля, подходила к нашему столику, повторялась одна и та же картина. На свой вопрос на ломанном английском «You

come from what country?» услышав в ответ «from Russia», певица неизменно выпаливала первое, что ей приходило на ум: «Ouch! From Russia with love?!» Затем переспросив еще раз, видимо, чтобы выиграть время и при этом что-то напряженно вспоминая, она принималась напевать одно и то же — тему Лары из «Доктора Живаго», который, как и кинофильмы бондианы, демонстрировался тогда в Бангкоке. Поскольку, как известно, первоначально слов на эту музыку не было, она много раз повторяла « Oh, my Lara, la-la-lala». В остальном, с каждым новым приездом в Бангкок нас ожидали разные недолговременные нововведения, наподобие запрета на продажу пива в барах до 15 часов, которыми сопровождалась очередные перевороты со сменой правительств.

В беседах с тайцами, с которыми общался, участвуя в заседаниях рабочих органов ЭКАДВ, мои экскурсии в историю Таиланда и российско-сиамских связей в попытке разговаривать собеседников и узнать новые интересные факты из далекого прошлого, не встретили ожидаемой реакции.

С тех пор за прошедшие годы многое изменилось, и в представлении о нас тайцев, и нашем — о Таиланде, теперь знакомом уже не понаслышке многим тысячам россиян.

ПО «РУССКОМУ СЛЕДУ»

На одном малоизвестном факте из истории отношений России и Сиам остановлюсь подробнее.

Во время одной из поездок в Бангкок редкой удачей для меня оказалась встреча с прямой наследницей сиамской принцессы Екатерины Десницкой.

Еще в студенческие годы, изучая историю Таиланда, в фондах библиотеки МГУ я вычитал из книг немало неизвестных мне ранее фактов, свидетельствующих о давнем и тесном характере российско-сиамских связей. Особый харак-

тер им придавали теплые личные отношения монархов двух стран — российского императора Николая II и Короля Сиам Чулалонгкорна (Рамы V), начало которым было положено еще в 1893 году с посещения Николаем II, тогда еще цесаревичем, Бангкока и приемом его королем.

Убедительным подтверждением близости отношений двух стран стало приглашение в 1898 году Николаем II сиамского принца Чакрабона (второго по старшинству сына короля) на обучение в Россию в престижном Пажеском корпусе Его Величества. Известно также и о направлении российским императором в дар королю Сиам своих гвардейцев. «Русский след» надолго остался не только в потомках императорских гвардейцев, но и в музыке старого государственного гимна Таиланда, парадной одежде тайской королевской гвардии и многом другом.

Подобные факты, ныне хорошо известные всем, кто интересуется Таиландом, в те далекие годы приходилось собирать по крупицам. Отыскать их можно было в основном в дореволюционных изданиях. Современные же авторы и в Советском Союзе, и в Таиланде в 50-е и 60-е годы в разгар войны в Индокитае и при напряженных отношениях между нашими странами эту тему не жаловали.

Поэтому ценной находкой для меня в то время стали мемуары генерала от инфантерии Н.П. Епанчина, служившего директором Пажеского корпуса Его Величества в период обучения в нем в 1898–1902 гг. принца Чакрабона. Эти воспоминания под названием «На службе трех императоров» были переизданы небольшим тиражом в 1996 году в Москве. (По этому изданию привожу ниже цитаты, орфография источника сохранена.)

«Его Величество, — вспоминает Н.П. Епанчин, — сказал мне, чтобы я смотрел на принца как на Его сына. Принц и сиамцы (с принцем воспитывались еще двое юношей) были помещены в Зимнем Дворце, получали стол от Двора, придворный экипаж, прислугу и все прочие удобства; одним словом, они были обставлены по-царски... Все занятия они проходили совместно с их товарищами по корпусу. Никаких

исключений и послаблений в дисциплинарном отношении для принца не делалось».

В подтверждение «дисциплинированности и благовоспитанности» принца директор Пажеского корпуса приводит следующий показательный случай. «Когда в конце 1901 года принц был произведен и по его желанию с согласия Государя назначен камер-пажом при Императрице Александре Федоровне, в церемониальной части Высочайшего Двора был возбужден вопрос, согласно ли это будет с этикетом, что принц, член Царствующего дома, на церемониях будет нести шлейф Ее Величества. Когда об этом частным образом узнал принц, то он настоятельно просил не делать для него исключений, заявив, что он дорожит честью быть камер-пажом Императрицы, которая, как и Государь милостиво относится к нему».

Приведу еще одно любопытное свидетельство. «В то время, — пишет Н.А. Епанчин, — в Петербург прибыл старший брат Чакрабона, наследник сиамского престола. Он воспитывался в Англии и, как я узнал, его обучали главным образом боксу, тогда как у нас его младший брат получил хорошее общее и военное образование».

В 1902 году после выпускных экзаменов и окончания специальных классов корпуса Чакрабон был произведен в корнеты гусарского Его Величества полка, в котором до отъезда в Сиам прослужил несколько лет.

Но еще до возвращения домой в личной жизни принца произошло важное событие, о котором в упомянутых мемуарах повествуется так. «Отправившись в Сиам, по дороге, в Константинополе, Чакрабон повенчался с девицей из хорошей семьи, племянницей инженера путей сообщения Михаила Ивановича Хижнякова, главного инженера управления Юго-Западных железных дорог в Киеве. По возвращении в Сиам Чакрабон за то, что женился без разрешения, был заключен на год монастырь, но его жена была принята хорошо».

В своих мемуарах генерал упомянул и о своей встрече с молодой четой в Киеве, когда «Чакрабон приезжал с женой

на побывку в Россию». «В беседе со мной в доме М.И. Хижнякова, Чакрабон рассказал мне, что управляет в Сиаме военными школами, а жена его в ответ на мой вопрос, заданный наедине, сказала, что хорошо чувствует себя в Сиаме и всем довольна». «После этого случая, — заключает автор мемуаров, — я больше не встречался с Чакрабоном, а во время нашей эмиграции он скончался в Сиаме».

На основе появившихся в последние годы на эту тему публикаций, порою разноречивых, которые проливали свет на обстоятельства знакомства и женитьбы принца Чакрабона на Екатерине Ивановне Десницкой и их дальнейшую судьбу после развода, воссоздать целостную картину тех давних событий было затруднительно.

В августе 1987 года, находясь в командировке в Бангкоке, я вместе с нашим послом в Таиланде В.П. Касаткиным был приглашен на обед в одно из зданий королевского дворцового комплекса. Прием начался с сюрприза. Его хозяин — лаосский принц, представляя нас молодой привлекательной женщине, многозначительно произнес: «Познакомьтесь с принцессой, потомком сиамской принцессы русских кровей».

Сидя на протяжении вечера рядом с принцессой, которая оказалась внучкой Екатерины Десницкой от второго брака (после развода с принцем Чакрабоном она вышла замуж за американского архитектора), я невольно пытался разглядеть в ней сходство с ее знаменитой близкой родственницей, известной нам по фотографиям. Мне не терпелось сразу же приступить к расспросам.

Такая возможность представилась за десертом, когда мы перешли за соседний стол. Конечно же, было небезынтересно узнать от нее неизвестные доселе подробности, связанные с судьбой ее предков. Общались мы на английском. О себе она рассказала, что на днях прилетела из Лондона, где проживала последние годы, была замужем за британским подданным, развелась и недавно вышла замуж за лаосского принца, пригласившего нас на прием. В Бангкоке она занимается организацией крупных международных автомобиль-

ных гонок, в которых собирается участвовать сама (по всему было видно, что автомобильные ралли — ее давнишнее увлечение).

О своих родственниках принцесса вспоминала скупно, но сочувственно и с теплотой. Несколько раз она возвращалась к эпизоду отъезда принца Чакрабона и Екатерины Десницкой в Константинополь, чтобы обвенчаться там в греческой православной церкви; рассказывала о трудностях, которые им пришлось испытать в дальнейшем по пути в Сиам. Тему отношения к русской супруге принца со стороны короля, до и после его смерти, и королевы, она касалась с осторожностью, заключив, что «как бы то ни было, моя бабушка была признана законной супругой принца Чакрабона, когда он уже стал наследником престола, и ее титул сиамской принцессы перешел ко мне». Мои попытки в конце вечера разговорить ее по-русски успехом не увенчались. После общей фотографии на память, принцесса, прощаясь, все же произнесла по-русски с очаровательной улыбкой по слогам «до-сви-да-ни-я».

МАЛОИЗВЕСТНОЕ ХОББИ РАМЫ IX

С именем Его Величества Короля Таиланда Пхумипхона Адульдета (Рамы IX), находившегося на престоле с 1946 года, была неразрывно связана вся новейшая история Таиланда. Являясь символом нации, он пользовался огромным уважением, как у своих подданных, так и за рубежом. Не в последнюю очередь за его умение, продолжая традиции предшествующих сиамских монархов разруливать силой своего непререкаемого авторитета частые внутривластные кризисы.

Широко известно, что король Таиланда был разносторонне одаренной личностью, талантливым музыкантом и художником. Столь же разнообразными были его увлечения.

Об одном малоизвестном хобби короля мне довелось впервые услышать от него самого. Произошло это в марте 1972 года во время проведения в Бангкоке юбилейной сессии ЭКАДВ, приуроченной к 25-летию со дня создания Комиссии.

Когда работа сессии приближалась к концу, нам объявили, что состоится церемония представления делегаций Его Величеству Королю, который также почтит своим присутствием заключительный прием в одном из залов своего дворца.

В назначенное время, поминутно расписанное для каждой делегации, мы прибыли в Королевский дворец во главе с руководителем нашей делегации послом СССР в Таиланде А.А. Розановым. Как только нас выстроили по ранжиру, в зал вошел король, одетый в темного цвета строгого покроя костюм в сопровождении церемониймейстера в белом мундире. Мы по очереди подошли к монарху и были удостоены его рукопожатия, в то время как стоящий сбоку посол называл каждого члена делегации по имени. На этом церемония для нас закончилась: в соседней комнате уже ожидали своей очереди следующие, выстроенные по английскому алфавиту, делегации.

Так же строго по местному протоколу проходило наше общение с королем на заключительном приеме для делегаций в банкетном зале дворца. Когда подошла очередь нашей делегации, церемониймейстер подвел нас к круглому столу в центре зала, за которым сидел король, предупредив, что на беседу отводится не больше 10 минут. Его Величество после нескольких обычных протокольных фраз тут же спросил, нельзя ли прислать ему «гаубицу, выпускавшуюся в России в конце Второй мировой войны». Этой гаубицы, пояснил король, недостает в его личной коллекции военной техники времен Первой и Второй мировых войн, расположенной на территории дворца. Телеграмма с пожеланием короля (речь шла, насколько помню, о 152-мм гаубице образца 1943 года) была незамедлительно отправлена послом в Москву.

Вскоре я улетел в длительную командировку и не знаю, какой ход в дальнейшем был дан просьбе короля.

Позднее в 1987 году накануне 60-летнего юбилея короля, когда я непосредственно занимался отношениями с Таиландом как заведующий Отделом Юго-Восточной Азии МИД, мы долго ломали голову над тем, что предложить на подарок королю в подарок. В конце концов, выбор пал на музыкальный инструмент — трубу, которая была изготовлена по заказу лучшими отечественными мастерами и в красивом футляре отослана нашему послу в Бангкок с поручением передать этот памятный сувенир Его Величеству Королю.

ЗА ПРИЗНАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ДРВ И РЮВ НА ФОРУМАХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ООН

Моя привязанность к азиатско-тихоокеанскому региону не прерывалась и в период командировки в Постоянное Представительство СССР при Отделении ООН и других международных организаций в Женеве. Работая в должности заведующего объединенной референтурой специализированных учреждений ООН научно-технического характера, оказывал практическую помощь дипломатам Вьетнама, КНДР и МНР, в том числе в оформлении членства их стран в курируемых международных организациях.

На протяжении целого ряда лет на проходивших в Женеве многочисленных форумах ООН и ее специализированных учреждений, представители СССР, БССР, УССР, ряда социалистических и развивающихся стран, настойчиво добивались непризнания полномочий марионеточного режима Республики Вьетнам, отстаивая за Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама (НФО ЮВ), а позднее, за ставшим его правопреемником Временным Революционным правительством Республики Южный Вьетнам (ВРП РЮВ) право представлять Южный Вьетнам, неуклонно растущую

часть территории которого она контролировала. Активное участие в этой работе принимало наше постпредство, действующее в тесной координации с представителями ДРВ и РЮВ.

При всей важности многолетних дипломатических усилий за международное признание ВРП РЮВ, бесспорно решающим аргументом для наших политических оппонентов стало взятие Сайгона войсками Народных сил освобождения.

Известие об освобождении Сайгона 30 апреля 1975 года застало меня утром дома за сборами на заседание 7-го Всемирного метеорологического конгресса Всемирной метеорологической организации (ВМО), в котором участвовал в составе делегации.

С самого открытия конгресса 28 апреля и весь последующий день на конгрессе не смолкала острая дискуссия при утверждении полномочий делегаций. На первом же заседании мандатного комитета избранный в его состав представитель от социалистических стран, действуя в соответствии с согласованной накануне открытия форума тактической линией, заявил протест (наше первоначальное предложение о приглашении на конгресс делегации ВРП РЮВ в качестве наблюдателя не встретило поддержки) против присутствия сайгонской администрации и признания полномочий ее делегации. (Республика Вьетнам депонировала документ о присоединении к Конвенции ВМО еще в 1955 году.) Единственным законным и правомочным представителем народа Южного Вьетнама, заявил он, является ВРП РЮВ, и сайгонские власти не имеют права выступать от имени народа Южного Вьетнама. Его поддержали только два члена мандатного комитета, представляющих Алжир и Швецию.

Когда на следующий день 29 апреля отчет мандатного комитета был вынесен на пленарное заседание, во избежание продолжения острой дискуссии секретариатом Конгресса от имени Президента ВМО было внесено предложение перенести рассмотрение вопроса о полномочиях делегации

сайгонской администрации «на более позднее время», что было поддержано большинством делегаций. На этом дискуссия, однако, не прекратилась и перенеслась в кулуары конгресса.

Наши совместные шаги встретили упорное противодействие со стороны представителей США и их союзников, которые опираясь на контролируемое ими большинство голосов на форумах международных организаций, продолжали торпедировать наши предложения.

По мере успешного развертывания весеннего наступления частей Народных сил освобождения Южного Вьетнама борьба за признание полномочий ВРП РЮВ на проходящих в Женеве международных форумах достигла наивысшего накала. Он не спадал даже после того, как подразделения Народных сил освобождения, успешно развивая «операцию Хо Ши Мин», 28 апреля вышли к окраинам Сайгона, и ее исход был очевиден.

По пути к зданию Международного центра конференций, построенного недавно неподалеку от Дворца Наций с просторным залом, где проводили свои конгрессы и другие крупные форумы спецучреждения системы ООН, я продолжал обдумывать, какие шаги в изменившейся ситуации следует предпринять, чтобы ускорить признание полномочий Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам (ВРП РЮВ) и обеспечить участие ее делегации в работе конгресса в качестве полноправного члена ВМО.

Повернув на улицу Пети-Саконне, притормозил на углу у бензоколонки, рядом с которой на первом этаже жилого дома располагалась дипломатическая миссия сайгонского режима. У ее входа на месте прежней вывески зияли следы от вывернутых наспех шурупов; спущенные жалюзи на окнах подтверждали отсутствие внутри признаков жизни. (Как я узнал позже от ооновского чиновника, еще в ночь на 30 апреля сотрудники дипломатической миссии сайгонской администрации, «тайком, не поставив никого в известность, спешно покинули Женеву в неизвестном направлении».)

Утром во всех многочисленных залах Дворца наций, где проходили заседания рабочих органов различных международных организаций, исчезли таблички с упоминанием Республики Вьетнам и, казалось, уже ничего больше не напоминало об ушедшем в небытие марионеточном сайгонском режиме.

В секретариате конгресса, куда я заглянул по приезде, царил обычная перед началом пленарного заседания деловая суета. Его сотрудники, занятые подготовкой к рассмотрению очередных вопросов повестки дня конгресса, избегали комментариев по поводу пришедшей из Вьетнама главной новости, стараясь всем своим видом показать, будто ничего особенного не произошло. (Как будто и не было двух дней жарких споров, прерванных только накануне поздним вечером!) Встретившийся в коридоре знакомый сотрудник высокого ранга секретариата ВМО, в ответ на мои настойчивые расспросы сообщил, что «вопрос о полномочиях РЮВ без дальнейшего обсуждения будет улажен в рабочем порядке в самые короткие сроки после небольших формальностей».

На них, в действительности ушло, несмотря на все наши совместные настойчивые усилия, более двух недель.

30 апреля посол Нгуен Ван Лыу, руководитель делегации ДРВ, принимавшей участие в работе конгресса в качестве наблюдателя, после консультаций с нами и делегациями других социалистических стран срочно встретился с Генеральным секретарем ВМО Д. Дэвисом и поставил перед ним вопрос об «аннулировании полномочий» бывшей сайгонской администрации и о представительстве в этой международной организации ВРП РЮВ. В ответ Д. Дэвис предложил передать вопрос в мандатный комитет для повторного рассмотрения. В тот же день Бюро связи ВРП РЮВ при Отделении ООН в Женеве направило официальную ноту на имя Д. Дэвиса о составе делегации РЮВ на 7-м Конгрессе ВМО.

6 мая состоялась беседа посла Нгуен Ван Лыу с находившимся в Женеве Генеральным секретарем ООН К. Вальдхай-

мом, который заявил, что «не видит затруднений в вопросе о преемственности РЮВ».

8 мая Бюро связи ВРП РЮВ при Отделении ООН в Женеве разослало с сопроводительной нотой копии двух Заявлений МИД РЮВ от 1 мая и письма министра иностранных дел РЮВ Нгуен Тхи Бинь генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму, в котором сообщалось, что «ВРП осуществляет полную власть на всей территории Южного Вьетнама». Это письмо было передано 4 мая ему лично через Раймонда Обрака (Р. Самюэля), занимавшего высокий пост в секретариате ФАО (Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН) в Риме, в прошлом активного участника французского Сопротивления, с которым в 1946 году, находясь во Франции, встречался Хо Ши Мин.

В ответном письме министру иностранных дел РЮВ Нгуен Тхи Бинь, для подготовки которого потребовалась целая неделя, и датированном 12 мая, генеральный секретарь ООН сообщил, что «принял к сведению изложенную в письме аргументацию» и уведомил об этом правительства США и Швейцарии, на территории которых находятся штаб-квартира и Европейское отделение ООН. Что касается членства РЮВ в спецучреждениях ООН, говорится далее в ответном письме, то «этот вопрос должен быть решен ими самими, поскольку они являются независимыми организациями». Генсек ООН «предложил» направить письма по этому вопросу руководителям каждого спецучреждения, чтобы ими были предприняты «соответствующие меры», а пока он рассылает им письмо министра иностранных дел РЮВ «в порядке информации».

Наконец, после того, как Бюро связи ВРП РЮВ при Отделении ООН в Женеве направило Генсеку ВМО новую ноту об «автоматической замене» бывшей сайгонской администрации представителями Республики Южный Вьетнам, и в ответ на неоднократные обращения делегаций Советского Союза, других социалистических и ряда развивающихся стран, был собран мандатный комитет, который на своем заседании принял решение предложить пленарному заседанию конгресса признать полномочия делегации РЮВ.

И только 16 мая доклад мандатного комитета, в котором признавались полномочия делегации РЮВ, был единогласно одобрен на пленарном заседании 7-го Всемирного метеорологического конгресса. С этого дня делегация РЮВ участвовала в работе Конгресса в качестве полноправного члена ВМО.

УСПЕШНЫЙ ПОЧИН МНОГОСТОРОННЕЙ ДИПЛОМАТИИ ВЬЕТНАМА

Одновременно 7-м Конгрессом было принято решение о приеме в ВМО Демократической республики Вьетнам. Этому решению предшествовала длительная работа дипломатии ДРВ, проводимая в координации и при всесторонней поддержке Советского Союза, других социалистических и ряда развивающихся стран.

Еще задолго до 7-го Конгресса ВМО МИД СССР были разосланы по дипломатическим каналам странам-членам этой организации письма, анализ ответов на которые показал большую вероятность того, что прием в нее ДРВ получит одобрение двумя третями ее членов, как того требовала статья 3-й Конвенции ВМО. Такое же мнение высказал генсек ВМО Д. Дэвис в беседе со мной 25 февраля.

Обращение министра иностранных дел ДРВ Нгуен Зуй Чиня на имя генерального секретаря ВМО о приеме в эту организацию и с просьбой «допустить ДРВ в качестве официального участника на 7-й Всемирный Метеорологический Конгресс» было датировано 1 февраля 1975 года. Поскольку это заявление поступило меньше чем за три месяца до открытия Конгресса, вопрос о членстве ДРВ теперь решался не путем переписки, как было первоначально задумано, а был передан на рассмотрение конгресса.

В ходе него делегация ДРВ решила (в отличие от наблюдателей КНДР, принятую в ВМО на том же конгрессе)

не прибегать к резолюции, предпочтя открытое поименное голосование. За прием ДРВ проголосовали 104 делегации, против не было, воздержались США, Саудовская Аравия, Чили, Кипр, Гватемала, Израиль, Испания и Южная Корея. Таким образом, ДРВ была принята в ВМО в качестве ее полноправного члена.

ВМО стала первым специализированным учреждением ООН, в которую вступила Демократическая республика Вьетнам. (Документ о присоединении к Конвенции ВМО ДРВ депонирован 8 июля 1975 года.)

Так завершилась борьба за признание ВРП РЮВ как единственного законного и полномочного представителя народа Южного Вьетнама, которую на протяжении многих лет вели на дипломатическом фронте ДРВ и НФО ЮВ (с июня 1969 года — ВРП РЮВ) при всесторонней поддержке Советского Союза, других социалистических и ряда развивающихся стран.

А год спустя, в июле 1976 года после воссоединения Вьетнама вновь образованная Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) как единственный законный и полномочный представитель Вьетнама навсегда заняла свое место в ООН и других международных организациях.

Следует отметить, что впервые вопрос о членстве ДРВ в ООН был поставлен 22 ноября 1948 года. В письме глава постоянной делегации ДРВ во Франции Чан Нгок Дан по поручению своего правительства обратился к генеральному секретарю ООН Трюгве Ли с просьбой о приеме ДРВ в члены ООН. Из-за резко негативной позиции Франции, заявившей о «признании только одного правительства Вьетнама — правительства генерала Ксюана, связанного с Бао Даем», просьба ДРВ о приеме в ООН на заседаниях Совета Безопасности обсуждена не была.

14 января 1950 года президент Хо Ши Мин обратился ко всем правительствам мира с заявлением правительства ДРВ, которое «является единственным законным правительством, представляющим единодушие вьетнамского народа», о готовности «установить дипломатические отно-

шения с любым правительством, уважающим право на равноправие, территориальный и национальный суверенитет Вьетнама».

30 января 1950 года министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский сообщил в телеграмме министру иностранных дел ДРВ Хоанг Минь Зяму, что «рассмотрев предложение Правительства Демократической республики Вьетнам и учитывая при этом, что Демократическая республика Вьетнам представляет подавляющее большинство населения страны, — Советское Правительство приняло решение установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Демократической республикой Вьетнам».

Дипломатическое признание Советским Союзом Демократической республикой Вьетнам явилось важным фактором, упрочившим международный авторитет ДРВ, оказало значительное влияние на исход войны Сопrotивления.

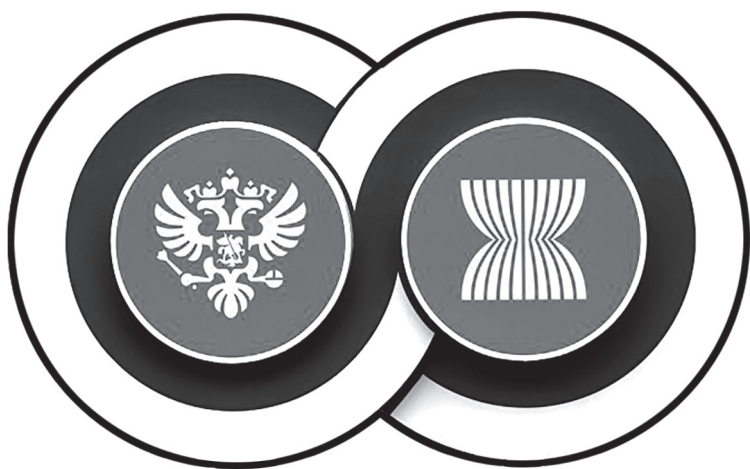
* * *

Тот день в Женеве 30 апреля 1975 года вспомнился мне восемь лет спустя в г. Хошимине при осмотре бывшего Дворца независимости во время моей первой поездки на юг Вьетнама. Когда с балкона второго этажа бывшей резиденции президента сайгонского режима я всматривался в сторону ворот перед входом в резиденцию, в голове мысленно прокручивались облетевшие весь мир исторические кадры кинохроники, запечатлевшие символический момент, когда 30 апреля 1975 года ограду опустевшего здания протаранил первым ворвавшийся на территорию дворца, ставший в одночасье знаменитым танк Т-54 бронетанковой бригады ВНА.

С того памятного дня прошло более сорока лет. Ныне голос единого независимого Вьетнама авторитетно звучит с трибун ООН и ее специализированных учреждений, в которые он вступил за прошедшие годы.

Международный престиж Вьетнама, завоеванный героической борьбой за свою свободу и независимость, в по-

следние годы еще более возрос, о чем свидетельствует избрание СРВ непостоянным членом Совета Безопасности ООН.

**КУРСОМ
ДОБРОСОСЕДСТВА
И СОТРУДНИЧЕСТВА**

КУРСОМ ДОБРОСОСЕДСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА

На пути к нормализации ситуации
в Юго-Восточной Азии. Незатухающий очаг
напряженности

В поисках политического решения проблем региона

Развивая отношения дружбы и сотрудничества
с Вьетнамом и другими государствами Индокитая

Роль помощи СССР в послевоенном восстановлении
и строительстве экономики Вьетнама

О чем спросил меня премьер-министр
Локомотив российско-вьетнамского
экономического сотрудничества

На базе ВМФ СССР в заливе Камрань

На пороге больших перемен

На прежних позициях

На родине Долины кувшинов

Кровавые следы полпотовского режима

Налаживая диалог со странами АСЕАН

Миссия невыполнима. Инцидент
с южнокорейским Боингом

НА ПУТИ К НОРМАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. НЕЗАТУХАЮЩИЙ ОЧАГ НАПРЯЖЕННОСТИ

С назначением заведующим Отделом Юго-Восточной Азии МИД я вновь непосредственно занялся проблематикой Вьетнама и других стран знакомого мне региона*.

После возвращения из командировки в постпредство при Отделении ООН в Женеве, работая экспертом 2-го Европейского отдела МИД и более полутора лет исполняя обязанности заведующего сектором Австралии, Новой Зеландии и островных государств Юго-Западной части Тихого Океана, основательно пополнил багаж своих знаний по проблематике АТР, побывав впервые в Австралии и Новой Зеландии.

В последующие за этим четыре года работы в секретариате министра иностранных дел СССР А.А. Громыко почерпнул для себя многое в плане профессионального роста. Ценность приобретенного опыта я по-настоящему осознал позднее, будучи послом СССР и России и возглавляя различные департаменты МИД. «Школа Громыко» не раз служила мне ориентиром в поисках выхода из сложных ситуаций, когда получал разнобойные указания из Москвы в начале 90-х, организовывал в Браззавиле эвакуации семей сотрудников наших посольств из обоих Конго в разгар вооруженного противостояния там политических группировок, и когда

* В круг ведения Отдела Юго-Восточной Азии МИД СССР, в то время одного из самых крупных территориальных подразделений министерства входили две группы государств — три страны Индокитая (Вьетнам, Лаос и Народная республика Кампучия) и столько же — АСЕАН (Таиланд, Малайзия и Сингапур). В 1987 году в ОЮВА были переданы из 2-го Дальневосточного отдела «недостающие» асеановские страны — Индонезия и Филиппины. Для полного комплекта не доставало Брунея, дипломатические отношения с которым были установлены в 1991 году).

был послом в северной натовской стране в период ракетно-бомбовых ударов альянса по Белграду.

В начале марта 1983 года заместитель министра М.С. Капица представил меня коллективу Отдела Юго-Восточной Азии, собравшемуся в соседнем тогда с ВАД здании «Гас-тромида» в кабинете заведующего, который стал для меня вторым домом почти на целые шесть лет.

Перед уходом из секретариата А.А. Громыко задал мне только один вопрос: «Зайцеу (окончание выдавало его легкий белорусский акцент), Вам действительно импонирует заниматься Азией?» Видимо, на своей памяти он не часто встречал помощника, который после нескольких лет работы в его секретариате не выказал желания, как практически все мои предшественники, получить назначение в представительство при ООН или посольство в одной из европейских столиц, которые в разговорах между собой мы относили к категории «подарочных».

* * *

В регионе Юго-Восточной Азии и спустя восемь лет после окончания в 1975 году войны в Индокитае не спадала острота напряженности, не утихали территориальные споры.

Одержанная Вьетнамом историческая победа, изменила геополитическую конфигурацию в регионе. Провалился эксперимент с полпотовщиной, который закончился вводом в Пномпень вьетнамских войск и падением режима Пол Пота — Иенг Сари с образованием в январе 1979 года Народной республики Кампучия.

За этим последовала неудавшаяся попытка Китая «преподать урок Вьетнаму» путем развязанного в феврале — марте 1979 года *вооруженного конфликта*. Не добившись поставленных целей, Пекин открыто взял курс на подрыв НРК, нагнетая с этой целью постоянную напряженность на кампучийско-тайландской границе и поощряя непрерывные провокации со стороны вооруженных отрядов полпотовцев, действующих в пограничных с Таиландом районах и укрывающихся на его территории.

США с не изжитым «вьетнамским синдромом» продолжали усиленно наращивать в ЮВА и во всем АТР свое военное-политическое присутствие, все активнее вовлекая в реализацию своих глобальных стратегических планов, в том числе «тихоокеанской доктрины», государства — члены Ассоциации Юго-Восточной Азии.

Страны АСЕАН, еще недавно строившие планы использовать объединенный Вьетнам в роли буфера между собой и своей «извечной угрозой» — Китаем, теперь в утверждении нового социально-политического строя в Кампучии и укреплении там влияния Вьетнама усматривали для собственных режимов непосредственную «коммунистическую угрозу». Опираясь на политико-дипломатическую поддержку и помощь со стороны США и Китая, страны АСЕАН продолжали линию на ослабление НРК, нагнетая с этой целью постоянную напряженность на кампучийско-тайландской границе и поощряя непрерывные провокации против НРК со стороны полпотовских банд, действующих в пограничных с Таиландом районах и укрывающихся на его территории. Наряду с этим страны АСЕАН активно противодействовали росту международного признания НРК и ее вступлению в ООН, отстаивая сохранение там места за полпотовцами, и в то же время расширяли помощь кхмерской эмиграции, давая приют ее лидерам на своей территории.

В ПОИСКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕГИОНА

Вьетнам, находясь под неослабевающим давлением со стороны стран АСЕАН, поддерживаемых США и Китаем, с 1982 года начал ежегодный частичный вывод из НРК своего воинского контингента, стремясь тем самым выиграть время для стабилизации и укрепления общественно-политического строя в НРК и очищения ее территории от остатков антипра-

вительственных банд. (Стоит отметить, что на протяжении последних 40 лет Вьетнам три раза направлял свои войска в Камбоджу и дважды их из нее выводил: после окончания первой войны в Индокитае (1945–1954) и по завершении военных действий в 1975 году.)

Проводя линию на сдерживание развития отношений с Советским Союзом, в первую очередь в политической области, асеановские представители в контактах с нами продолжали увязывать перспективы их улучшения с отказом Советского Союза от курса на оказание помощи Вьетнаму и другим странам Индокитая, повторяя при каждом случае, что «ключ к кампучийскому урегулированию находится в руках СССР».

Страны АСЕАН, продолжая придерживаться дифференцированного подхода к странам Индокитая, в отношениях с Вьетнамом и НРК следовали линии на оказание политико-дипломатического давления. В то же время ими, в первую очередь Таиландом, предпринимались дозированные шаги по установлению с Лаосом в определенных границах добрососедских отношений, демонстрируя стремление экономическими посулами привязать его к себе. При этом Таиланд продолжал удерживать несколько лаосских приграничных населенных пунктов, что осложняло лаосско-таиландские отношения.

Мой приход в ОЮВА пришелся на очередное обострение обстановки на тайско-кампучийской границе. Первым из послов стран АСЕАН на беседу ко мне срочно запросился посол Таиланда. Исполняя поручение, он пришел передать «озабоченность своего правительства в связи с вторжением вьетнамских воинских частей вглубь территории Таиланда» и обращение «повлиять на Вьетнам, чтобы заставить его прекратить вторжение».

В присланной нам накануне копии официальной ноты МИД СРВ произошедшее на тайской границе объяснялось «проведением Народно-революционной армией Кампучии при поддержке добровольческих сил вьетнамской армии мероприятия по обеспечению безопасности приграничных районов НРК». В ноте подчеркивалось также «законное пра-

во суверенного государства НРК защищать свою безопасность от антиправительственных банд, получающих помощь извне».

Реагируя на сказанное мною в беседе, что Таиланд, оказывая поддержку полпотовским бандам, базирующимся на его территории, фактически сам тормозит вывод вьетнамских добровольцев из НРК, посол объяснил позицию своего правительства опасением концентрации вьетнамских войск вдоль границы с Таиландом, приводил случаи обстрела лагерей кампучийских беженцев на тайской территории, рассуждал об опасности вооруженного столкновения с отрядами «красных кхмеров» в случае попыток Бангкока выдворить их со своей территории.

В этой первой беседе посол, касаясь влияния «китайского фактора» на политику Бангкока, назвал Таиланд «жертвой обстоятельств, созданных другими». Развивая эту тему в нашей следующей беседе в начале апреля, он пояснил, что в «деликатное положение» Таиланд ставит близость Китая, присутствие 3-х млн. этнических китайцев, а также деятельность пропекинской компартии Таиланда. Все эти факторы, подытожил собеседник, приходится учитывать при выработке нашего внешнеполитического курса. Если Китай стремится обескровить Вьетнам, то долгосрочным интересам Таиланда, убеждал меня посол, отвечает существование Вьетнама, сильного в военном и экономическом отношении. Если бы не Китай, заявил он, Таиланд мог бы уже сейчас пойти на оказание Вьетнаму экономической помощи.

О заинтересованности в сильном Вьетнаме мне не раз приходилось слышать и от послов других стран АСЕАН. «Интересам Сингапура, — уверял меня в беседе сингапурский посол, — отвечало бы наличие в регионе Юго-Восточной Азии в качестве барьера между Китаем и ЮВА прочного Вьетнама, который мог бы более эффективно выполнять такую роль после вывода своих войск из Кампучии, обеспечив ее развитие в качестве независимого и нейтрального государства и сохранив хорошие отношения с Советским Союзом, в том числе в военно-стратегической области».

В асеановских столицах понимали, что любые попытки урегулировать кампучийскую проблему будут наталкиваться на упорное сопротивление Китая, если его интересы не будут учтены. Преобладающие там настроения наиболее полно выразил новый посол Малайзии в Москве во время своего первого визита в Отдел после вручения верительных грамот. «Малайзия, — подчеркнул он в беседе, — за любую формулу решения имеющихся в регионе спорных проблем при условии, что она отвечала бы интересам всех заинтересованных сторон, включая и КНР. Китай — важный игрок. Страны АСЕАН признают, что без приемлемого для КНР решения не предвидится возможность достигнуть стабильного урегулирования проблем региона».

Вместе с тем в странах АСЕАН росло понимание зависимости перспективы нормализации ситуации в ЮВА от прекращения конфронтации между Китаем и Вьетнамом. Лучше других это, конечно же, осознавала вьетнамская сторона, посылавшая все более явственные сигналы Китаю насчет улучшения двусторонних отношений. Не встречая в ответ на свои предложения желаемой реакции, Ханой избрал на первых порах тактику «малых шагов» из опасения, что его более активные действия могут быть восприняты могущественным соседом как проявление слабости. Неуступчивость Пекина вьетнамские дипломаты объясняли в беседах с нами тем, что «Китай со своим уязвленным самолюбием «срединной империи», привыкшей диктовать свою волю соседним странам, никогда не простит Вьетнаму Кампучию и не смирится с сохранением там доминирующих позиций Вьетнама».

Для урегулирования ситуации в регионе ЮВА важное значение имела нормализация советско-китайских отношений. Вскоре после вооруженного конфликта с Вьетнамом Пекином было принято решение о не продлении советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного в феврале 1950 года. Полный вывод вьетнамских войск из НРК был объявлен одним из трех, а позднее четырех, условий, которые Советский Союз должен был выполнить для нормализации отношений с КНР.

Советский Союз, продолжая линию на нормализацию советско-китайских отношений, выступил с новыми предложениями на этот счет.

РАЗВИВАЯ ОТНОШЕНИЯ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА С ВЬЕТНАМОМ И ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ ИНДОКИТАЯ

Первая половина 80-х годов была периодом динамичного развития сотрудничества Советского Союза со странами Индокитая в самых различных областях. Возросла оказываемая нашей страной экономическая помощь в хозяйственном восстановлении подорванной многолетней войной экономики Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Крепло взаимодействие наших стран на международной арене, в основе которого лежала общность позиций по узловым международным вопросам.

Состоявшийся в июне 1983 года Пленум ЦК КПСС, заявление на нем Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова о том, что «укрепление сотрудничества и сплоченности стран социализма (в один ряд с ними были поставлены вместе с Вьетнамом и Лаосом также Кампучия) — есть «первейшее направление международной деятельности КПСС и Советского государства», нацеливали МИД на более интенсивную работу по укреплению дружбы и сотрудничества с государствами Индокитая, усилению политико-дипломатической поддержки их курса и практических шагов, направленных на снижение напряженной обстановки в ЮВА.

О поддержке Советским Союзом внешнеполитических шагов стран Индокитая подчеркивалось в докладе А.А. Громыко на июньской 1983 года сессии Верховного Совета СССР. Примечательно, что в нем страны Индокитая были впервые упомянуты в одном ряду со странами социалистического содружества.

О принимаемых на конференциях министров иностранных дел СРВ, ЛНДР и НРК решениях нас информировал посол Вьетнама, который один или вместе с послами Лаоса и Кампучии запрашивался к нашему министру или его заместителю. Обычно принимал послов курирующий заместитель министра.

Впервые в нашей дипломатической практике три индокитайских посла 16 апреля 1983 года были приняты на уровне министра иностранных дел. Послы по поручению руководства своих стран проинформировали А.А. Громыко об инициативах с целью нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии и установления политического диалога между государствами Индокитая и АСЕАН, выдвинутых на состоявшейся 12 апреля 1983 года конференции министров иностранных дел НРК, ЛНДР и СРВ. В опубликованном в центральной печати сообщении об этой встрече, подчеркивалось, что «Советский Союз полностью солидаризуется с конструктивным курсом НРК, ЛНДР и СРВ, направленным на оздоровление обстановки и создание климата доверия и сотрудничества между всеми странами в Юго-Восточной Азии».

В тот период отношения Советского Союза с Вьетнамом, базирующиеся на Договоре 1978 года о дружбе и сотрудничестве, заключенным 3 ноября в Москве сроком на 25 лет с автоматическим продлением на 10-летние периоды, находились на одном из самых высоких за всю их историю уровне.

Закономерно, что моим первым собеседником в Отделе был посол СРВ Динь Нью Лиен и главной темой, которую он затронул в ходе нее было предстоящее 5-летие советско-вьетнамского Договора 1978 года о дружбе и сотрудничестве. Посол особо подчеркнул в беседе решающую роль Договора в сдерживании китайской агрессии в 1979 году. Как показали те события, решительные действия Советского Союза по оказанию массовой военной-политической поддержки и помощи Вьетнаму не оставили у пекинских стратегов, вознамерившихся «протестировать Кремль» на предмет верности взятым на себя договорным обязательствам, сомнений в безнаказанности своих агрессивных действий.

РОЛЬ ПОМОЩИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПОСЛЕВОЕННОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВЬЕТНАМА

На рубеже 80-х годов возросла роль нашей материально-технической помощи Вьетнаму в послевоенном восстановлении и строительстве важнейших отраслей экономики страны. Советский Союз на продолжительное время — в отсутствие прежнего важного источника поступления помощи от Китая и фактической экономической блокады со стороны стран АСЕАН — окончательно закрепился в роли самого крупного донора СРВ.

Рост потребностей Вьетнама в увеличении объема материально-технической помощи со стороны СССР был вызван в первую очередь трудностями с выполнением намеченных показателей экономического плана 1981-85 гг., что в немалой степени было связано с отвлечением значительных ресурсов на оказание помощи НРК, включая содержание там воинского контингента, и Лаосу.

Вьетнам остро нуждался в наших поставках нефтепродуктов, азотных удобрений, стали, чугуна, хлопковолокна. Надежды на обеспечение устойчивого экономического роста и избавление в будущем от такой зависимости вьетнамская сторона связывала со строительством при финансово-техническом содействии Советского Союза металлургического комбината, машиностроительного завода, ГРЭС, с форсированием разведки и добычи нефти и газа на континентальном шельфе Юга Вьетнама и в заливе Бакбо на Севере страны.

В ответ на обращение вьетнамской стороны 26 октября — 4 ноября 1983 года во Вьетнам была направлена крупная правительственная делегация во главе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г.А. Алиевым, в которую входил секретарь ЦК КПСС, заведующий его Экономическим отделом Н.И. Рыжков.

Основное место на переговорах (с вьетнамской стороны их вел премьер-министр Фам Ван Донг), как и планировалось,

заявляли вопросы оказания Вьетнаму экономической помощи. Их итоги были закреплены подписанием 31 октября Долгосрочной программы экономического и научно-технического сотрудничества, что в тех условиях имело для вьетнамской стороны жизненно важное значение.

Мне хорошо запомнилось сказанное Фам Ван Донгом в ходе переговоров в Ханое о значении для Вьетнама помощи Советского Союза. «Ваша помощь и поддержка дает нам то, что мы не могли и не в состоянии получить ни от кого. Прочность позиций Вьетнама, как Лаоса и Кампучии, определяется тем, что на нашей стороне стоит Советский Союз. Это исключительно важный фактор».

Об этом нам не раз доводилось слышать в беседах от руководителей предприятий и рабочих во время поездок делегации по различным провинциям страны, посещения построенных или строящихся при содействии Советского Союза объектов. В провинции Хоабинь делегация посетила строительство крупнейшего тогда в Юго-Восточной Азии гидроэнергетического комплекса, присутствовала при пуске в эксплуатацию первого энергоблока ТЭЦ Фалай, сооружаемой при нашем содействии. Мы побывали на цементном заводе в Бимшоне, на прокатно-металлургическом заводе в Бьенхоа, текстильном комбинате «Вьетханг» и судовой верфи «Бишон» в городе Хошимине и на совместном предприятии по добыче нефти и газа «Вьетсовпетро» в городе Вунгтау, где ознакомились с ходом подготовительных работ по освоению нефтегазового месторождения морского шельфа Юга Вьетнама.

В ходе бесед и переговоров с вьетнамской стороны неизменно подчеркивалось, что обращаясь к Советскому Союзу с просьбами об оказании дополнительной технико-экономической и другой помощи, она отдает себе отчет в трудностях, переживаемых советской экономикой.

В этом контексте вспоминается обмен иносказательными репликами между главами наших делегаций на упомянутых переговорах в Ханое. Выражая благодарность Советскому Союзу за оказанную Вьетнаму помощь, премьер-министр Фам Ван Донг привел известную вьетнамскую поговорку:

«Когда пьешь воду, помни об источнике», добавив, что эту мудрость никогда не надо забывать и что «такой источник должен быть только для друзей, которые бы из него пили». «Мы растем и поэтому пьем воды больше», — подчеркнул премьер-министр. Реагируя на эти слова, Г. Алиев заметил, что «чем больше ручей, тем источник сильнее. Если все будут пить из одного источника, то он скоро иссякнет». Фам Ван Донг заключил этот обмен репликами словами: «Мы за то, чтобы этот источник давал холодную и вкусную воду. Мы будем этого достойны».

По возвращении в Москву итоги состоявшихся в Ханое переговоров стали предметом многократных обсуждений с участием сопровождавших делегацию советников. Входя в группу по подготовке итоговой записки в ЦК КПСС, мне довелось на протяжении недели приезжать каждое утро как на работу в Кремль. Собираясь в большой комнате рядом с рабочим кабинетом Г. Алиева, мы готовили и отправляли ему на просмотр очередные варианты записки, которые по несколько раз в день возвращались к нам назад, основательно правленные им собственноручно.

О ЧЕМ СПРОСИЛ МЕНЯ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

Поездка во Вьетнам с правительственной делегацией во главе с Г. Алиевым запомнилась мне и кратким общением с премьер-министром Вьетнама Фам Ван Донгом, выдающимся государственным деятелем и дипломатом.

По окончании первого дня переговоров, проходивших в президентском дворце, когда мы уже начали расходиться, Фам Ван Донг проходя мимо меня, вдруг остановился (еще в начале 60-х, когда я работал в представительстве ГКЭС и позднее — в посольстве в Ханое, мне не раз доводилось переводить его беседы, а теперь спустя двадцать лет премьер-

министр увидел меня в новом качестве за столом переговоров) и неожиданно спросил:

«Ну что, донгти (товарищ) Зайцеп, — (окончание «-ев» в конце слога с высоким тоном затруднительно для произношения вьетнамцами), — Вы теперь хорошо знаете и понимаете Вьетнам?»

«Знаю только, товарищ премьер-министр, — не ожидая такого вопроса, ответил я, — что знаю еще недостаточно».

«А! Значит Вы уже немало знаете и понимаете», — с улыбкой отозвался Фам Ван Донг.

Эти слова, оброненные мимоходом премьер-министром и истолкованные мною тогда скорее как поощрение или аванс на будущее, я не раз вспоминал впоследствии, когда занимаясь в МИДе вопросами отношений с Вьетнамом пытался постичь особенности его современной внешней политики, выводя их из опыта многовековой истории этой древней страны.

ЛОКОМОТИВ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

29 августа 1985 года я снова улетел в Ханой с правительственной делегацией, приглашенной на празднование 40-й годовщины провозглашения независимости Вьетнама.

Накануне отъезда назначенный главой делегации Председатель Совета Министров РСФСР В.И. Воротников пригласил делегацию в свой кабинет в «Дом правительства». Проводя нас по анфиладе просторных представительских помещений, он сетовал на неудачное решение высокой комиссии, в последний момент «срезавшей» верхние этажи здания, чтобы оно не «застилало» Кремль и тем самым испортившей, по его мнению, более удачный первоначальный архитектурный проект нынешнего «Белого Дома».

После посещения Ханоя, где была принята Первым секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном, наша делегация возложила

венки к мавзолею Хо Ши Мина и участвовала в закладке музея его имени, присутствовала на параде и демонстрации на площади Бадинь. Делегация участвовала в церемонии открытия рабочего движения между северным и южным берегами Красной реки через мост Тханлонг, уникального двухъярусного сооружения длиной 5,5 км, безвозмездный дар вьетнамскому народу от советского народа, и присутствовала при сдаче в эксплуатацию построенного при техническом содействии Советского Союза домостроительного комбината Суангмай. Затем мы вылетели в город Хошимин, побывали на строительстве ГЭС Чан и других строящихся при техническом содействии нашей страны объектов.

Особенно памятным для нас стало посещение СП «Вьетсовпетро», на котором интернациональный коллектив советских и вьетнамских нефтяников вел интенсивную работу по геологической разведке и подготовке к добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга Вьетнама с использованием стационарных платформ для бурения скважин. В тот мой второй приезд в Вунгтау 3 сентября 1985 года делегация присутствовала при спуске на воду собранной совместными усилиями инженеров и рабочих двух стран первой морской стационарной нефтяной платформы. Это событие было приурочено к 40-й годовщине провозглашения независимости Вьетнама и 10-летию полного освобождения страны. Успехи коллектива СП «Вьетсовпетро» в деле разведки морских нефтяных промыслов были отмечены орденом «Труда» I степени, который был торжественно вручен в нашем присутствии.

На пути становления первого во Вьетнаме предприятия по нефтегазодобыче пришлось пройти через немалые трудности, о чем рассказывали нам советские и вьетнамские инженеры и рабочие. Бурение на глубоководном континентальном шельфе для наших специалистов, в большинстве своем приехавших из Баку азербайджанцев, привыкших к работе в условиях мелководного Каспия, было тогда еще в новинку, да и советские предприятия выполняли взятые на себя обязательства по поставкам оборудования для нефтеразведочных работ нередко с задержками.

Теперь, наверное, немногие помнят, обоснованно гордясь этим образцовым предприятием и приводя его в пример другим объектам двустороннего сотрудничества, в каких непростых условиях в первые годы после его создания в июне 1981 года закладывалась основа новой перспективной отрасли вьетнамской экономики — нефтегазовой индустрии.

НА БАЗЕ ВМФ СССР В ЗАЛИВЕ КАМРАНЬ

Летом 1984 года в рамках заключавшихся в те годы планов межмидовских обменов совершил с женой поездку во Вьетнам и НРК.

Начав поездку с Ханоя, мы побывали в Дананге, Нячанге, Далате (там мы остановились в большом номере сохранившей следы прежней роскоши гостиницы с кроватью циклопических размеров, специально изготовленной в давние времена к приезду Ш. де Голля) и городе Хошимине, осмотрели многие исторические достопримечательности Севера, Центра и Юга страны.

В Ханое вместе с посольской «Волгой» погрузились в военно-транспортный самолет АН-12, совершавший челночные рейсы между вьетнамской столицей и городом Хошимин с промежуточной посадкой в Дананге и на аэродроме базы ВМФ СССР в Камрани (до закрытия в 2002 году она стала официально именоваться 922-м ПМТО — пунктом материально-технического обеспечения Тихоокеанского Флота России). Расположенные там в тот период морской порт и аэродром использовались нашими ВМС и ВВС для ремонта военно-морских судов и заправки военных разведывательных самолетов, для которых это была единственная во всем регионе возможность.

До сих пор стоит перед глазами яркая контрастная картина приземления на аэродроме базы. Когда густую зелень тропического леса под самолетом внезапно сменила взлет-

но-посадочная полоса аэродрома и первый, кого я увидел после нескольких предыдущих дней общения с вьетнамцами, был молодцеватого вида русский парень — регулировщик в щегольской тропической форме ВМС — голубых пилотке, рубашке с короткими рукавами и шортах.

По пути в штаб командующего базой встречные с любопытством поглядывали на сидящую в автомашине женщину, в отношении посещения которыми базы существовал строгий запрет. (Перед отлетом из Ханоя, чтобы не разлучать нашу семейную пару, поскольку мы направлялись вместе дальше на Юг по запланированному маршруту, наше посольство связалось по телефону со штабом Главнокомандующего ВМФ Тихоокеанского Флота во Владивостоке, где единственно могли дать разрешение на посещение базы особой женского пола. Правда, как мы узнали потом, такой прецедент уже был: разрешение побывать на базе получила Эмилия Громыко–Пирадова, дочь нашего министра, посетившая Вьетнам годом раньше.)

В кабинете командующего базой, сразу расположившего нас к себе интеллигентного петербуржца, был накрыт стол. Его украшением был еще горячий душистый черный хлеб собственной выпечки, который торжественно внес капитан третьего ранга — заведующий столовой. Предупрежденный заранее о другом табу на базе, я долго мямля, не зная как передать командующему припасенную «Столичную», которую старательно замаскировал. И только когда нас ненадолго оставили втроем, протянул ему сверток, который он, поблагодарив кивком, тут же задвинул в стол.

Из расположения базы, направляясь в город Нячанг, мы выехали на посольской «Волге», преодолев двойное оцепление, внутреннее из наших военных (местные туда не допускались) и внешнюю охрану из вьетнамских солдат.

Ныне бывший аэродром военно-морской базы, на котором мы тогда приземлились, после реконструкции превращен в гражданский аэродром «Камрань». На его территории 10 декабря 2009 года был открыт мемориальный комплекс «в память о советских/российских и вьетнамских военно-

служащих, отдавших жизнь за мир и стабильность в регионе». На мемориальной доске обелиска выгравированы имена 44 советских и 176 вьетнамских военнослужащих, погибших во время выполнения своего долга на военной базе Камрань и в центральной части Вьетнама. Финансовую поддержку в сооружении мемориального комплекса оказало СП «Вьетсовпетро», выделившее на эти цели 18 млрд донгов.

НА ПОРОГЕ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Весной 1985 года по возвращении из стран Индокитая, где проводились ежегодные межмидовские консультации, я тут же включился в подготовку официального визита партийно-правительственной делегации СРВ во главе с генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном.

Ле Зуан был первым зарубежным лидером, которого принял в Кремле М.С. Горбачев в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС. 28 июня там состоялись переговоры с вьетнамской делегацией. Они запомнились мне еще и тем, что в них последний раз в качестве министра иностранных дел и за два дня до ухода с этого поста принимал участие А.А. Громыко.

Сидя неподалеку за спиной М.С. Горбачева (нам с вьетнамским коллегой было поручено вести запись переговоров), я наблюдал, как он, слушая собеседников, делал пометки на полях приготовленных для него материалов.

Советско-вьетнамские переговоры, как неоднократно подчеркивалось с обеих сторон, проходили с характерной для наших взаимоотношений с вьетнамскими друзьями «высокой степенью доверия». Изложение с обеих сторон оценок ситуации в мире, ЮВА и АТР в целом, завершились, как обычно, констатацией их полного совпадения. «Я знаю, что у нас с Вами, — подчеркнул Ле Зуан, обращаясь к сидевшим напротив за столом переговоров М.С. Горбачеву и

А.А. Громыко, — одинаковые подходы. Мы всегда верили в СССР».

По завершении переговоров на приеме в Кремле М.С. Горбачев в своей речи заверил гостей, что «вьетнамские коммунисты, все трудящиеся СРВ могут быть твердо уверены, — дело социалистического строительства на вьетнамской земле, дело свободы и независимости Вьетнама будет и впредь иметь прочную опору в нашей солидарности».

Получив от нового первого лица в партии и государстве заверения, что Советский Союз «и в будущем, как всегда, будет проявлять солидарность с Вьетнамом и *в силу наших возможностей* стремиться оказывать ему реальную поддержку», вьетнамская делегация, за исключением ее главы, который остался у нас на отдых и лечение, покинула Москву.

Тогда еще ничего, кроме разве что более осторожной реакции с нашей стороны на новые просьбы об оказании экономической помощи, не предвещало грядущих перемен. К практической реализации «политики нового мышления», приведшей вскоре к кардинальным сдвигам во внешней политике Советского Союза, «адекватным ее новым стратегическим целям», заявленным М.С. Горбачевым на апрельском (1985) пленуме ЦК КПСС, еще не приступили.

НА ПРЕЖНИХ ПОЗИЦИЯХ

В мае 1986 года в госдепе США были проведены плановые консультации по проблемам Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Первая часть вопросов повестки дня была за мной, вторая — за заведующим 1 ДВО И.А. Рогачевым, с которым мы вместе отправились в Вашингтон.

Как показали проведенные в рамках консультаций беседы, в том, что касалось региона ЮВА, американскую сторону интересовала прежде всего наша позиция по кампучийскому урегулированию. Судя по характеру и направленности

«уточняющих» вопросов американских коллег, как в ходе консультаций, так и во время ленча, устроенного там же в здании госдепа, их в первую очередь интересовало, не намечаются ли подвижки в нашей позиции по кампучийской и другим проблемам в ЮВА в свете продекларированной советским руководством «новой внешнеполитической стратегии». Вопреки их ожиданиям, следуя имеющимся указаниям, мы изложили принципиальную позицию СССР по обсуждаемому кругу вопросов.

Ничего нового не услышали мы и с американской стороны. В их анализе состояния и перспектив развития обстановки в ЮВА и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе сквозили настороженность по поводу «наращивания советской военной мощи» в АТР, опасения его постепенной трансформации в укрепление политических позиций Советского Союза в регионе. Пришлось выслушать и привычные сентенции, вроде необходимости скорейшего вывода вьетнамских войск из НРК как главного предварительного условия для кампучийского урегулирования, и неоднократные упоминания ключевой роли, которую мог бы сыграть в этом процессе Советский Союз, окажи он должное воздействие на неуступчивую, по их утверждению, позицию Вьетнама и прекратив ему военные поставки и другую помощь. Подобные «советы», хотя и высказанные по большей части в обтекаемых выражениях, вызвали с нашей стороны и участвовавшего в беседах советника-посланника посольства СССР в Вашингтоне О.М. Соколова дружную отповедь в духе нашей принципиальной позиции.

В той же тональности проходила наша беседа с помощником госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Г. Сигуром на приеме в посольстве СССР, куда по окончании консультаций (сам он в них не участвовал) нас пригласил недавно назначенный послом в Вашингтоне Ю.В. Дубинин. Это был первый прием, устроенный им в новом качестве после перевода из Нью-Йорка, где он недолго возглавлял постпредство СССР при ООН.

НА РОДИНЕ ДОЛИНЫ КУВШИНОВ

Много раз я испытал на себе, как поднимает настроение неповторимое звучание этого древнего лаосского национального духового инструмента. Изготовленный из разновеликих бамбуковых трубочек, кхен очень смахивает на миниатюрный орган. И сейчас под настроение, сдунув пыль с патрубков и заглянув в шпаргалку с проставленными против боковых отверстий цифрами, подсказывающую в какой последовательности надо закрывать их пальцами, я вывожу единственную разученную мною лаосскую народную песню, а потом пытаюсь «импровизировать».

Этот инструмент — подарок лаосского посла. Помню, как перед своим окончательным отъездом из Москвы он пришел в отдел с прощальным визитом, держа под мышкой большой сверток. И там же в моем рабочем кабинете продемонстрировал своеобычное звучание незнакомого мне тогда инструмента, проиграв на нем несколько мелодий, и помог мне разучить одну из них.

При духоподъемных звуках кхена — остаюсь к ним и поныне неравнодушным — оживает в моей памяти и возникает перед глазами Вьентьян и другие места в Лаосе, где мне довелось побывать, знакомые лица лаосских друзей и коллег, события, участником или свидетелем которых мне довелось быть за минувшие полвека.

За этот незначительный по историческим меркам отрезок времени, едва прикоснувшись к жизни этой древней страны в один из трудных периодов ее истории, не перестаю восхищаться необыкновенной волей и упорством народа Лаоса, сумевшего преодолеть выпавшие на его долю, не в последнюю очередь в силу географического местоположения, тяжелые испытания, сохранив при этом свои неповторимые национальные черты, достоинство, самоуважение и мудрое рассудительное спокойствие.

Еще в 1962–64 годах, когда я работал в Ханое в представительстве ГКЭС, у меня завязались дружественные контакты

с сотрудниками посольства Королевства Лаоса. Это было вскоре после подписания Женевских соглашений по Лаосу и создания нового коалиционного правительства. С одним из них, советником посольства Кхамфай Буфой мне довелось встретиться через двадцать лет, когда он принимал меня во Вьентьяне уже в должности первого заместителя министра иностранных дел ЛНДР.

Когда в 1964 году возобновились военные действия и начались первые воздушные удары по Лаосу американских ВВС, от лаосских дипломатов и наших журналистов, посещавших освобожденные районы, мы узнавали о последних событиях в этой соседней стране, следили за ходом наступления сил Патет Лао в центральной части страны в ставшей с тех пор всемирно известной долине Кувшинов.

Большое впечатление у меня осталось от общения в Москве с одним из руководителей Лаосской Народно-Революционной партии Фуми Вонгвичитом, впоследствии заместителем председателя Совета Министров и и. о. президента страны, а также членами делегации НРПЛ, с которой я работал переводчиком на XXIII съезде КПСС в апреле 1966 года.

В годы моей работы в посольстве СССР в ДРВ, когда Вьетнам и Лаос подверглись агрессии со стороны США, наше общение и контакты с дипломатами лаосского посольства стали еще теснее.

Первые месяцы 1983 года, когда я бал назначен в ОЮВА, пришлось на обострение напряженности на ее границе с Таиландом. (В январе 1983 года тайландские патрульные катера обстреляли территорию Лаоса.)

Советский Союз поддерживал предпринимаемые Лаосом усилия, направленные на урегулирование мирными средствами проблем в лаосско-тайландских отношениях, его инициативы о возобновлении в этих целях двусторонних переговоров с Таиландом, которые в очередной раз были отвергнуты Бангкоком.

В тот период заметно повысились интенсивность и уровень наших двусторонних политических контактов с Лаосом на высшем и высоком уровне. Регулярный характер приобре-

ли консультации и обмен опытом между отделами МИДов наших стран. Только в 1984 году в Москве дважды проводились консультации на уровне заместителей министра, в Лаос выезжали представители различных подразделений нашего министерства.

Приоритетное внимание в наших двусторонних отношениях уделялось вопросам технико-экономического сотрудничества. Выполняя задания первого пятилетнего плана, Лаос испытывал проблемы со снабжением населения продовольствием, нуждался в поставках сырья и многих материалов. Эти вопросы постоянно находились в центре внимания советско-лаосских переговоров, в том числе во время визитов в Москву Генерального секретаря НРПЛ, Председателя Совета Министров ЛНДР Кейсона Фомвихана, предметно обсуждались между руководителями Госплана двух стран, которые обменялись визитами, и на VII заседании Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Мои многократные поездки во Вьентьян для проведения консультаций в МИД Лаоса и в составе различных делегаций запомнились мне деловым настроением, заботливым отношением к нам со стороны протокольных работников и других коллег из лаосского внешнеполитического ведомства и особенно дружеским расположением со стороны заведующего отделом СССР и социалистических стран Пхонгсавата Буфы.

Глубокое впечатление оставило посещение памятников древней архитектуры во Вьентьяне и рядом с ним (посещение и осмотр архитектурных шедевров Луангпхабанга и Саваннакхета, которое в то время было сопряжено с большими трудностями для хозяев, а в марте 2011 года я был в лаосской столице только пролетом в аэропорту, так и осталось моей неосуществленной мечтой).

Величественная ступа Тхат-Луанг, буддистские храмы и другие памятники древней культуры. Несмотря на то, что тогда их еще не коснулись руки реставраторов, они сохранили свой неповторимый колорит. Запомнились поездки в парк со множеством изящных скульптур неподалеку от столицы

и на остров на озере Нам Нгум с дружеским общением и исполнением вместе народного танца ламвонг, без которого в Лаосе не обходится ни одно застолье, прогулка на катере под охраной (постоянно постреливали с тайского берега) по реке Меконг.

КРОВАВЫЕ СЛЕДЫ ПОЛПОТОВСКОГО РЕЖИМА

Облик столицы Камбоджи мая 1983 года, когда я первый раз прилетел в Пномпень, мало напоминал почти сказочные картинки красочного журнала, издаваемого под редакцией самого короля в 60-е годы. За исключением разве что величественного президентского дворцового комплекса, не столь яркого с фасада как во время моего последнего его посещения в марте 2011 года, но со следами большой запущенности во внутренних залах.

Переживаемые страной проблемы, знакомство с которыми я прежде черпал в основном из документов и бесед, предстали передо мной воочию во всей их не приглаженной реальности. Страна остро нуждалась в продовольствии, прежде всего зерна, и товарах первой необходимости. Не менее остро стояла проблема беженцев, в переполненных лагерях в районе тайско-камбоджийской границы находилось свыше 200 тыс. людей.

По обилию на улицах вооруженных людей чувствовалось дыхание войны. Минуло больше четырех лет после свержения режима Пол Пота — Йенг Сари, но в приграничных с Таиландом районах не прекращались вооруженные столкновения с остатками банд «красных кхмеров». Об оставленных свергнутым режимом кровавых следах напоминали многочисленные свидетельства его преступлений против собственного народа, собранные в музее геноцида в Пномпене и других местах, где мне довелось побывать.

О бесчинствах полпотовских банд напоминали и изрешеченные пулями стены и обезображенные фрески уникального комплекса древней кхмерской архитектуры — символа Камбоджи Ангкор Ват. На его территории они устраивали себе пристанище, пока не были оттеснены к тайской границе. Район вокруг комплекса оставался беспокойным и во время моего посещения храма вместе с сотрудниками МИД НРК: по периметру он был частично оцеплен воинской частью и во время осмотра комплекса за нами неотступно следовала вооруженная охрана.

Надо отметить, что уже в 1983 году, вскоре после освобождения от полпотовских банд прилегающих к комплексу Ангкор Ват районов, правительство НРК, несмотря на обилие насущных проблем, развернуло широкую международную кампанию за спасение этого уникального комплекса с привлечением других стран и ЮНЕСКО. Первыми на этот призыв откликнулись тогда в Японии, Австралии и Франции. СССР оказал помощь в подготовке специалистов в области реставрации памятников древней культуры.

Советский Союз предоставлял значительную разностороннюю помощь Кампучии в проведении социально-экономических преобразований и борьбе с полпотовскими бандами, оказывал политико-дипломатическую поддержку практическим шагам правительства НРК по расширению ее международного признания, в том числе обеспечению законного представительства Кампучии в ООН.

Срочные продовольственные и другие поставки Кампучии осуществлялись Советским Союзом на основе безвозмездной помощи и беспроцентных кредитов. Важным шагом в развитии двусторонних экономических связей стало проведение первого заседания Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и визит в Пномпень правительственной делегации во главе с заместителем председателя Совета Министров СССР Н.В. Талызиным.

Что касается гуманитарной помощи со стороны ряда западных стран-доноров (была даже учреждена должность

спецпредставителя генсекретаря ООН, который неоднократно навещался в Москву), то она носила ограниченный характер, при том, что подавляющая ее часть направлялась в Таиланд.

В 1983–1984 годах, когда кампучийское руководство активизировало свою деятельность в целях расширения международного признания НРК, частым гостем в Москве с официальными и рабочими визитами и проездом по пути в африканские и другие страны и обратно, был заместитель председателя Совета Министров НРК, министр иностранных дел НРК Хун Сен. На протяжении ряда лет, начиная с сентября 1983 года, когда он, возвращаясь в Пномпень из Гвинеи и Мали, остановился с рабочим визитом в Москве, мне довелось неоднократно присутствовать на его беседах и переговорах с советскими представителями разного уровня, сопровождать на различные культурные и спортивные мероприятия. После утиной охоты на подмосковной базе в Завидово он стал называть меня по имени.

В октябре 1984 года с официальным визитом в Советский Союз прилетал Председатель Совета Министров НРК Чан Си, которого я сопровождал в поездке в Таджикистан. Пребыванием в Москве он тогда, будучи серьезно больным, воспользовался для консультаций у наших врачей. В конце того же года его в тяжелом состоянии привезли в Москву, где в конце декабря он скончался. В составе нашей правительственной делегации я сопровождал гроб с его телом в Пномпень.

Запомнилось краткое общение с Хун Сеном, и. о. главы правительства, министром иностранных дел, ныне премьер-министром Королевства Камбоджи, который встретил нас в ханойском аэропорту и проводил в стоявший рядом правительственный ТУ-134 с кампучийским гербом на фюзеляже. Нас торопили, объяснив, что на аэродром Пномпеня, не оборудованный для приема самолетов в темное время суток, надо успеть сесть засветло. Как только взлетели, ко мне неожиданно подошел Хун Сен. «Анатолий, — сообщил он, — в спешке, торопясь с пересадкой, не успели перегрузить багаж. Ваш чемодан доставят ближайшим рейсом завтра вечером».

Новость эта была не из приятных: в чемодане остался мой черный костюм и сорочки, необходимые к завтрашней траурной церемонии. «Не стоит огорчаться», — добавил министр, — в гостинице Вас ожидает портной, который снимет мерки и к завтрашнему утру все будет готово». (В нашем посольстве, куда я сразу обратился по прилете, нашелся сотрудник моих габаритов, и от предложения министра я вежливо отказался.) Состоявшаяся на следующее утро на стадионе при большом скоплении людей церемония похорон (по буддистскому ритуалу с сожжением покойного) оставила сильное впечатление.

Через два месяца я снова отправился в камбоджийскую столицу для проведения ежегодных политических консультаций в МИД НРК, по завершении которых был принят Хун Сен, теперь уже в должности Председателя Совета Министров и министра иностранных дел НРК. На обратном пути в Ханое из полученной нашим посольством телеграммы я узнал о состоявшемся мартовском Пленуме ЦК партии и об избрании Генеральным секретарем партии М.С. Горбачева. Увидеть его мне довелось в июне в Кремле на переговорах с правительственной делегацией СРВ во главе с генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном.

НАЛАЖИВАЯ ДИАЛОГ СО СТРАНАМИ АСЕАН

На рубеже 80-х годов наши двусторонние отношения с тремя странами АСЕАН, курируемыми в тот период Отделом Юго-Восточной Азии МИД (Таиландом, Малайзией и Сингапуром), продолжали топтаться на месте.

Проводя линию на сдерживание развития отношений с СССР, в первую очередь в политической области, асеановские представители в контактах с нами продолжали увязывать перспективы их улучшения с отказом Советского Союза от курса на оказание помощи Вьетнаму и другим странам Индокитая.

Оставались на низком уровне двусторонние торгово-экономические связи. Проявляемая руководством стран АСЕАН повышенная осторожность при осуществлении даже малых шагов в направлении расширения торгово-экономических связей с Советским Союзом в значительной степени объяснялась необходимостью учитывать реакцию Запада, зависимость от которого оставалась высокой. Удельный вес всех стран АСЕАН во внешнеторговом обороте СССР составлял 0,3%, а наша доля в суммарном внешнеторговом обороте государств Ассоциации — на уровне 0,5%.

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА. ИНЦИДЕНТ С ЮЖНОКОРЕЙСКИМ БОИНГОМ

В условиях, когда страны АСЕАН, не отвечая на инициативы с нашей стороны, неохотно шли на диалог с Советским Союзом на политическом уровне, контакты с их представителями проходили в основном «на полях» международных форумов. В феврале 1983 года назначение заместителя министра М.С. Капицы главой делегации СССР на ежегодной сессии ЭКАДВ, проходившей в штаб-квартире этой организации, облегчило организацию его встреч с руководством МИД Таиланда и Малайзии, куда он совершил краткую поездку из Бангкока.

Не удовлетворяясь спорадическими контактами, определенные надежды мы возлагали на налаживание такой формы поддержания регулярного диалога как ежегодные двусторонние политические консультации по линии МИДов, сформулировав их тематику таким образом, чтобы поставив на первое место вопросы повестки дня очередной сессии Генассамблеи ООН, сделать наше предложение более приемлемым для асеановских коллег.

Получив согласие из трех асеановских столиц (в последние годы удалось закрепить эти договоренности подпи-

санием соответствующих протоколов), я стал готовиться к консультациям, получив визы и согласовав маршрут и даты поездки, которую планировал начать 2 сентября с Сингапура. Однако неожиданное происшествие в самый канун отлета нарушило эти планы, отодвинув их осуществление на целый год.

Поздно вечером 1 сентября 1983 года мне позвонили из МИДа и сообщили, что со мной по телефону хочет срочно связаться сингапурский посол. «В связи с известными событиями, — сообщил он, — МИД Сингапура просит отложить Ваш визит на другое, более позднее время». (В тех же выражениях на следующий день мне сообщили об отсрочке консультаций тайский и малазийский послы.)

Ситуация прояснилась только через день, 3 сентября, когда было опубликовано сообщение ТАСС о том, что 1 сентября в воздушном пространстве СССР истребителем-перехватчиком над островом Сахалин был сбит Боинг 747 южнокорейской авиакомпании Korean Air с 246 пассажирами и 23 членами экипажа, выполнявший рейс Нью-Йорк-Сеул и отклонившийся от курса на 500 километров. Этот спровоцированный, как было доказательно подтверждено впоследствии, инцидент (среди погибших пассажиров оказались граждане Сингапура и других стран АСЕАН) еще долго муссировался СМИ асеановских стран, что подстегнуло новый виток «холодной войны» и надолго расстроило практическое осуществление ранее согласованных планов.

Отложенные двусторонние политические консультации в Бангкоке, Сингапуре и Малайзии состоялись только через год в августе 1984 года и с тех пор проводились ежегодно.

В МИД трех асеановских столиц они проходили по схожему сценарию. В консультациях участвовали директора департаментов, каждый отдельно по своим вопросам, в заключение меня принимал зам. министра (зам. постоянного секретаря), с которым была возможность провести беседы еще дважды: на приеме от его имени и на ответном — в нашем посольстве.

Учитывая редкие визиты в то время в асеановские столицы официальных представителей из Москвы, меня, начиная

с интервью по прилете в аэропорту, не оставляли без внимания журналисты, из местных СМИ и иностранные. К концу консультаций набиралась солидная стопка газетных статей, в комментариях которых предпочтение, как обычно, отдавалось региональной тематике, в особенности вопросам, связанным с урегулированием кампучийской проблемы.

В ходе двусторонних межмидовских консультаций асеановские собеседники внимательно прислушивались к нашей аргументации «за» или «против» тех или иных проектов резолюций, вносимых на рассмотрение предстоящей сессии Генассамблеи ООН. В то же время они сдержанно реагировали на обращения поддержать наши проекты резолюций, ограничиваясь трафаретными обещаниями их внимательно изучить. (Результаты такого «внимательного рассмотрения» были хорошо видны из сводных таблиц результатов голосования делегаций на сессиях ГА ООН, которые редко отличались от голосования США и их союзников, не считая отдельных случаев, когда делегации стран АСЕАН солидарно воздерживались при голосовании.

Из обсуждения вопросов повестки дня предстоящей сессии Генассамблеи ООН можно было заключить, что по ряду проблем, включая запрещение ядерных испытаний и химического оружия, поддержку создания в Индийском океане зоны мира и безъядерных зон в различных районах мира, подходы к урегулированию на Ближнем Востоке и на Юге Африки, повышение эффективности деятельности ООН в вопросах обеспечения международного мира и безопасности и некоторым другим, позиции наших стран были близки или совпадали. Вместе с тем консультации показали, что между нами сохраняются расхождения по вопросам, относящимся к Кампучии, Афганистану и Договору об Антарктиде (последнее относилось в первую очередь к позиции Малайзии).

В ходе обсуждения вопросов двусторонних отношений собеседники положительно воспринимали выраженную с нашей стороны готовность, подкрепленную конкретными шагами, к развитию двухстороннего сотрудничества. Однако

продолжали придерживаться пассивной позиции в отношении реализации достигнутых ранее договоренностей. Так, малайзийская сторона по-прежнему затягивала выполнение договоренностей 1979 года, в том числе об обмене группами экспертов для определения перспектив в области расширения торгово-экономического сотрудничества, о заключении соглашения об освобождении от двойного налогообложения и консульской конвенции, а также для рассмотрения годового плана культурных обменов.

Все же общая картина начала, хотя и медленно, меняться к лучшему. В 1984 году премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад неожиданно выступил с инициативой закупок у нас партии вертолетов большой грузоподъемности, проявив особый интерес к МИ-26, и направил в Москву в конце ноября того же года с этой целью делегацию во главе с и. о. командующего ВВС. В том же году в Москве побывал декан исторического факультета Университета Малайя, а в Куала-Лумпуре — делегация наших ученых, был положительно решен вопрос об открытии в малайзийской столице представительства Минморфлота СССР.

На первых межмидовских консультациях с моим участием в 1984 году и в последующие годы в центре внимания асеановских собеседников продолжала оставаться кампучийская проблема. (Не признавая вслед за странами Индокитая наличие кампучийской проблемы, практически до середины 80-х годов в наших официальных документах обходили ее упоминание, используя вместо этого «относящиеся к Кампучии вопросы» или «обстановка вокруг Кампучии» и другие формулировки.)

Несмотря на отдельные расхождения, в основном тактического характера, страны АСЕАН придерживались по кампучийскому вопросу в целом согласованной позиции. Оставаясь жесткой, она в значительной мере определялась, особенно в начале 80-х годов, «прифронтовым» Таиландом, наиболее активно поддерживаемым Сингапуром. Делая основную ставку на силовой нажим на Вьетнам и НРК, Бангкок блокировал попытки умеренного крыла АСЕАН наладить

диалог со странами Индокитая в целях кампучийского урегулирования. Выдвинутое в июле 1984 года странами АСЕАН первоначальное предложение о «национальном примирении», хотя и отвергнутое НРК, категорически выступавшей тогда против возвращения в какой-либо форме во власть полпотовцев, было истолковано некоторыми наблюдателями как еще одна попытка «нащупать» будущую общеприемлемую формулу кампучийского урегулирования. В том же году в ходе работы 39-й сессии Генассамблеи ООН представитель Малайзии инициировал встречу с министром иностранных дел СРВ. Годом позже Малайзией была выдвинута идея проведения «непрямых переговоров» по Кампучии.

Индонезия, как самая крупная и влиятельная страна-член АСЕАН, не желая упускать инициативу в кампучийском урегулировании и в то же время действуя в рамках общесеановского подхода, добилась права на проведение диалога от имени АСЕАН с Вьетнамом, первой из стран-членов Ассоциации предприняв шаги в направлении улучшения отношений с СРВ. Ханой навестил главком ВС Индонезии, Джакарту — министр обороны СРВ.

Как новое подтверждение инициативной линии Джакарты был воспринят у нас визит в Москву весной 1984 года министра иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджи. На фоне неутихающей конфронтационной ситуации в ЮВА визит в Советский Союз представителя крупнейшей страны АСЕАН был расценен нами как важное политическое событие. Переговоры индонезийского министра с А.А. Громыко, на которых я присутствовал, выявили — при всех остающихся расхождениях в подходах к проблемам региона ЮВА — наличие совпадающих моментов в позициях наших стран по целому ряду важнейших международных проблем, и в том, что касается будущего развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества, и в других областях.

**КОМПЛЕКСНЫЙ
ПОДХОД
К ПРОБЛЕМАМ
БЕЗОПАСНОСТИ
В АТР**

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

Владивостокская программа

В роли спецпосланника во дворце Малакананг
«Советское наступление на Юго-Восточную Азию
и Тихоокеанский регион»

«Афганский ключ» для кампучийского
урегулирования

Развивая двусторонние связи со странами АСЕАН
Зачем прилетал в Москву министр иностранных дел
Таиланда

Экономические приоритеты Малайзии

Ответные шаги Филиппин

За полномасштабный диалог с Ассоциацией

ВЛАДИВОСТОКСКАЯ ПРОГРАММА

Реализация комплексных инициатив по проблемам безопасности в АТР, изложенных 28 июля 1986 года М.С. Горбачевым в речи во Владивостоке, позднее дополненных и конкретизированных во время его пребывания в Индии, в ответах на вопросы корреспондента индонезийской газеты «Мердека» 23 июля 1987 года и выступлении в Красноярске в сентябре 1988 года, на годы вперед стали для Отдела Юго-Восточной Азии, как и многих других подразделений МИД и его загранучреждений, прежде всего в странах АТР, приоритетным направлением работы.

Озвученная М.С. Горбачевым программа, практическое воплощение в жизнь которой подразумевало урегулирование всех существующих в АТР спорных проблем и конфликтов мирными политическими средствами, наращивание и нераспространение ядерного оружия, снижение активности на Тихом океане военных флотов, сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, создание в АТР атмосферы взаимного доверия и установления широкого взаимовыгодного сотрудничества между всеми расположенными там странами, привлекла широкое внимание политических кругов в странах ЮВА.

За заявленным во Владивостоке стремлением добиваться урегулирования в Камбодже, упоминанием в увязке с этим важности нормализации вьетнамо-китайских отношений (их неурегулированность, как подчеркивалось в речи, продолжает тормозить, наряду с другими препятствиями, процесс нормализации наших отношений с Китаем), за высказыванием в пользу развития политических и экономических связей со странами АСЕАН политические аналитики в странах Ассоциации пытались в первую очередь разглядеть признаки грядущих конкретных изменений в советской позиции по самым злободневным проблемам своего региона, прежде всего кампучийского урегулирования.

В РОЛИ СПЕЦПОСЛАНИКА ВО ДВОРЦЕ МАЛАКАНАНГ

Первыми на советские инициативы отреагировали страны Индокитая, подтвердив на проведенной в августе конференции трех министров иностранных дел, что вьетнамские добровольческие воинские части будут выведены из Кампучии до 1990 года.

Вместе с тем молчание основных партнеров по диалогу, долгое отсутствие официальной реакции на владивостокскую программу государств-членов АСЕАН подтверждало, как это тогда у нас расценивалось, живучесть стереотипов старого политического мышления. В СМИ этих стран советские предложения преимущественно изображались как декларативные, пропагандистские, нацеленные на то, чтобы ослабить здесь американские позиции, изменить баланс сил в пользу СССР.

В начале августа 1986 года было принято решение направить в страны АТР специальных посланников с устным посланием советского руководства лидерам стран региона в связи с инициативами, изложенными в речи М.С. Горбачева во Владивостоке. При этом посольствам были разосланы указания добиваться приема посланцев на самом высоком уровне.

Мне было поручено отправиться с этой целью в Сингапур и на Филиппины (вопросы отношений с этой страной, как и с Индонезией незадолго до этого были переданы в наш отдел из 2-го Дальневосточного отдела). О результатах своей миссии, помимо телеграмм, я отчитался на заседании коллегии МИД, посвященном итогам поездки спецпосланников.

В Сингапуре, несмотря на все усилия нашего посольства, я был принят вторым должностным лицом в МИДе. Выслушав заготовленное и задав несколько вопросов, относящихся в основном к ЮВА, он ограничился заверением, что «советские владивостокские инициативы будут самым внимательным образом изучены». Перспективы их реализа-

ции собеседник тут же увязал с вопросами разблокирования конфликтной ситуации в регионе, в первую очередь выводом вьетнамских войск из Кампучии, неоднократно повторив, что ключ к урегулированию в регионе находится в руках Советского Союза.

В Маниле меня приняла президент Филиппин Корасон Акино, которая всего полгода назад после президентских выборов и падения некогда всесильного диктатора Фердинанда Маркоса стала главой государства.

Изложенное мною послание советского руководства было выслушано с заинтересованным вниманием, о чем свидетельствовали заданные мне уточняющие вопросы. На протяжении чуть больше получаса, пока длилась беседа, ей несколько раз приносили на подпись какие-то срочные бумаги, которые она, не прерывая разговора, тут же подписывала. Советские предложения, заключила нашу беседу президент, заслуживают самого серьезного рассмотрения, о результатах которого в ближайшее время будет сообщено.

И действительно, вскоре Филиппины первыми из стран АСЕАН высказали на официальном уровне свое позитивное отношение к владивостокским инициативам. В последующие два года это было сделано на высоком уровне Индонезией, Малайзией и Таиландом во время официальных визитов глав государств и правительств этих стран в Москву.

В целом реакция в АТР на устное послание М.С. Горбачева и владивостокскую программу, дополненную в его ответах на вопросы газете «Мердека», оказалась довольно сдержанной. Уровень, на котором удалось организовать прием в странах АТР наших спецпосланников — в основном заместителей министра и заведующих территориальными отделами МИД, оказался, за небольшим исключением, значительно ниже ожидаемого. Среди причин многими политическими аналитиками называлась спешка, лишившая возможности заблаговременно проконсультироваться по новым инициативам с нашими союзниками и другими странами в АТР. Отсюда остался не до конца проясненным ряд аспектов, в том числе касающихся ядерного присутствия США в Южной Корее,

на Филиппинах и на острове Диего-Гарсия, и отношения КНР к объявленной нами программе обеспечения мира и безопасности в АТР. Это и многое другое выяснилось сразу по первой реакции в асеановских столицах, как только мы вышли со своими инициативами.

На высказанные спецпосланникам в беседах со стороны представителей стран АСЕАН суждения насчет того, что предложенная Советским Союзом программа действий страдает отсутствием конкретных мер, неясностью и нечеткостью сформулированных в ней инициатив у нас был заготовленный ответ: нами предлагается не какая-то готовая и закорякая формула региональной безопасности. За этим следовали призывы к партнерам по диалогу выдвигать встречные предложения, совместно участвовать в ее разработке путем двусторонних и многосторонних контактов.

«СОВЕТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЮГО-ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ И ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН»

В ходе реализации концепции нового политического мышления во внешней политике в том, что касается задачи разблокирования региональных конфликтов и прекращения вооруженного противостояния с США и их союзниками, важная «прорывная» роль была отведена проведенному 1–13 марта 1987 года официальному визиту министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в Юго-Восточную Азию и Австралию, первому такого уровня за весь советский период. (Позже в своей книге воспоминаний это двухнедельное турне он назовет «Советской атакой на Юго-Восточную Азию и Тихоокеанский регион».)

Все турне было спланировано таким образом, чтобы последним пунктом поездки стал Ханой. В связи с созданием Управления социалистических стран Азии, в который

были переданы вопросы отношений с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией, на Отдел Юго-Восточной Азии была возложена подготовка асеановской части визита, а «ханойская кухня» варилась в недрах секретариата министра и нового УССА.

«Миссия моя была достаточно сложной, — напишет позже об этой поездке Э.А. Шеварднадзе в своей книге воспоминаний «Размышления о прошедшем и будущем»*. — Я знал, что особые трудности ждали меня во Вьетнаме. Надо было ознакомиться с положением дел на месте и наметить планы на будущее. А главное, следовало умерить военный пыл Вьетнама, который серьезно тревожил весь регион. В новой изменившейся обстановке Вьетнаму следовало знать, что в вопросе о Камбодже мы уже не будем оказывать ему поддержку, мы не разделяем его политику в отношении Кампучии, а следовательно и в отношении Китая.... Конфронтация нашего друга Вьетнама с Китаем увеличила риск военно-политического противостояния, что сводило на нет наши мирные инициативы».

В беседах с вьетнамским руководством в Ханое министр намеревался «обкатать» свои новые идеи и подходы, в том числе в отношении кампучийского урегулирования, рассчитывая подкрепить их предварительно предложениями и аргументацией асеановских собеседников.

О выстроенной схеме своих действий Э.А. Шеварднадзе позднее вспоминал: «Вопрос, который так беспокоил всех, под конец должен был решаться во Вьетнаме. А до этого не только я, но и вьетнамцы должны были подготовиться к встрече. По предварительной информации, Вьетнам занимал достаточно жесткую и непримиримую позицию. Между прочим, именно потому мной была совершенно сознательно организована предварительная утечка информации. Каждая моя фраза, предназначенная для слушателей, сработала точно».

* Здесь и далее цитируется по книге Э.А. Шеварднадзе «Размышления о прошедшем и будущем» в переводе с грузинского Виктории Зининой «Дружба народов», № 12 за 2006 г.

* * *

Опробовать домашнюю заготовку министр решил с Бангкока, начав с него свое двухнедельное турне. Затем, после посещения Австралии, оно включало Индонезию и страны Индокитая.

Мне было поручено вылететь на несколько дней раньше в Бангкок для подготовки визита и затем после его завершения ожидать в Джакарте возвращения министра из Австралии.

В Бангкоке в беседе один на один с главным маршалом авиации министром иностранных дел Таиланда Ситти Советсилой, министр, как и было задумано, «намекнул» тайскому коллеге, что «вывод советских войск из Афганистана может стать примером для решения кампучийской проблемы». Обмен мнениями по другим вопросам, включая двусторонние отношения, за рабочим завтраком в тайском МИДе, не выходил за рамки известных позиций сторон и прошел без неожиданностей. Не считая разве что концовки.

Надо отметить, что во время своих первых зарубежных визитов Э.А. Шеварднадзе старался публично подкреплять личным примером введенные с его приходом различные ограничения и табу, в том числе в отношении «ценных подарков» от иностранных коллег.

Памятуя об этом, прилетев в Бангкок, я сориентировал на сей счет нашего посла в Таиланде В.П. Касаткина и протокольную службу тайского МИД. Тем не менее, к нашей большой неожиданности, министр иностранных дел Таиланда по окончании переговоров, следуя местной традиции, протянул министру «сувенир в память о первом за всю историю двусторонних отношений визита в Таиланд главы внешнеполитического ведомства России». Заметив недоумение на лице российского министра, он поспешил развернуть сверток и продемонстрировать его содержимое гостю. «Это галстук из тайского шелка — наш национальный сувенир», — немало сконфуженный, пояснил хозяин приема. Приняв после некоторого колебания подарок, Э.А. Шеварднадзе, садясь за стол, бросил через плечо мне и послу: «Пошлите министру ответный подарок».

Переговоры в МИД Индонезии с министром иностранных дел М. Кусумаатмаджей, визит вежливости к президенту Сухарто подтвердили заинтересованность наших стран в развитии двусторонних отношений, которые по обоюдному мнению «приобретают все более устойчивый и разносторонний характер», а также близость позиций по широкому кругу актуальных международных проблем. При обсуждении положения в Юго-Восточной Азии оценки сторон не выходили за рамки ранее заявленных.

Индонезийская сторона с явным удовлетворением выслушала многократные высказывания с нашей стороны о лидирующей роли и политическом весе Индонезии, как в Движении неприсоединения, так и среди партнеров по АСЕАН. Однако, как заметил в беседе со мной высокопоставленный сотрудник индонезийского МИД, «эти заявления звучали бы для нас более убедительно, если бы советский министр начал свою первую поездку в регион с Джакарты».

На заключительной стадии переговоров трудности возникли при согласовании текста «Совместного советско-индонезийского сообщения». Получив от министра указание во что бы то ни стало добиться включения в итоговый документ упоминания М.С. Горбачева и выдвинутых во Владивостоке инициатив, я провел долгие часы в индонезийском МИДе за согласованием проекта итогового документа. Когда мы подошли к разделу о положении в ЮВА и владивостокским инициативам, обсуждение проекта проходило в довольно напряженной обстановке и закончилось поздно вечером к концу заключительного приема, устроенного индонезийским министром иностранных дел накануне отлета делегации. Встретив решительный отказ индонезийской стороны дополнить текст небольшим пассажем с выражением их отношения к владивостокской программе, я продолжал настаивать на ее упоминании. После взятой моим коллегой длительной паузы для согласования текста со своим руководством индонезийская сторона пошла на включение в итоговый документ следующего абзаца: «советская сторона подробно разъяснила комплекс инициатив, направленных на обеспечение

безопасности в Азии, бассейнах Тихого и Индийского океанов, налаживание мирного сотрудничества и взаимодействия в азиатско-тихоокеанском регионе, которые были изложены в речи М.С. Горбачева во Владивостоке». С согласованным проектом совместного сообщения, успев к самому концу приема, я подошел к Э.А. Шеварднадзе и сообщил ему о завершении работы.

«АФГАНСКИЙ КЛЮЧ» К КАМПУЧИЙСКОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ

В переговорах во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии, отношения с которыми курировало недавно созданное Управление социалистических стран Азии (УССА), я участия не принимал и из Джакарты вернулся в Москву.

Проведенные в Ханое переговоры Э.А. Шеварднадзе в книге «Размышления о прошедшем и будущем» охарактеризовал так: «Мои переговоры с вьетнамским руководством проходили достаточно сложно. Мои партнеры «вежливо» отказывались от решения кампучийской проблемы по афганской модели. Для Ханоя оказалась неприемлемой и идея о «национальном примирении». Потребовались колоссальные усилия для преодоления подозрительности Вьетнама ко всем партнерским предложениям Таиланда и Индонезии». (Министр, вероятно, имел в виду высказанную в общей форме в беседах в Бангкоке и Джакарте готовность развивать торгово-экономические связи с Вьетнамом и даже подумать над оказанием ему в будущем экономической помощи. Однако практические шаги в этом направлении ими по-прежнему увязывались с рядом условий, в первую очередь с выводом вьетнамских войск из НРК (примеч. автора). В торговле и экономических отношениях им мерещился «троянский конь». Это была типично классовая психология. Переговоры не принесли желаемых результатов. В знак протеста я нару-

шил принятый в отношениях между Советским Союзом и Вьетнамом этикет — не выступил по телевидению и отменил все запланированные встречи». «В отличие от Афганистана, — подчеркнул в заключение Э.А. Шеварднадзе, — на берегах Меконга и Красной реки все оставалось без движения. Мы своими заявлениями и последними переговорами помогли умерить пыл Вьетнама».

По возвращении в Москву, докладывая об итогах поездки на заседании Политбюро ЦК КПСС, Э.А. Шеварднадзе, как он написал в упомянутой книге, «предложил представить руководству Вьетнама и НРК конкретные рекомендации по преодолению кампучийского кризиса, настаивая на необходимости использовать для этого «афганский ключ».

«В общем счете, — подвел итоги своего турне по странам АТР Э.А. Шеварднадзе, — мое тринадцатидневное путешествие оказалось очень важным, оно способствовало упрочению роли Советского Союза в этом регионе. Это была трудная миссия, она не принесла «блестящих» итогов, но положила начало той серьезной инициативе, которая была названа «Советским вторжением в Тихоокеанский регион».

РАЗВИВАЯ СВЯЗИ СО СТРАНАМИ АСЕАН

Вторая половина 80-х годов была ознаменована заметным оживлением диалога со странами-членами АСЕАН на политическом уровне, включая самый высокий. В 1987–1988 годах Советский Союз с официальными визитами посетили главы правительств и министры иностранных дел Индонезии, Малайзии и Таиланда.

Принимая высоких гостей, советская сторона исходила из задачи более активного вовлечения стран АСЕАН в диалог по вопросам обеспечения безопасности и налаживания сотрудничества в АТР, стремилась поощрить их на конструктивный диалог со странами Индокитая в поисках путей взаимопри-

емлемого политического решения кампучийского вопроса, продвижения двусторонних связей с нами в экономической и других областях.

В ходе бесед и переговоров мы старались обнаружить в их подходах к кампучийскому урегулированию приемлемые элементы, которые могли бы привести к сближению позиций стран Индокитая и АСЕАН, дополнительные возможности для наращивания их совместной со странами Индокитая целенаправленной работы в этом направлении.

В тоже время нами, конечно же, учитывались и отдельные расхождения во взглядах, в основном тактического характера между странами АСЕАН, которые усиливались по мере ускорения кампучийского процесса. Здесь лидерство продолжал еще удерживать за собой Таиланд, неизменно подчеркивавший свою роль «прифронтового» государства и не без подозрений относившийся к любым инициативам партнеров по Ассоциации в кампучийском вопросе.

На регулярную основу были переведены межмидовские консультации. В августе 1987 года я вновь отправился в столицы стран АСЕАН для проведения в их внешнеполитических ведомствах консультаций по повестке дня предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, положению в АТР и двусторонним отношениям.

По возвращении в Москву занялся подготовкой материалов к беседам Э.А. Шеварднадзе с министрами иностранных дел Индонезии и Австралии, которые высказали желание встретиться с ним в Нью-Йорке в дни общей дискуссии на ежегодной сессии Генассамблеи ООН.

Беседа с Кусумаатмаджей в сентябре 1987 года в здании постпредства СССР при ООН в Нью-Йорке, с моим участием, продемонстрировала, как и его последующий в феврале 1988 года официальный визит в Москву, заметно возросшую дипломатическую активность Индонезии, подтвердила ее стремление, как самого крупного и влиятельного члена АСЕАН, впредь не уступать Таиланду и Малайзии в выдвижении от имени Ассоциации инициатив в вопросах кампучийского урегулирования.

ЗАЧЕМ ПРИЛЕТАЛ В МОСКВУ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТАИЛАНДА

Официальный визит в мае 1987 года в Москву главного маршала авиации, министра иностранных дел Таиланда Ситти Советсилы, первый за последние три года представителя высокого уровня страны — члена АСЕАН, стал неординарным событием, значение которого выходило за рамки двусторонних отношений. Это было подчеркнуто высоким уровнем приема тайского министра Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко.

В ходе бесед и переговоров С. Советсильой впервые было высказано на официальном уровне позитивное отношение Бангкока к владивостокской программе укрепления мира и безопасности в АТР, что было расценено в Москве как один из главных политических итогов визита. «Министр иностранных дел Таиланда, отмечалось в Совместном сообщении, приветствовал политику мира и сотрудничества, сформулированную Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым 28 июля 1986 года во Владивостоке, подчеркнул, что она направлена на поиск решения проблем безопасности в Азии и бассейне Тихого океана».

Продолжая диалог с Э.А. Шеварднадзе, начатый три месяца назад в Бангкоке, тайский мининдел не скрывал, что хотел «из первых рук» удостовериться в возможности подвижек в ближайшее время в подходе советского руководства к решению проблем Юго-Восточной Азии. Он заявил, что «имеет поручение стран АСЕАН изложить советскому руководству их позицию по кампучийскому урегулированию». Состоявшийся «откровенный, дружественный обмен мнениями», как отмечалось в совместном сообщении по итогам визита, не добавил принципиально нового для понимания позиции стран АСЕАН по вопросу урегулирования положения вокруг Кампучии. За скобками озвученных тайским министром трех «фундаментальных» принципов, на которых эта позиция была основана: «вывод иностранных войск, осуществление

права кампучийского народа на самоопределение и становление нейтральной, неприсоединившейся и независимой Камбоджи», оставалось немало важных, не проясненных детальных вопросов, решение которых было единственно возможно на приемлемой для всех сторон конфликта компромиссной основе. От имени стран АСЕАН С. Советсила «выразил надежду, что Советский Союз продолжит активное и конструктивное участие в усилиях по достижению мирного политического решения кампучийского вопроса».

Проведенные в ходе визита беседы и переговоры имели положительным итогом то, что удалось продвинуть вперед двусторонние отношения, в первую очередь экономические. С этой целью был создан соответствующий механизм: подписан Протокол об учреждении межправительственной совместной советско-тайландской комиссии по торговле.

По завершении бесед в Москве, тайский министр, которого я с женой сопровождал в поездке, после посещения по его желанию Сочи прилетел с супругой и дочерью в Тбилиси. В первый же день сразу после возложения венка к могиле Неизвестного солдата во время посещения Дворца торжественных ритуалов для гостя и его супруги был приготовлен сюрприз. По инициативе Э.А. Шеварднадзе для С. Советсилы и его супруги был организован обряд венчания, как уверяли тайского коллегу, «по грузинскому обычаю». Сославшись на таинство церемонии, которая проходила в алтарном приделе храма, сопровождающих попросили удалиться.

Стоит упомянуть, что это знаменитое здание, которое называли одной из вершин грузинской архитектурной практики 80-х годов и которое изначально предназначалось для ознаменования самых значительных событий в жизни граждан Грузии, постигла необычная судьба. Оно было куплено самым богатым гражданином Грузии Бадри Патаркацишвили и превращено в его резиденцию «Аркадия», где после его смерти в феврале 2008 года проходила траурная церемония.

С визита С. Советсилы, во время которого было передано приглашение премьер-министру Таиланда Прему Тинсуванону посетить Советский Союз с официальным визитом, нача-

лась практическая работа по его подготовке и проведению в мае 1988 года.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ МАЛАЙЗИИ

Заметным событием в отношениях с Малайзией стал визит 29 июля — 5 августа 1987 года в Советский Союз премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда. Его сопровождала многочисленная группа представителей ведущих министерств и деловых кругов, всего около 90 чел.

Этому визиту, первому за восемь лет на уровне главы правительства, предшествовала длительная подготовительная работа, растянувшаяся почти на два года. Обсуждение практических вопросов содержательного наполнения визита началось еще в мае 1985 года с официального визита в Советский Союз заместителя министра иностранных дел Малайзии Кадира Шейха Фадзира. Продвижение этой работы во многом тормозила медлительность малайзийских ведомств, затягивающих рассмотрение проектов двусторонних соглашений, договоренность о заключении которых была достигнута еще в сентябре 1979 года.

Подготовительная работа была продолжена в ноябре 1985 года во время визита в Куала-Лумпур правительственной делегации СССР во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР Я.П. Рябовым. В конце октября я отправился в Куала-Лумпур для подготовки визита делегации, прибывающей из Джакарты (отношения с Индонезией тогда еще курировал 2-ой ДВО). Реагируя на переданное ему в беседе официальное приглашение, Махатхир Мохамед сказал, что намерен воспользоваться им вскоре после завершения съезда правящей партии ОМНО. Победа Махатхира Мохамеда на выборах окончательно внесла ясность в вопрос о сроках его визита в Советский Союз.

В беседе с М.С. Горбачевым 31 июля в Кремле при обсуждении азиатско-тихоокеанской проблематики премьер-министр заявил, что советские инициативы по АТР, содержащиеся в выступлении во Владивостоке и в интервью газете «Мердека», «в Малайзии восприняты с интересом» и у нее «беспокойства не вызывают». В более развернутом виде официальная реакция Малайзии на наши инициативы была изложена в совместном советско-малазийском коммюнике. Премьер-министр Малайзии, подчеркивалось в этом итоговом документе, приветствовал новые советские инициативы, изложенные в интервью М.С. Горбачева индонезийской газете «Мердека», и заявил, что «реализация этих предложений в значительной мере способствовала бы оздоровлению обстановки как в Азии и бассейне Тихого океана, так и во всем мире».

В Совместном сообщении подчеркивалась «полезность проведения регулярных консультаций между министерствами иностранных дел двух стран и сотрудничества в рамках международных организаций и форумов» и было зафиксировано «согласие сторон и впредь расширять такие консультации». В этих целях в ходе визита был подписан советско-малазийский протокол о консультациях.

Во время визита повышенный интерес премьер-министр проявил к участию Малайзии в советской программе космических исследований. При посещении Звездного городка он настойчиво интересовался возможностью участия малазийского космонавта в совместном космическом полете. Там же было положено начало реализации инициативы премьер-министра, которая была скреплена письменной договоренностью. (Гражданин Малайзии стал участником космического полета в октябре 2007 года.)

Вопреки ожиданиям, в ходе переговоров не получила продолжения тема закупки Малайзией тяжелого транспортного вертолета МИ-26, которую Махатхир Мохамад прежде регулярно затрагивал в беседах. Впервые он поднял этот вопрос по своей, как он подчеркивал, личной инициативе, три года назад, назвав в беседе этот тип вертолета «несравненным и самым грузоподъемным в мире». После первого обращения

премьер-министра была запрошена документация, и пока ее долго готовили в гражданском исполнении, произошли изменения. Вместо целой партии малайская сторона, ссылаясь на финансовые затруднения, решила заказать «для начала» только одну машину.

В июне 1987 года после очередной паузы неожиданно пришла телеграмма от нашего посла в Малайзии, в которой он передал приглашение от премьер-министра «директору А. Зайцеву прилететь в Куала-Лумпур для встречи по вопросу о закупке вертолета». Немало озадаченный, я первым же рейсом прилетел в малазийскую столицу.

В беседе со мной премьер-министр сообщил, что закупка вертолета вынужденно откладывается из-за разногласий внутри кабинета и заверил, что после приближающегося съезда правящей партии и его ожидаемой победы на выборах он обязательно осуществит задуманное. (В отсрочке намечаемой сделки многие у нас тогда усматривали маневр малазийской стороны с целью сбить цены на американские вертолеты и другую военную технику на проходивших в то время переговорах с США.) Эти первые переговоры много лет спустя получили продолжение в виде заключения контрактов на продажу заказчикам Малайзии и некоторых других стран АСЕАН новых образцов российской вертолетной техники.

Сопровождая Махатхира Мохамеда и его многочисленную команду в поездке в Узбекистан и Ленинград — от МИДа я был старшим по должности — и присутствуя на беседах и переговорах с делегацией, имел возможность убедиться в растущем интересе со стороны малазийских деловых кругов к развитию торгово-экономических связей с Советским Союзом, который будучи крупным импортером натурального каучука, олова и пальмового масла рассматривался в Малайзии как «серьезный торговый партнер».

Подписанные в ходе визита соглашения, меморандумы и протоколы по вопросам торгово-экономического сотрудничества между нашими странами, в том числе соглашение о морском транспорте, об избежании двойного налогообложения и о сотрудничестве между торгово-промышленными

палатами, заложили прочную основу для его развития на многие годы вперед.

Поездка малазийской делегации по стране (она побывала в Ташкенте, Самарканде, Ургенче, Хиве и Ленинграде), запомнилась мне несколькими эпизодами.

Во время официального обеда, устроенного от имени правительства Узбекской ССР 1 августа 1987 года в Ташкенте в честь премьер — министра Малайзии (надо упомянуть, что визит проходил в разгар антиалкогольной кампании у нас в стране), ко мне подошел шеф его канцелярии и шепнул на ухо, что «господин премьер-министр не возражал бы против бокала белого сухого вина». Надо было видеть, какой это вызвал переполох у хозяев, когда я передал эту просьбу присутствовавшему на обеде управляющему делами совета министров республики. Тут же за столом в присутствии иностранных гостей последовали длительные переговоры местных начальников, послышалась громкая возня в соседнем помещении. И только через минут пятнадцать торжественно внесли, предложив только иностранным гостям, бутылку вина, которую советские участники приема, отягощенные обильной и жирной национальной пищей с неизменным пловом, еще долго провожали взглядом.

По прилете в Ленинград из Ташкента оказалось, что почти вся делегация слегла от неизвестной желудочной болезни, и моя жена в гостинице «Прибалтийская», где мы остановились, предлагала гостям апробированное ею гомеопатическое средство.

В довершение всего на следующий день, который выдался ветреным и дождливым, по пути в Петродворец на катере на подводных крыльях «Метеор» (прогулка на нем была выбрана по просьбе малазийских бизнесменов, пожелавших посмотреть на него «в работе») произошел случай, о котором за давностью лет позволительно теперь вспомнить. Когда местные организаторы, несмотря на проливной дождь, плохую видимость и сильную волну, все же решились отчалить от причала у Зимнего Дворца, нашему катеру при подходе к Петродворцу в последний момент едва удалось разминуть-

ся с идущим навстречу речным судном. Об этом происшествии, едва не закончившимся столкновением (оно осталось незамеченным для наших гостей, поспешивших сразу после отплытия катера укрыться внутри от ветра и дождя), мне рассказали в драматических подробностях позже «по секрету» сопровождавшие делегацию местные организаторы.

Начало 1988 года ушло на осмысление итогов визита Мохатхира Мохамата и перевод в практическую плоскость достигнутых в ходе него договоренностей.

На повестку дня встал визит в Москву министра иностранных дел Абу Хассан Омара, подготовкой которого занялся наш отдел. В сентябре 1987 года, находясь в Нью-Йорке на сессии Генассамблеи ООН, он активно зондировал через своего посла в Москве, который входил в состав малазийской делегации, возможность встречи с Э.А. Шеварднадзе, не договорившись об этом, как было принято, заранее. По его просьбе я, находясь тогда в Нью-Йорке, несколько раз обращался к помощникам, но свободного окна в плотном графике встреч министра не осталось.

ОТВЕТНЫЕ ШАГИ ФИЛИППИН

Первое мое знакомство с Филиппинами состоялось весной 1971 года, и было связано с участием в составе делегации в XXVII сессии ЭКАДВ. Дипломатических отношений между нашими странами тогда еще не было и филиппинские визы пришлось запрашивать через наше посольство в Токио.

Заседания проходили в знаменитой гостинице «Манила», служившей в годы Второй мировой войны штаб-квартирой и местом проживания генерала Д. Макартура, главнокомандующего союзных войск на тихоокеанском театре военных действий. Там же остановились наша и другие делегации.

Помимо участия в сессии мы побывали в гостях на вилле одного влиятельного сенатора, встретились с представите-

лями местной бизнес-элиты. Все они единодушно высказывались за скорейшее установление между нашими странами дипломатических отношений, заверяя нас, что такой шаг со стороны филиппинского правительства следует ожидать в самое ближайшее время.

Воодушевленный этими беседами руководитель нашей делегации, посол в Индонезии, поспешил сообщить об этом в Москву. Увы, дожидаться этого события пришлось еще целых пять лет. Советско-филиппинские отношения были установлены только в 1976 году.

Моя следующая поездка в Манилу в конце августа 1986 года (вскоре после передачи в ведение нашего отдела из 2 ДВО отношений с Филиппинами и Индонезией) пришлась на разгар оживленных дебатов во властных филиппинских кругах, пришедших к власти после победы на февральских президентских выборах, относительно будущего внешнеполитического курса страны.

Важное место в дискуссии занимали вопросы выстраивания отношений с Советским Союзом. Толчком к ней послужил выдвинутый Советским Союзом комплекс инициатив по проблемам АТР, в особенности заявление М.С. Горбачева о готовности к развитию связей с Филиппинами.

Этой теме была посвящена конференция на тему «Ответ Филиппин на инициативу Горбачева», организованная 26 августа в Маниле Pacific Futures Development Center, возглавляемым будущим послом в Москве А. Мельчором. На ней меня пригласили выступить как одного из троих главных докладчиков.

Накануне конференции 25 августа были проведены двусторонние консультации в МИД Филиппин по вопросам повестки дня 41-й сессии Генассамблеи ООН, положения в АТР и двусторонним отношениям. В рамках этих консультаций я встретился с помощниками министра по европейским делам, по делам АСЕАН и ООН.

Позитивный настрой дискуссии на конференции был задан открывшим ее вице-президентом, министром иностранных дел С.Х.Лаурелем, подчеркнувшим в своем выступлении,

что «недавнее заявление генерального секретаря Михаила Горбачева во Владивостоке заслуживает серьезного рассмотрения. Мы особенно приветствуем его упоминание Филиппин как одной из стран, с которыми СССР готов укреплять связи». Перечисляя «шаги в духе доброй воли со стороны Филиппин по отношению к Советскому Союзу», вице-президент назвал «назначение А. Мельчора новым послом в Москве, намеченный на октябрь визит в Советский Союз зам. министра иностранных дел Л. Шахани и присутствие в Маниле посла Анатолия Зайцева, заведующего недавно реорганизованного отдела Юго-Восточной Азии МИД СССР, дополняющее стремление к укреплению связей».

Высказывания на конференции Х. Лауреля были расценены местными СМИ как первая официальная реакция правительства Филиппин на июльское выступление М.С. Горбачева во Владивостоке.

Выступивший вслед за министром иностранных дел бывший министр труда Б.Ф. Опль акцентировал внимание на проблеме развития экономики стран АТР, подчеркнув, что «владивостокские инициативы создают широкие рамки для продвижения вперед экономического сотрудничества наших стран». Он отметил, что «предложения связать Сибирь и весь советский Дальний Восток с динамично развивающимися экономиками стран АТР может предоставить много возможностей и для участия в таком сотрудничестве Филиппин».

Выступление второго докладчика — бывшего министра информации Ф. Татада отличалось настороженно-скептическим настроением, что отчетливо проявилось в характере и тональности его, как и других участников конференции, вопросах, заданных после моего выступления.

Подобная картина наблюдалась и на проведенной мною 27 августа перед отлетом из Манилы пресс-конференции. В большинстве заданных мне журналистами вопросов повторялись заезженные стереотипы в духе холодной войны, которые во многом были отголосками еще не сошедшей на нет шумной компании в ряде местных СМИ, направленной на подрыв отношений с Советским Союзом.

Поводом для нее послужило вручение послом СССР В.И. Шабалиным верительных грамот Ф. Маркосу и переданные им поздравления по случаю его избрания за неделю до инаугурации 25 февраля президента К. Акино. Этот резонансный «дипломатический прокол» стал завершающим аккордом в цепи ошибочных оценок обстановки на Филиппинах и принятых на их основе руководством международного отдела ЦК КПСС и МИД решения не откладывать вылет к месту назначения нового посла, несмотря на его резонные доводы против. Заместитель министра М.С. Капица, под началом которого был 2-й Дальневосточный отдел МИД, продолжая делать ставку на Ф. Маркоса, противился переносу на послевыборный период вылета нового посла в Манилу и убедил в правоте своей позиции Э.А. Шеварднадзе. В итоге В.И. Шабалин, назначенный послом СССР на Филиппинах еще осенью 1985 года, прибыл в Манилу 25 января 1986 года за две недели до президентских выборов, назначенных на 7 февраля.

Разрядить возникшую напряженность в двусторонних отношениях в определенной степени должен был прилет в конце апреля в Манилу М.С. Капицы, чтобы как он напишет позднее в своей книге воспоминаний, «рассеять некую неловкость: новый посол СССР В. И. Шабалин оказался (!) в Маниле во время выборов президента и вручил верительные грамоты Ф. Маркосу в то время, когда оппозиция оспаривала результаты выборов. Другая цель — установить контакты с новым президентом и ее администрацией».*

Президент К. Акино, приступив к проведению более активной и независимой линии во внешних делах, в отношении Советского Союза стремилась, несмотря на опасения противодействия со стороны американцев, сохранить то положительное, что было достигнуто при президенте Ф. Маркосе.

Вскоре за назначением послом в Москву видного филиппинского политического деятеля А. Мельчора (он прилетел в нашу столицу в сентябре того же года), которое нами было расценено как стремление новой филиппинской администра-

* М.С. Капица. На разных параллелях. Записки дипломата. М.: А/О «Книга и бизнес», 1996. С. 319.

ции к развитию отношений с Советским Союзом, последовал визит в Москву 26–31 октября заместителя министра иностранных дел Летисии Шахани, первый визит такого уровня в нашу страну после смены администрации на Филиппинах. Состоялись ее переговоры с Э.А. Шеварднадзе, парафирован протокол о межмидовских консультациях. В ноябре того же года с визитом в Москве побывал министр науки и технологии Ф.А. Аристобаль.

В дальнейшем развитие советско-филиппинских отношений после короткого периода оживления, находясь под влиянием сложных внутрисполитических процессов и внешних сил, проходило скачкообразно.

Положительное воздействие на состояние отношений между нашими странами оказал визит 9–19 июля 1987 года в Советский Союз влиятельного главы католической церкви Филиппин, играющей важную роль в политической жизни страны, кардинала Х. Сина. Он покидал Москву под впечатлением оказанного ему у нас в стране приличествующего его сану приема и, как мне показалось, в немалой степени тронутым православными пожеланиями многая лета в свой адрес на заключительном обеде в филиппинском посольстве хором хорошо поставленных голосов приглашенных на прием представителей РПЦ.

В декабре того же года в Москве состоялись консультации с и.о. зам. секретаря по иностранным делам М. Галензогой. В 1988 году в Москву прибыла делегация Конгресса Филиппин во главе с лидером сенатского большинства сенатором Орландо Меркадо. В том же году в Москве был подписан межправительственный протокол о консультациях по широкому кругу двусторонних и международных вопросов.

Получили развитие торгово-экономические связи, хотя из внесенных в ходе обмена визитами многочисленных проектов участия Советского Союза в строительстве крупных экономических объектов на Филиппинах, в том числе ТЭС на угле и никелевого комбината, по ряду причин, в первую очередь отсутствия договоренности об условиях финансирования, удалось в последующие годы осуществить

только немногие. Роль своеобразного «мотора» в продвижении проектов советско-филиппинского экономического сотрудничества все это время выполнял деятельный посол А. Мельчор, с которым одна из последних бесед в ОЮВА 1 августа 1988 года была посвящена обсуждению необходимости проведения «инвентаризации» проектов двустороннего экономического сотрудничества и перспектив подписания соглашения об экономическом сотрудничестве (заключен в 1989 году).

НАЛАЖИВАЯ ПОЛНОМАСШТАБНЫЙ ДИАЛОГ С АССОЦИАЦИЕЙ

Середина 80-х годов ознаменована окончательным поворотом в сторону налаживания полномасштабного диалога с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии, которая продолжала оставаться нашим партнером де-факто на двустороннем уровне,

Надо заметить, что преобладавшая прежде в экспертных кругах у нас оценка АСЕАН как преимущественно военно-политической организации основывалась во многом на констатации постепенного отхода этой региональной организации от декларированных при ее создании уставных целей (содействие развитию социально-экономического и культурного строительства), особенно после получения ею официально политического статуса в 1976 году и возникновения кампучийской проблемы.

Тема кампучийского урегулирования, по признанию самих асеановских представителей, на долгие годы заслонила для стран АСЕАН многие жизненно важные проблемы их собственного внутреннего развития. Как отмечали в беседах асеановские послы, это привело к «чрезмерной политизации ассоциации», что ощутимо проявилось с появлением в последующие годы в экономиках многих из них серьезных

проблем. О «непропорционально большом крене в сторону политики, опережающем развитие связей в экономической сфере», говорил в беседе со мной посол Сингапура, усматривая в этом одну из главных причин «осложнений», возникших в последнее время в экономике стран АСЕАН».

На деле «процесс пошел», пожалуй, только после владивостокской речи М. С. Горбачева, в которой отмечалось, что «в деятельности АСЕАН, в двусторонних связях немало позитивного». Год спустя в его ответах на вопросы индонезийской газеты «Мердека» подчеркивалось, что совпадение в большинстве ключевых аспектов позиций Советского Союза и Индонезии — «добротная основа для всесторонних и взаимовыгодных контактов — как на двусторонней основе, так и в рамках АСЕАН».

Одним из последних, перед завершением моей работы в ОЮВА, аккордов в затянувшемся на многие годы процессе официального признания Советским Союзом Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, стало заявление Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова в его речи на приеме в Кремле 17 мая 1988 года в честь премьер-министра Таиланда Према Тинсуванона: «Мы готовы к конструктивному сотрудничеству, как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Мы убеждены, что налаживание диалога СССР — АСЕАН принесло бы немалую экономическую и политическую выгоду всем странам».

Практические шаги с нашей стороны, нацеленные на углубление и расширение связей с асеановской «шестеркой», как на двусторонней основе, так и напрямую с Ассоциацией, были включены в подготовленный Отделом Юго-Восточной Азии МИД «Комплексный перспективный план работы по развитию отношений СССР со странами-членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии», утвержденный на заседании Политбюро в ноябре 1988 года.

* * *

В конце октября 1988 года перед завершением работы в Отделе Юго-Восточной Азии я попрощался с послами стран

АСЕАН, устроив для них прием на представительской базе МИД в подмосковном Мещерино.

До разблокирования камбоджийского конфликта и нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии предстояло пройти еще долгий и сложный путь.

Уже в январе 1989 года, через много лет после первого частичного вывода в 1982 году из НРК своих войск, Вьетнам объявит и к сентябрю того же года осуществит полный вывод своего воинского контингента из Камбоджи. Что не только активизирует диалог между противоборствующими сторонами конфликта, но и ускорит процесс нормализации наших отношений с великим восточным соседом — Китаем, сняв тем самым изобретенное им «четвертое препятствие».

Открывшаяся в том же году Парижская конференция по Камбодже завершилась подписанием в октябре 1991 года соглашений о всеобъемлющем политическом урегулировании конфликта. Так состоялось международно- правовое оформление компромисса.

Однако до установления политической стабильности в Камбодже стране предстояло еще пройти через избавление от банд «красных кхмеров» (их остатки сдались в 1999 году), соперничество противоборствующих политических партий, выборы 2003 года и формирование нынешнего состава коалиционного правительства.

**УВЕРЕННАЯ
ПОСТУПЬ
ВЬЕТНАМА**

УВЕРЕННАЯ ПОСТУПЬ ВЬЕТНАМА

Память — вещь упрямая
Уверенная поступь Вьетнама
Свидетели истории
Незажившие раны императорской столицы
В тысячелетней столице
Вспоминая автора «Тихого американца»
По следам Дж. Маккейна
А.А. Громыко о Хо Ши Мине и провале авантюры
Вашингтона во Вьетнаме
Незабываемый Михстеп

ПАМЯТЬ — ВЕЩЬ УПРЯМАЯ

Много лет спустя в феврале — марте 2011 года мне довелось вновь посетить знакомые места. Произошедшие изменения, особенно заметные после долгого отсутствия, произвели на меня сильное впечатление.

В поездке по стране, общаясь с вьетнамцами разных возрастов, мне было интересно сравнить свои впечатления с далекими 60–70-ми годами. Первая же реакция моего собеседника, услышавшего в ответ, что я из Москвы, — «А, Лиенсо!», — вернула меня к далекому прошлому, когда этим словом (собирательное от Lien — «союз», Хо — начальные буквы слова «советский»), в ДРВ называли всех приехавших из нашей страны).

Насколько прочно, подивился я, это обращение к жителям нашей страны вошло в лексикон не одного поколения вьетнамцев, надолго сохранив свою первоначальную дружескую теплоту и доверительность. Не забыта, в чем я убедился, старая вьетнамская пословица: «Когда пьешь воду, помни про источник». Ее и в мирные довоенные годы, когда Советский Союз оказывал ДРВ всестороннюю технико-экономическую помощь в восстановлении и развитии ее экономики, и в годы отражения американской агрессии, и в послевоенный период нам приходилось часто слышать, и не только по торжественным случаям.

Именно об этом сказал президент Российской Федерации, выступая во время визита во Вьетнам в октябре 2010 года на встрече с выпускниками советских и российских вузов. «Каждый человек пропускает всё через свои воспоминания. Мы такие, какие мы есть именно потому, что у нас есть память и у нас есть прошлое. Прошлое наших народов, наших государств — это дружба и взаимопомощь, особенно в тот период, когда Вьетнам боролся за свою независимость».

Не этой ли генетической памяти мы не в последнюю очередь обязаны тому, что преодолев с немалыми издержками трудный период 90-х, удалось не допустить дальнейшего размывания фундамента российско-вьетнамского сотрудничества, построенного совместными усилиями за предшествующие десятилетия с момента установления в 1950 году между нашими странами дипломатических отношений.

Снижение в тот период присутствия России во Вьетнаме не могло не отразиться и на лидирующих прежде позициях русского языка, которого в последние годы основательно потеснил английский, и не только в деловом общении. Такая ситуация — следствие заметно возросшей роли других стран, ставших в последние годы ведущими торгово-экономическими партнерами Вьетнама.

УВЕРЕННАЯ ПОСТУПЬ ВЬЕТНАМА

По мере динамичного развития деловых, научных и культурных контактов между нашими странами ситуация неуклонно меняется к лучшему. За десятилетие после подписания в 2001 году Декларации о стратегическом партнерстве между Россией и Вьетнамом (этот курс на углубление стратегического партнерства с Россией был подтвержден январским с. г. XI съездом КПВ), ее положения, реализованные в высокотехнологические проекты, прежде всего в области электроэнергетики, нефтегазового комплекса, информационных технологий и связи, вывели наше двустороннее сотрудничество на качественно новый уровень.

Важным событием стал приход на вьетнамский рынок российского «Газпрома», ведущего добычу нефти и природного газа на шельфе Вьетнама.

Поразил городок нефтяников Вунгтау, где расположена штаб-квартира СП «Вьетсовпетро». Это место, где сегодня проживает русскоязычная община сотрудников СП, не без

основания называют цитаделью российского присутствия во Вьетнаме.

В сложных условиях начала 90-х годов, успешно выдержав испытание рынком, СП «Вьетсовпетро» стало подлинным локомотивом российско-вьетнамского экономического сотрудничества. В те трудные годы от этого высокоэффективного совместного предприятия продолжали ежегодно поступать в российский бюджет дивиденды на сотни миллионов долларов.

Сегодня СП «Вьетсовпетро» в составе ОАО «Зарубежнефть» работает на 7 нефтегазовых блоках на шельфе Вьетнама, эксплуатирует 13 морских стационарных платформ, 4 СПБУ, более 20 единиц флота. А на территории России в 2008 году было создано второе совместное предприятие с госкорпорацией «Петровьетнам» — «Русвьетпетро».

Согласно межправительственному соглашению, подписанному в 2010 году, срок совместной работы России и Вьетнама в рамках СП «Вьетсовпетро» продлен до 2030 года. И это предприятие остается примером высокоэффективной многопрофильной производственной кооперации России и Вьетнама.

Далеко идущие перспективы открыли бы сооружение во Вьетнаме атомной электростанции. Вьетнам, еще в первые послевоенные годы, строя планы на будущее, всерьез задумывался над созданием собственной ядерной энергетики. Помню, как в октябре 1983 года на переговорах в Ханое с правительственной делегацией СССР премьер-министр Фам Ван Донг подчеркнул, что «по нашим расчетам, через 15 лет атомная энергетика, особенно на Юге страны, будет для нас незаменимой».

До города Хошимина, с которого началась моя служебная командировка во Вьетнам в феврале-марте 2011 года, весь полет без посадки занял немногим более 9 часов. Вспомнилось, как в 60-е годы самолетом до Ханоя из Москвы можно было добраться только за два дня: сначала Аэрофлотом на ТУ-104 до Пекина с двумя дозаправками через Иркутск, а затем на следующий день на тихоходном ТУ-14

китайской авиакомпании с двумя посадками — до Ханоя. Поразительно изменился внешний облик г. Хошимина — этого крупнейшего экономического, научного и культурного центра Вьетнама. С высоты обзорной площадки самого высокого здания города открывается впечатляющая панорама мегаполиса с быстро растущим населением, приближающимся к восьми миллионам, и его пригородных промышленных зон. В них расположено большинство крупных предприятий, многие из которых с иностранным капиталом, в том числе ориентированные в основном на экспорт текстильные, обувные, судостроительные заводы и сборочные производства радио- электроники и компьютеров. На долю Хошимина приходилась пятая часть ВВП, четверть промышленного производства и 40% экспорта всего Вьетнама. Пройдя по старым кварталам города, знакомым по предыдущим поездкам памятных мест, воочию убедился, насколько он похорошел, стал наряднее и ухоженнее, особенно центральные кварталы. Постоял у скромного памятника президенту Хо Ши Мину с трогательной лаконичной надписью. Неподалеку от него вновь впечатлила величественная (и неприступная, так как подступы к памятнику преграждает залитый вокруг него водой бассейн) фигура национального героя Вьетнама, прославленного полководца XIII века Чан Хынг Дао. Пройдя по старинным улочкам, окунулся в насыщенную благовониями многолюдную атмосферу буддистского храма Нефритового императора.

Несмотря на бурное развитие Севера и заметный экономический рывок в последние годы провинций Центра, сохраняются различия между Югом и двумя другими частями страны, между прибрежными морскими зонами и приграничными горными районами. Никакое сравнение с облезлыми фасадами известных гостиниц, которые можно было наблюдать в первые послевоенные годы. Бережно отреставрированы архитектурные памятники, оставшиеся от колониального прошлого.

СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ

В городе Хошимине вновь побывал во «Дворце независимости — свидетель истории», осмотрел экспонаты Музея наследия войны. Мой приезд в г. Хошимин в 2011 году пришелся в канун 36-й годовщины освобождения Сайгона. И, конечно, не терпелось снова побывать во Дворце единства, бывшем «Белом доме» канувшего в лету марионеточного режима, взятием которого была поставлена последняя точка в самой длительной и кровопролитной локальной войне XX века.

Снова, как и в первый раз, с балкона верхнего этажа Дворца, ориентируясь на известные исторические фотографии, я пристально всматривался в сторону центральных ворот, слева от которых во внутреннем дворе заметил два танка. Направляясь к ним, чтобы получше разглядеть вблизи, прошел по анфиладе залов дворца. По сравнению с началом 80-х годов, когда мне довелось впервые побывать в этом здании, переименованном тогда во Дворец единства, внутреннее убранство его нарядных и со вкусом меблированных помещений заметно изменилось. Да и возможности увидеть воочию легендарный танк тогда еще не было. Теперь часть помещений «Дворца независимости — свидетель истории», как значилось на входном билете, сдается для проведения конференций и банкетов. Спустившись во двор, осмотрел ставший знаменитым танк Т-54В советского производства, который первым ворвался на территорию дворца.

Исторический снимок этого танка, но без различимого номера на башне, мне довелось вновь увидеть среди экспонатов Музея наследия войны, в котором собраны леденящие душу свидетельства преступлений в период войны во Вьетнаме против его народа. От увиденного в музее, в том числе фотографий варварских разрушений от ракетно-бомбовых ударов авиации США по Ханюю и многочисленных вещественных доказательств, в том числе хранящихся в витринах авиационных шариковых бомб (точно такие же контейнеры,

размером чуть больше теннисного мяча, и стальные шарики, я привез с собой домой на память), на меня невольно нахлынули воспоминания о прожитых во Вьетнаме военных годах.

Город Дананг за послевоенные годы превратился в крупный промышленный, торговый и транспортный узел, движущую силу развития экономики всего Центрального Вьетнама. Быстро растущая современная дорожная и гостиничная инфраструктура Дананга (в глаза бросаются тянущиеся вдоль морского побережья широкие магистрали, несколько первоклассных гостиниц) вкупе с благоприятным климатом привлекает в Центральный Вьетнам немало иностранных инвесторов, в том числе российских.

Побывал в расположенной в ста километрах от Дананга (провинция Тхыатхиен — Хюэ) одной из главных исторических достопримечательностей Вьетнама — императорском Хюэ на берегу Ароматной реки, служившим административным центром Вьетнама с середины XIX века. Здания некогда Запретного города, садовые домики и длинные крытые террасы на обширной территории уникального дворцового комплекса, где пока еще не закончены реставрационные работы, производят неизгладимое впечатление. В полудне езды от императорского дворца посетил впечатляющую своей архитектурной гармонией гробницу императора Минь Манга.

В 30 километрах от Дананга в провинции Куангнам впервые побывал в Хойане, хорошо сохранившемся ремесленном и торговом городе-музее XVI-XVII веков, признанного ЮНЕСКО памятником всемирного наследия. Неповторима старая часть города с изображенными на его гербе полностью сохранившейся знаменитой Пагодой на мосту и храмом Куанг Конг — самым старым действующим храмом, построенным в середине XVII века. К вечеру, когда спускаются сумерки и старые городские кварталы расцветаются разноцветными фонарями, кажущийся игрушечным Хойан представляет завораживающее, почти волшебное зрелище.

С развитием дорожной инфраструктуры и строительством первоклассных гостиниц в Центральном Вьетнаме быстрыми темпами увеличивается приток туристов. Растет

привлекательность Дананга и как места проведения международных фестивалей и конференций, в которых в минувшем году приняли участие российские делегации.

В ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ СТОЛИЦЕ

Заметно преобразился облик Ханоя, недавно справившего свое 1000-летие. Пройдя по просторным залам столичного международного аэропорта Нойбай, вспомнил небольшое здание прежнего аэропорта Зялам, в тесных помещениях которого в годы войны, встречая и провожая своих товарищей, застигнутые воздушными налетами мы сидели без света при свечах за стаканами пива «Чукбать».

Обошел известные памятники древней архитектуры, начав с Храма литературы, Пагоды на одном столбе и Храма нефритовой горы на озере Возвращенного меча.

Остановился с разрешения строгого молодого военного на знаменитой площади Бадинь (первый раз мне довелось стоять на его трибуне 2 сентября 1961 года, а последний — в 1985 году во время участия нашей правительственной делегации в торжествах по случаю 40-летия провозглашения независимости Вьетнама) и сфотографировался на память на фоне величественного мавзолея Хо Ши Мина и президентского дворца. Там в ноябре 1965 года сбылась моя мечта встретиться с президентом ДРВ. И, конечно, меня потянуло на примыкающие к площади Бадинь улицы, где я жил и работал в далекие 60-е годы. Оказалось, что у всех связанных с моей прежней работой домов были уже новые хозяева. На здании бывшего Представительства ГКЭС в мою первую командировку (4, Chua Mot Cot) висела табличка посольства одной восточноевропейской страны, а в здании, где прежде находилось посольство СССР (58, Tran Phu), теперь министерство юстиции. Новый комплекс зданий российского посольства расположен теперь

в менее престижном районе далеко от исторического центра. Перешли к новым владельцам и многие другие занимаемые нами в прежние годы служебные и жилые здания. (Разделяя высказанное мною сожаление по поводу отказа российской стороны в конце 90-х годов — начале нулевых от использования значительной части занимаемой недвижимости, один мой посольский собеседник охарактеризовал те скороспелые действия емкой на фоне нынешнего подъема двусторонних российско-вьетнамских отношений краткой максимой: «Не дотерпели!».) Миновав бывшее здание нашего посольства, проехал вдоль расположенных на той же улице ухоженных особняков, где в годы войны размещались посольства Румынии, Монголии и торгпредство Болгарии, пострадавшие от «точечных» ударов американской авиации.

ВСПОМИНАЯ АВТОРА «ТИХОГО АМЕРИКАНЦА»

В Ханое меня потянуло заглянуть в знаменитую гостиницу, заново открытую в 1992 году и в очередной раз переименованную, пятизвездочную гостиницу Sofitel Metropole. В далекие военные годы мы не раз сживали там в баре с Юлианом Семеновым, поселившимся в номере, где в 1951 году останавливался автор «Тихого американца».

Как не попробовать по этому случаю разрекламированный в туристическом проспекте носящий имя известного английского писателя фирменный коктейль «Грэм Грин». Войдя в просторный гостиничный холл, по старой памяти повернул налево, где перед входом в ресторанный зал прежде находилась знакомая барная стойка, но там ее не оказалось. В поисках коктейля порасспросил в нескольких барах, пока не обнаружил в меню бара на открытой веранде у бассейна, появившегося после перестройки отеля. Коктейлем, носящим имя английского писателя, оказался Дайкири. Его содержи-

мое отдаленно напоминало, за исключением присутствия кубинского рома, классический рецепт любимого напитка Эрнеста Хемингуэя, составленный им самим в популярном гаванском ресторане-баре Floridita. Посетив этот бар годом раньше во время командировки на Кубу, я сфотографировался на память рядом с бронзовой фигурой сидящего за барной стойкой знаменитого писателя и приобрел майку с фирменным рецептом Дайкири на спине. (Воспроизвожу его в точности, как написано на майке: «сок лайма, 1/2 сахарного сиропа, 1 1/2 белого рома «Navana club» 3-летней выдержки, 5 мл ликера Marrasquino и колотый лед.») В подаренном мне барменом Sofitel Metropole меню внизу под нарисованным портретом Грэма Грина сообщалось, что «дайкири был любимым напитком писателя» и что его «часто видели в баре Le Club за чтением и поглощением во время ленча фирменного блюда «Blanquette de veau».

НЕЗАЖИВШИЕ РАНЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ СТОЛИЦЫ

В одной из главных исторических достопримечательностей Вьетнама — г. Хюэ, служившим административным центром Вьетнама с середины XIX века, я с волнением осмотрел остатки древней Цитадели — резиденции вьетнамских императоров, внутри которой сохранилось не более трети прежних сооружений. Во время сражения за город Хюэ, освобожденный 31 января 1968 года частями НФОЮВ и ВНА в ходе знаменитого тетского (новогоднего) наступления (о них сорок лет назад мне рассказывали раненые бойцы в ханойском госпитале) цитадель около месяца находилась в эпицентре военных действий.

Дананг за годы после моего первого его посещения в 1984 году превратился в крупный промышленный, торговый и транспортный узел, движущую силу развития эконо-

мики всего Центрального Вьетнама. Быстро развивающаяся современная дорожная и гостиничная инфраструктура Дананга (в глаза бросаются тянущиеся вдоль морского побережья широкие магистрали), несколько первоклассных гостиниц вкупе с благоприятным климатом привлекает в Центральный Вьетнам немало иностранных инвесторов, в том числе российских. Быстрыми темпами увеличивается приток туристов. Растет привлекательность Дананга как места проведения международных фестивалей и конференций, в которых в минувшие годы приняли участие российские делегации высокого уровня.

Побывал в расположенной в ста километрах от Дананга (провинция Тхыатхиен — Хюэ) одной из главных исторических достопримечательностей Вьетнама императорском городе Хюэ на берегу Ароматной реки, служившим административным центром Вьетнама с середины XIX века. Здания некогда Запретного города, садовые домики и длинные крытые террасы на обширной территории уникального дворцового комплекса, где пока еще не закончены реставрационные работы, производят неизгладимое впечатление. В полудне, едучи от императорского дворца посетил впечатляющую своей архитектурной гармонией гробницу императора Минь Манга.

В 30 километрах от Дананга в провинции Куангнам впервые побывал в Хойане, хорошо сохранившемся ремесленническом и торговом городе-музее XVI–XVII веков, признанного ЮНЕСКО памятником всемирного наследия. Неповторима старая часть города с изображенными на его гербе полностью сохранившейся знаменитой Пагодой на мосту и храмом Куанг Конг — самым старым действующим храмом, построенным в середине XVII века. К вечеру, когда спускаются сумерки и старые городские кварталы расцвечиваются разноцветными фонарями, кажущийся игрушечным Хойан представляет завораживающее, почти волшебное зрелище.

ПО СЛЕДАМ ДЖ. МАККЕЙНА

В свой приезд во Вьетнам в феврале-марте 2011 года я побывал в здании знаменитой тюрьмы Хоало (Hoà Lo), ныне превращенной в музей. Построенная еще при французской колониальной администрации, она использовалась для заточения политических заключенных, среди которых в разное время были генеральные секретари компартии, а во время необъявленной воздушной войны США против ДРВ (и до того, как они были отпущены в марте 1973 года), — американских летчиков, взятых в плен во время авиационных налетов на Северный Вьетнам. Среди них был лейтенант-коммандер ВВС США, тогда сенатор и бывший кандидат в президенты США от Республиканской партии Дж. Маккейн. Его летный комбинезон со шлемом и парашютом хранятся за стеклом в витрине одного из помещений музея. Там я наблюдал за группой американских туристов ветеранского возраста, пристально всматривавшихся в экран висящего посреди комнаты монитора, на котором демонстрировалась хроника военных лет. В глазах стоявшей рядом с ветераном молодой американки отчетливо читались боль от увиденного на экране.

Под впечатлением посещения тюрьмы я решил взглянуть на памятную стелу, установленную после моего последнего приезда в Ханой на озере в центре города, куда в октябре 1967 года угодил, катапультировавшийся из подбитого самолета Дж. Маккейн.

Стелу удалось разыскать не сразу, хотя она стояла на краю оживленной дороги, излюбленного места прогулок столичной молодежи, разделяющей два озера Truc Bach (Чукбать) и Ho Tay (Хотэй). Снующие мимо на мопедах и велосипедах молодые парочки не скрывали удивления, услышав от меня, что «здесь где-то рядом установлена памятная стела на месте пленения сбитого американского летчика». И только один пожилой вьетнамец, охранник у входа в находившийся через дорогу как раз напротив стелы ресторана, показал на нее пальцем.

В центре каменной стелы на берегу озера Чукбать выделялась скорбная фигура с опущенной вниз головой и поднятыми вверх руками. Справа от нее были высечены звезда и «USA», а слева надпись на вьетнамском: «26.10.1967 на озере Чукбать военнослужащие и жители столицы Ханой захватили живым Дж. Маккейна, лейтенанта ВВС США, пилота самолета А4 В1, сбитого над электростанцией Иенфу. Это был один из десяти сбитых в тот день самолетов».

Часть текста на стеле, которую я запечатлел на память, была замазана красной краской.

О цене агрессивной политики правящих кругов США, пославших в марте 1965 года во Вьетнам многочисленный воинский контингент с «высокой миссией защитить демократию и спасти всю Юго-Восточную Азию от коммунистической агрессии и гнета» напомнил мне стенд «Сравнительные цифры о трех войнах, в которых участвовали США» в Музее наследия войны в г. Хошимине.

Приведенные впечатляющие данные о масштабе и последствиях для США вьетнамской авантюры — это ли не самый убедительный урок для тех воинственных вашингтонских ястребов, кто подобно Дж. Маккейну, по образному выражению Президента России В.В. Путина в интервью Оливеру Стоуну в его документальном фильме, «живет еще в старом мире, не видит реальных угроз и не может переступить через свое прошлое, которое тащит за собой назад».

Дж. Маккейн так и не изжил «поствьетнамский синдром», оставаясь до конца своих дней одним из самых воинственных «ястребов» в вашингтонском истеблишменте с репутацией оголтелого русофоба. Его прошлая деятельность в должности председателя сенатского комитета по вооруженным силам американского конгресса, его провокационные заявления, толкающие президента США на конфронтацию с Россией, к развязыванию мировой ядерной катастрофы, наглядное подтверждение того, что полученный урок оказался ему не впрок.

А.А. ГРОМЫКО О ХО ШИ МИНЕ И ПРОВАЛЕ АВАНТЮРЫ ВАШИНГТОНА ВО ВЬЕТНАМЕ

В конце октября 1984 года в Москву прилетел с супругой кандидат в члены Политбюро КПВ. министр иностранных дел Нгуен Ко Тхат с поручением Госсовета СРВ вручить А.А. Громыко Орден Хо Ши Мина, которым наш Министр был награжден «за выдающийся вклад в развитие и укрепление великой дружбы, боевой солидарности и всестороннего сотрудничества между СССР и СРВ и в связи с 75-летием со дня рождения».

29 октября по желанию А.А. Громыко в Особняке МИД на Спиридоновке в узком составе состоялась краткая церемония вручения высокой награды.

В тот же день состоялась беседа с вьетнамским министром в Кремле, где в распоряжении А.А. Громыко как первого заместителя Председателя Совета Министров СССР находился кабинет, использовавшийся также для приема высоких гостей. После бесед с академиками Примаковым Е.М. и Арбатовым Г.А., организованных по просьбе Нгуен Ко Тхатя, он улетел в Ханой.

А.А. Громыко высоко отзывался — эту тему он часто затрагивал в беседах, на которых мне довелось присутствовать в качестве помощника министра и позднее заведующего Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР — о первом президенте ДРВ Хо Ши Мине, отмечая его выдающиеся качества национального лидера и необыкновенную скромность.

А.А. Громыко встречался с Хо Ши Мином дважды: в июле 1955 года во время его первого визита в нашу страну в качестве президента ДРВ и в июле 1957 года, когда он останавливался в Москве по пути в ряд европейских стран.

«Моя первая встреча с Хо Ши Мином, — вспоминал в своих мемуарах А.А. Громыко, — состоялась в июле 1955 года, когда он в качестве Президента Демократической Республики Вьетнам посетил с визитом СССР. Вьетнамский народ тогда

уже одержал победу над французскими колонизаторами и встал на путь социалистического строительства. Хо Ши Мин прибыл в Москву, чтобы обсудить насущные проблемы своей страны, вопросы советско-вьетнамского сотрудничества. Со времени первого официального визита в Советский Союз главы вьетнамского государства прошло более трех десятилетий. Отношения между нашими странами достигли расцвета. Но мы помним, что первый практический шаг в сотрудничестве двух стран сделал Хо Ши Мин в те памятные июльские дни 1955 года».

Во время первого официального визита в Советский Союз президента ДРВ Хо Ши Мина в ходе его переговоров с советскими руководителями, — вспоминал А.А. Громыко, — им был дан исчерпывающий анализ положения во Вьетнаме и в других странах Индокитая. Говоря об энтузиазме вьетнамского народа после победы над французскими колонизаторами, он не скрывал, что перед страной стоят огромные трудности, что партии и трудящимся Вьетнама предстоит решать также грандиозные и сложные задачи, с которыми им никогда прежде не приходилось сталкиваться. Товарищ Хо Ши Мин прямо подчеркнул важное значение для Вьетнама помощи и поддержки со стороны Советского Союза, опоры на опыт социалистического строительства в нашей стране. И наша страна в этот трудный период пришла на помощь Вьетнаму, выделив необходимые средства для решения самых насущных проблем братской страны. Хо Ши Мин учил своих соратников, партию, народ, что помощь братских стран, как бы она ни была велика, — это только своего рода дополнительный капитал, который надо умело и рачительно использовать. Главное же — решать все задачи своими собственными усилиями, своим собственным трудом. Эту подлинно интернационалистическую позицию вьетнамские коммунисты сохраняют и поныне и постоянно укрепляют.

«Эта бескорыстная помощь, — подчеркнул Хо Ши Мин в своей речи перед отъездом из Москвы 18 июля 1955 года, — еще более укрепляет силы вьетнамского народа и его веру

в победу, а также способствует выполнению огромных задач, стоящих перед нами в деле скорейшего становления экономики, с тем, чтобы улучшить жизнь нашего народа и умножить его силы. Мы уверены, что с сегодняшнего дня сотрудничество между советским и вьетнамским народами еще более расширится, а нерушимая дружба между двумя нашими народами будет становиться все крепче и крепче».

В ходе беседы 15 июля 1957 года в Москве были подведены итоги двухлетнего сотрудничества Советского Союза и Вьетнама, в том числе взаимодействия в достижении важнейшей национальной идеи вьетнамского народа — борьбы за воссоединение страны на мирной демократической основе. Были учтены и конкретизированы некоторые конкретные направления обоюдных усилий в решении как народнохозяйственных, так и внешнеполитических задач демократического Вьетнама.

«Можно сказать, что наша поездка увенчалась успехом, — отмечал Президент Хо Ши Мин, — она явилась вкладом в дальнейшее укрепление единства наших братских стран и способствовала повышению международного авторитета Вьетнама».

«Вьетнамская сторона весьма удовлетворена итогами встречи», — об этом Хо Ши Мин говорил с теплотой К.Е. Ворошилову во время беседы, в которой принял участие и я.

Вспоминая о своих встречах с Хо Ши Мином, А.А. Громыко отмечал, что в Хо Ши Мине сочетались революционный энтузиазм, мудрость государственного деятеля, человеческая душевность и простота... В дружеских беседах он чем-то напоминал сказочного мудреца, глубоко понимающего жизнь и питающего неистребимое доброе чувство к людям. Видеть свою страну свободной и единой, — такой была мечта Хо Ши Мина. Ее осуществлению он посвятил всю свою жизнь. Хо Ши Мин не дожил до светлого дня, когда весь вьетнамский народ собрался под единой кровлей. Но его верные ученики и последователи, воспитанные им партия, армия и народ довели начатое дело освобождения страны до конца. И не случайно, что заключительная операция по освобождению

Южного Вьетнама носила его имя, а город Сайгон переименован в Хошимин.

Еще до того, как США открыто начали вооруженную интервенцию против Вьетнама, Лаоса и Кампучии, А.А. Громыко в беседах с госсекретарем Д. Раском и другими представителями американской администрации предостерегал об опасности вмешательства военной силой во внутренние дела индокитайских государств. «Много было встреч и у меня, и у других официальных лиц СССР с представителями администрации США, на которых обсуждался вьетнамский вопрос, — написал А.А. Громыко в своих мемуарах, — Перед нами стояла стена. Непробиваемая глухая стена. Она ощущалась и во время бесед с участием А.Н. Косыгина и Л. Джонсона. Только после бесславного провала американской авантюры во Вьетнаме по-настоящему раскрылась глубина политического и морального падения администрации Джонсона, подстроившей преступную провокацию в Тонкинском заливе. ...Со стороны администрации Джонсона, предпринимались попытки обратиться к Советскому Союзу, чтобы он «посодействовал» США найти выход из вьетнамского тупика. Из этого, однако, ничего не получилось, так как Вашингтон явно хотел добиться невозможного — уйти из Вьетнама и одновременно остаться там. Позиция была бесперспективной. Крах авантюры Вашингтона стал фактом. США вынуждены были пойти на прекращение войны и заключение Парижских соглашений по Вьетнаму».

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ МИХСТЕП

На все большем отдалении от того скорбного дня ноября 1995 года, по-прежнему остаюсь под обаянием этой яркой и талантливой личности, все яснее осознавая важную роль, которую сыграл Михаил Степанович Капица в моем становлении как востоковеда и дипломата.

Наше первое знакомство состоялось в июне 1962 года. Двадцатилетним студентом Института восточных языков при МГУ, вернувшись накануне госэкзаменов из Вьетнама, где проходил практику, я узнал от однокурсников последнюю новость: на экзамене будет сам Капица, посол, профессор, доктор исторических наук, недавно возглавивший в нашем институте кафедру.

Помню, как войдя в небольшую аудиторию на Моховой, 11 для сдачи первого экзамена поздоровался с экзаменатором и Михаилом Степановичем, сидевшим немного поодаль. Закончив отвечать по билету, замер, услышав обращенную к нему реплику принимавшего экзамен преподавателя философского факультета МГУ, нет ли у него дополнительных вопросов ко мне. Видимо, уловив просительное выражение на моем лице (уж очень не хотелось мне неприглядно выглядеть перед самим Капицей), он, к моему большому облегчению, ответил, что вопросов не имеет, добавив что-то ободряющее в мой адрес. С неожиданно полученной «отл.» я поспешил тут же ретироваться. Как я потом узнал, не было у него вопросов и к другим студентам, к которым нередко приходил на помощь, чем заслужил еще большее наше уважение.

Через несколько месяцев, получив диплом, по распределению уехал на работу в Аппарат советника по экономическим вопросам при Посольстве СССР в Демократической Республике Вьетнам. Вернувшись в 1964 году из Вьетнама с собранными там материалами, поступил в аспирантуру и занялся написанием диссертации, работая младшим научным сотрудником в Институте народов Азии (позднее Институте востоковедения) Академии наук. Михаила Степановича видел только на научных собраниях и защитах диссертаций. Осенью 1966 года после стажировки в Отделе Юго-Восточной Азии МИД СССР я уехал на работу в наше посольство в Ханое.

По возвращении из Вьетнама осенью 1969 года работа в Отделе Юго-Восточной Азии МИД под непосредственным руководством Михстепа — эта аббревиатура навсегда закре-

пилась в лексиконе молодых дипломатов референтуры Вьетнама за заведующим отделом — во многом способствовала моему профессиональному росту.

Прерванное на время командировки в Женеву общение с Михаилом Степановичем возобновилось в 1977 году после моего возвращения в Москву экспертом 2-го Европейского Отдела, и особенно после моего перехода двумя годами позже помощником в секретариат министра.

Михстеп в нашем министерстве был всеобщим любимцем молодых дипломатов, которые всегда до отказа заполняли актовый зал высотного здания МИД на его лекциях о международном положении. В отличие от большинства своих коллег по лекторской работе, избегавших выходить за рамки накатанных обобщений и апробированных оценок, он часто выражал собственное мнение по довольно щекотливым по тем временам темам, образным и красочным языком рассказывал об интересных фактах, эпизодах и событиях, участником которых был сам. Помню, как одну свою лекцию о международном положении он, увлекшись, почти целиком посвятил неизвестным, порою курьезным, подробностям своего недавнего железнодорожного путешествия в бронированном поезде по нашей стране, сопровождая Ким Ир Сена.

Как лектор-международник Михаил Степанович был всегда нарасхват, особенно нравились его лекции в аудиториях Минобороны и КГБ. Однако его смелые ремарки и независимые суждения, нередко выходящие за рамки тогда дозволенного, нравились не всем, и время от времени становились предметом критического обсуждения в высоких инстанциях.

А.А. Громыко, посвящая в те годы большую часть своего времени отношениям с США и разоруженческой проблематике, насколько я мог наблюдать с помощнического угла, высоко ценил Михаила Степановича как ведущего эксперта по Китаю, который при возникновении острой ситуации мог надежно прикрыть азиатские тылы. Министр неоднократно инициировал присуждение ему высоких премий и званий,

представлял к награждению правительственными наградами, внес и активно продвигал предложение о назначении его своим заместителем, внутренне прощая ему за это экстравагантные в его понимании поступки и высказывания, время от времени доходившие до него.

Помню, в декабре 1982 года, вызванный во время дежурства в воскресенье на дачу к министру, застал его за визированием только что полученного правительственного указа о назначении членов коллегии М.С. Капицы и заведующего Отделом США В.Г. Комплектова заместителями министра иностранных дел. Передавая, как обычно, пачку «отработанных» за выходные дни документов и получив взамен солидную порцию новых, министр сказал, что хочет поздравить с назначением своих новых заместителей, и чтобы по возвращении в секретариат я попросил их ему позвонить. Я не замедлил с удовольствием исполнить поручение, предупредив о звонках дежурившего на даче офицера охраны, через которого поддерживалась связь с министром. Зная особенности характера Михаила Степановича, я несколько не удивился, когда позвонивший вскоре с дачи в секретариат офицер охраны отрапортовал: «Звонки состоялись. Комплектов говорил 3 минуты, Капица — 12».

В начале марта 1983 года с назначением заведующим ОЮВА начался новый этап в моей работе и вновь под его непосредственным руководством.

Перестройку М. С. Капица поначалу воспринял с энтузиазмом, которым не переставал заряжать вверенные ему отделы, добиваясь от нас ускорения в работе. Требуя от нас большего внимания аналитике и прогнозированию, он часто иллюстрировал свои наставления ссылками на собственный опыт. «Когда в западных СМИ появлялись сообщения о мнимой кончине Мао Цзэдуна, — не раз повторял он нам в назидание на совещаниях в отделе, — я спокойно мог уезжать в командировку или отпуск, зная, что в сейфе у меня лежит наготове набор документов, включая записку в ЦК с проектом телеграммы соболезнования» (!). «При Капице» возросла интенсивность политического диалога со страна-

ми Индокитая на высшем и высоком уровне, стали более динамичными, несмотря на расхождения по кампучийской проблеме, двусторонние контакты со странами АСЕАН.

Появление в мае 1985 года антиалкогольного указа Михаил Степанович воспринял скептически, открыто предрекая скорую кончину введенных табу. Не без его последовательных усилий, требовавших в тех условиях большой смелости, на протокольных мероприятиях в особняке МИД на Спиридоновке, несмотря на все запреты, шаг за шагом возвращались привычные традиции. Поначалу «по просьбе гостей» на приемах стали подавать сухое вино, затем появилось пиво и, наконец, через непродолжительное время — крепкие напитки. Вскоре и в мидовских загранучреждениях все вернулось на круги своя.

Высокий и статный, всегда по моде и даже щегольски, насколько это позволяли протокольные условности, одетый, Михаил Степанович неизменно притягивал к себе всеобщее внимание. Обладая мужским магнетизмом, он пользовался неизменным успехом у женщин, гордился своей женой, которую называл второй красавицей Москвы. Увлекательный рассказчик, с неисчерпаемым запасом забавных баек и анекдотов, обладавший особым чувством юмора, он был душой любой компании, любого застолья, будь то протокольные мероприятия с иностранными гостями или круг коллег. Натура открытая и эмоциональная, в общении даже с малознакомыми ему людьми он нередко не сдерживался в своих суждениях и оценках, сам признавал, что часто бывал задирист, хотя при этом и добавлял, что «всячески старался избавиться от этого свойства характера». Его несдержанность не раз оборачивалось против него.

Уже на следующий год после прихода в июле 1985 года нового министра отношение Михаила Степановича к нововведениям в нашем министерстве заметно изменилось. Опытный и искушенный дипломат, он не мог не видеть неминуемых последствий бессистемного реформирования министерства. Нацеленное на выдавливание «громыхинских кадров», оно на деле свелось к хаотичной структурной пе-

рекройке отделов и к носившей избирательный характер компании по борьбе с семейственностью.

По всему было видно, что М.С. Капица, с его авторитетом и независимой позицией, к тому же высказываемой им открыто, становился все более неудобным новому министру. Это было заметно по его реакции на выступления и реплики Михаила Степановича во время заседаний коллегии, на которые я приглашался как заведующий отделом. Проработав с Э.А. Шеварднадзе полтора года, в феврале 1987 года М.С. Капица ушел из МИДа, в том же году был избран членом-корреспондентом АН СССР и возглавил вплоть до 1994 года Институт востоковедения АН СССР (с 1991 года — РАН). В то время немало других талантливых дипломатов высокого ранга, не принявших стиль и методы нового руководства министерства, или ушли сами, как первый заместитель министра Г.М. Корниенко, либо под разными предлогами (отыскивали их и в случае с М.С. Капицей) выживались из МИДа.

Михаил Степанович тяжело переживал свой уход из министерства. В своих мемуарах он вспоминал, что «не хотел переходить из МИД, где проработал более 40 лет, в Академию наук». Это было заметно и на нашей встрече в 1987 году в Куала-Лумпуре на организованной Институтом международных и стратегических исследований Малайзии научной конференции. (Привыкшему быть в центре внимания, ему было нелегко свыкнуться с тем, что предпочтительное внимание хозяевами оказывалось его преемнику на посту зам. министра иностранных дел, приглашенному на это мероприятие в качестве главного докладчика.)

В конце 1988 года незадолго до моего отъезда в длительную командировку вышла новая работа Михаила Степановича (в соавторстве с М.П. Исаевым) «Мирный выбор Азии». Подаренную мне с надписью «Дорогому Анатолию Сафроновичу в знак глубокого уважения, на добрую память о совместной работе на азиатской стезе» я храню в домашней библиотеке.

Наша следующая встреча состоялась летом 1990 года в мой первый отпуск в его кабинете после переезда Инсти-

туда востоковедения на ул. Рождественка. За годы после ухода из МИД Михаил Степанович внешне заметно изменился. Пригласив меня перейти в комнату напротив, чтоб не отвлекали многочисленные посетители, он подробно расспрашивал про мое африканское житье-бытье, живо интересовался мидовскими новостями, спрашивал, как сложились судьбы наших общих знакомых.

Известие о кончине М.С. Капицы застало меня в отпуске в подмосковном санатории, когда после возвращения в 1994 году из длительной командировки я был назначен директором 4-го Департамента Азии МИД. Проститься с Михаилом Степановичем мы отправились вместе с отдохавшим там же послом Е.Н. Макеевым. У печально знакомого мрачного ритуального здания ЦКБ собралось множество людей, по большей части молодые сотрудники МИД и ИВАН, преподаватели и студенты ИССА, сотрудники редакции журнала «Азия и Африка сегодня».

За прошедшие годы яркий образ Михаила Степановича Капицы не потускнел. Убеждаюсь в этом всякий раз, общаясь с дипломатами старшего поколения, хорошо знавшими его и атмосферу того времени, с бывшими коллегами по работе в ИВАН, сокурсниками по Институту восточных языков при МГУ (позднее ставшим Институтом стран Азии и Африки), где Михаил Степанович 25 лет возглавлял кафедру, и с недавно пришедшими на работу в МИД выпускниками МГИМО, ИССА и других вузов — молодым поколением востоковедов.

ОТ АВТОРА НАПОСЛЕДОК

Эта книга — скромная дань любви и уважения героическому, трудолюбивому и талантливому народу Вьетнама, с которым судьба связала меня на протяжении более полвека.

На моих глазах в довоенные мирные будни героическими усилиями вьетнамского народа при материально-техническом содействии нашей страны восстанавливалась и крепла экономика Демократической республики Вьетнам. В суровые годы войны ценой неисчислимых жертв выковывалась победа в борьбе вьетнамского народа против американской агрессии за объединение своей родины. В послевоенное время развернулось и успешно продвигается быстрыми темпами строительство единого процветающего Вьетнама.

И сейчас, спустя полвека после моего первого знакомства с Вьетнамом, уже не связанный с ним непосредственно по работе, продолжаю внимательно следить за уверенной динамичной поступью этой, ставшей мне близкой страны. Благодаря беспримерным усилиям своего талантливого трудолюбивого народа, ускоренными темпами приближая момент, когда стомиллионный Вьетнам по своему экономическому развитию не только встанет вровень со своими соседями, уже немолодыми драконами в Юго-Восточной Азии, но и оставит их позади.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. К ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ВЬЕТНАМОМ (1950–1954)

(Хроника событий в материалах
Архива внешней политики РФ) *

1950

14 января правительство Демократической республики Вьетнам обратилось ко всем правительствам мира с заявлением о готовности установить дипломатические отношения со всеми странами, которые пожелают сотрудничать с ним на основе равенства.

«Правительство ДРВ, — подчеркивалось в Обращении Президента ДРВ Хо Ши Мина, — торжественно заявляет правительствам всех стран мира, что оно является единственным законным правительством, представляющим единодушие вьетнамского народа. Принимая во внимание взаимные интересы, Правительство Демократической республики Вьетнам готово установить отношения с любым правительством, уважающим право на равноправие, территориальный и национальный суверенитет Вьетнама для того, чтобы гарантировать мир во всем мире и построить всемирную демократию» [1].

19 января Обращение Президента ДРВ было доставлено в Бангкок и передано через Посланника СССР в Таиланде С.С. Немчину.

* Привлеченные автором книги документальные материалы из Архива внешней политики РФ (значительная их часть публикуется впервые) расширяют источниковедческую базу и позволяют получить более полное представление о малоизученном начальном периоде официальных отношений между СССР / РФ и Вьетнамом.

30 января министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский сообщил в телеграмме министру иностранных дел ДРВ Хоанг Минь Зяму, что «рассмотрев предложение Правительства Демократической республики Вьетнам и учитывая при этом, что Демократическая республика Вьетнам представляет подавляющее большинство населения страны, Советское Правительство приняло решение установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Демократической республикой Вьетнам и обменяться *посланниками*» [2].

1 февраля в МИД СССР была получена нота министра иностранных дел СССР Хоанг Минь Зяма, датированная 23 января 1950 г., с предложением об установлении официальных дипломатических отношений между правительством СССР и правительством ДРВ и обмене *послами*» [3].

В ответной ноте Нгуен Минь Зяма, датированной 8 февраля, говорилось в общей форме об обмене в ближайшем будущем дипломатическими представителями, но не уточнялось, в каком ранге будут представители [4].

Подобная ситуация произошла и с письмами Нгуен Минь Зяма МИДа Болгарии, Румынии и ряду других восточноевропейских стран. В его первом январском письме выражалось пожелание обменяться *послами*, во втором (февральском) письме, направленном внешнеполитическим ведомствам этих стран после получения им телеграммы А.Я. Вышинского, речь уже шла об обмене *посланниками* [5].

За дату установления дипломатических отношений между двумя странами было взято 30 января 1950 года — направление телеграммы министра иностранных дел СССР [6].

Практическая работа, связанная с открытием диппредставительств, проходила в условиях продолжающихся военных действий на территории Вьетнама, отсутствия прямых каналов связи с правительством ДРВ.

До апреля 1952 г. интересы ДРВ в СССР представляло посольство КНР в СССР, обязанности *посланника* ДРВ в СССР исполнял посол Китая в Москве.

С предложением о таком совместительстве выступило Правительство ДРВ. 15 февраля президент и премьер-

министр ДРВ Хо Ши Мин в письме премьеру Госсовета и министру иностранных дел КНР Чжоу Эньлаю сообщил, что «Правительство ДРВ желало бы до приезда своего *посланника* в Советский Союз просить Чрезвычайного и Полномочного Посла Китая в СССР временно исполнять его обязанности» [7].

22 февраля посол КНР в СССР Ван Цзясян в беседе с первым заместителем министра иностранных дел А.А. Громыко, сославшись на просьбу Президента ДРВ, запросил согласие советской стороны на совместительство [8].

29 марта посол КНР в СССР Ван Цзясян в беседе с А.А. Громыко передал копию упомянутого письма Хо Ши Мина и сообщил, что «правительство КНР по просьбе президента и премьер — министра ДРВ дало согласие на исполнение мною временно обязанности *посланника ДРВ*» [9]. Об этом китайский посол сообщил 28 марта нотой в МИД.

1 апреля МИД СССР в ответной ноте послу КНР сообщил, что «Советское Правительство, учитывая просьбу президента и премьер — министра ДРВ, согласно на то, чтобы временно до приезда в Москву *посланника ДРВ* в СССР интересы ДРВ в СССР представляло посольство КНР в СССР» [10].

1951

В декабре 1951 г. представитель ДРВ в Китае в беседе с послом СССР в КНР Н.В. Роциным сообщил, что «Правительство ДРВ намерено направить в Москву своего *посла* и запросил согласия Советского Правительства» [11].

В той же беседе была передана просьба Правительства ДРВ дать согласие на назначение послом ДРВ в СССР Нгуен Лыонг Банга, активного участника революционного движения, члена ЦК компартии Вьетнама (впоследствии вице-президента СРВ) [12].

1952

1 января 1952 г. Правительству ДРВ было сообщено нотой МИД о «согласии Советского Правительства на назначение посла ДРВ в СССР» [13].

17 апреля 1952 г. Нгуен Лыонг Банг прибыл в Москву.

22 апреля перед вручением верительных грамот посол был принят министром иностранных дел СССР А.Я. Вышинским. В беседе министр поинтересовался положением в освобожденных районах, спросил, определилась ли окончательно их столица. Нгуен Лыонг Банг ответил, что «в руках освободительной армии находится несколько городов, почти полностью разрушенных, однако демократическая республика до сих пор не имеет постоянной столицы». В заключение беседы министр «сказал послу, что если у него возникнут какие-либо вопросы к МИД СССР, то мы охотно окажем ему всяческое содействие» [14].

23 апреля в Кремле Нгуен Лыонг Банг вручил верительные грамоты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику [15]. На церемонии вручения верительных грамот — вьетнамский посол не владел другими языками, а в МИД СССР не было переводчика вьетнамского языка — следовали редкому в протокольной практике порядку: перевод речи посла, произнесенный по-вьетнамски, зачитал зав. протокольным отделом МИД, а перевод речи Н.М. Шверника на французский язык сделал переводчик — первый секретарь генсекретариата министерства, затем первый секретарь посольства ДРВ перевел ее с французского на вьетнамский. На беседе у Н.М. Шверника также были два переводчика.

25 апреля посол нанес краткие протокольные визиты заместителям министра иностранных дел А.А. Громыко, Ф.Т. Гусеву, А.Е. Богомолову, В.А. Зорину и генеральному секретарю МИД Б.Ф. Подцеробу [16].

В процессе налаживания нормального функционирования посольства ДРВ в Москве возникали многочисленные вопросы, в решении которых ему оказывалось содействие

со стороны правительства, МИД, других госучреждений и структур. По просьбе посла была оказана помощь в налаживании почтовой и других видов связи посольства с вьетнамским посольством в Пекине, через которое поддерживалась связь с правительством ДРВ.

5 июля в Москве состоялось подписание Соглашения между Правительством СССР и Правительством ДРВ о предоставлении Правительству ДРВ займа для содержания вьетнамского посольства в Москве. После подписания соглашения А.Я. Вышинский в беседе с Нгуен Лыонг Бангом «в ответ на выраженную послом глубокую признательность за помощь, оказанную Советским правительством ДРВ, а также за внимание, проявленное МИД СССР в отношении просьб вьетнамского посольства», сказал, что «своей героической борьбой вьетнамский народ завоевал симпатии советского народа, и помощь, предоставляемая по настоящему соглашению, является признанием заслуг вьетнамского народа» [17].

1954

Назначение первого посла СССР в ДРВ состоялось в августе 1954 г. Приезд посла к месту назначения в отсутствие информации об условиях для работы советского посольства неоднократно откладывался.

4 августа заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин в беседе с послом ДРВ в Москве Нгуен Лыонг Бангом запросил агреман на назначение А.А. Лаврищева послом СССР в ДРВ и информировал о «готовности Советского правительства направить советского посла в ДРВ не дожидаясь освобождения города Ханоя, если правительство ДРВ будет считать это целесообразным. В таком случае хотел бы знать, в какой пункт на территории ДРВ посол должен выехать и каковы условия для работы посольства в этом пункте» [18].

4 ноября посол СССР в ДРВ А.А. Лаврищев вручил верительные грамоты [19].

1. Внешняя политика Советского Союза. 1950 г. Документы и материалы. М., 1953. С. 41–42.

2. Внешняя политика Советского Союза. 1950 г. Документы и материалы. М., 1953. С. 42–43. «Известия» № 26 (10175) от 31 января 1950 г. Телеграмма А.Я. Вышинского 1 февраля была вручена представителю ДРВ в Бангкоке Нгуен Дык Куи для срочной передачи Хоанг Минь Зяму.

3. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 4. П. 2. Д. 2. Л. 1, 2.

4. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 4. П. 2 Д. 2 Л. 66, 67.

5. Во время неофициального визита в декабре 1949 г. в Москву президента и премьер-министра ДРВ Хо Ши Мина при рассмотрении вопроса об установлении дипломатических отношений уровень дипломатических представительств не уточнялся. В июле 1950 г. вьетнамская сторона на правительственном уровне ставила вопрос о назначении в Москву посла. В то время по предложению МИД решение вопроса о даче согласия на назначение посла ДРВ в СССР было решено отложить (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 24. П. 13. Д. 100-Вьетнам. Л. 1).

6. Вслед за дипломатическим признанием ДРВ со стороны Советского Союза и Китая, который первым 18 января 1950 г. установил с ней дипломатические отношения на уровне послов, последовали заявления со стороны КНДР (1 февраля), 3 февраля — Польши, Чехословакии, Венгрии, 4 февраля — Румынии, 8 февраля — Болгарии и 12 февраля — Албании.

7. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 4. П. 2. Д. 2. Л. 41.

8. Запись беседы с послом КНР 22 февраля 1950 г. // АВП РФ. Ф. 079. Оп. 4. П. 2. Д. 2. Л. 36.

9. Запись беседы с послом КНР 29 марта 1950 г. // АВП РФ. Ф. 079. Оп. 4. П. 2. Д. 2. Л. 38.

10. АВП РФ. Ф. 79. Оп. 4. П. 2. Д. 2. Л. 42, 43.

11. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 24. П. 13. Д. 100-Вьетнам. Л. 1.

12. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 7. П. 3. Д. 7. Л. 2. После закрытия в мае 1951 г. в Бангкоке правительственной миссии ДРВ в ЮВА оперативная связь с Правительством ДРВ поддерживалась через посла СССР в Пекине и представителя Вьетнама в КНР.

13. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 7. П. 3. Д. 7. Л. 2, 3. *О согласии Правительства СССР на назначение Нгуен Лыонг Банга послом ДРВ в СССР было сообщено в конце марта 1952 г.*

14. Запись беседы с послом ДРВ 22 апреля 1952 года // АВП. РФ. Ф. 079. Оп. 7. П. 3. Д. 7. Л. 1.

15. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 37-в. П. 135. Д. 9. Л. 19.

16. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 7. П. 3. Д. 4. Л. 1.

17. Запись беседы с послом ДРВ 5 июля 1952 года // АВП РФ. Ф. 079. Оп. 7. П. 3. Д. 4. Л. 10.

18. Запись беседы с послом ДРВ 4 августа 1954 года // АВП РФ. Ф. 079. Оп. 9. П. 6. Д. 030-вн. Л. 1.

19. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 47. П. 260. Д. 1. Л. 151. *А.А. Лаврищев получил агреман 12 августа, его верительные грамоты подписаны 11 октября 1954 г.*

2. ТЫ ТХЫК. СТАРИННАЯ ВЬЕТНАМСКАЯ ЛЕГЕНДА

Институт восточных языков
при Московском государственном университете
имени М.В. Ломоносова.

Литературы зарубежного Востока.

Сборник переводов студентов. Москва, 1960 г.

Перевел с вьетнамского Зайцев А.С.

Когда-то давно жил в Хоа Тяу юноша по имени Ты Тхык. Отец его был чиновником. Поэтому, когда Ты Тхык вырос, он по желанию родных поступил на службу в столичную область Кинь Бак...

Рядом с домом, где жил юноша, стоял большой монастырь. В его саду рос куст необычайно красивых пионов с тонкими и нежными стеблями. Каждую весну, когда прекрасный куст расцветал, со всех концов страны приходили сюда люди полюбоваться чудесными цветами.

В один из таких дней девушка лет семнадцати нечаянно сломала драгоценную ветку пионов и была схвачена служителями монастыря. В этот момент мимо проходил Ты Тхык. Увидал он, в какую беду попала девушка, и, не задумываясь, сбросил с себя дорогой халат, откупился от монахов и спас несчастную...

Ты Тхык любил бродить в горах, любоваться природой, сочинять стихи, а о службе несколько не заботился. За это правитель сделал ему внушение. А спустя некоторое время Ты Тхык попросил отставку... Облюбовал он себе живописное местечко Тонг Шон, окруженное высокими, покрытыми лесом горами, взял с собой слугу и цитру^{*}, построил у подножья горы небольшой домик и стал там жить...

С тех пор не было во всей округе уголка, где бы ни побывал Ты Тхык. Как-то утром, когда солнце едва рассыпало у подножья горы свои первые золотистые лучи, Ты Тхык

^{*} Трехструнная цитра — старинный щипковый музыкальный инструмент.

заметил на крыльце своего дома отражение пестрого облака, похожего на гигантский лотос.

Направил Ты Тхык свою лодку к тому облаку. Достигнув подножья высокой горы, он привязал лодку, а сам поднялся на вершину небольшого утеса. Там на склоне виднелся широкий и круглый вход в пещеру*. Перескакивая с камня на камень, добрался Ты Тхык до пещеры и смело шагнул в нее. Но не успел он сделать несколько шагов, как вход в пещеру с грохотом закрылся.

Остался Ты Тхык один в огромной пещере, не зная, как из нее выбраться. После долгих тщетных поисков выхода, уставший и обессиленный, почувствовал он прохладу едва заметного ручейка, бесшумно стекавшего сверху. Ощупывая спасительный ручеек, Ты Тхык начал медленно вскарабкиваться вверх по острым каменистым уступам. Долго поднимался он, пока наконец не оказался у подножья горы, еще более высокой и крутой, чем первая. Цепляясь за выступы, Ты Тхык с трудом взобрался на ее вершину. Здесь был такой прозрачный и чистый воздух, такие яркие неповторимые краски! А далеко внизу, у подножья наполовину скрытые темнозеленым кустарником сверкали сказочные дворцы. К ним вела прямая широкая тропа. Не задумываясь, Ты Тхык устремился вниз к манящей красоте волшебного пейзажа...

Подходя к одному из дворцов, он увидел, как из него бежали две красивые стройные девушки в зеленых одеждах.

«Вот идет наш жених», — сказала одна. Пошептались они между собой и исчезли из виду, а немного погодя появились снова и обратились к юноше: «Наша госпожа приглашает Вас в гости»...

Ты Тхык последовал за ними и вскоре перед его взором вырос сказочный дворец с изумрудными стенами, множеством башен и алой лестницей с широкими мраморными ступеньками. Раньше о таких чудесах он только в книгах читал, а теперь увидел их своими глазами.

* Пещера Ты Тхык, или пещера фей, расположенная в 50 км от провинциального центра Тханьхоа, — известная природная достопримечательность на Севере Вьетнама.

Миновав ворота с надписью «Изумрудный дворец», они поднялись в великолепный сверкающий зал. В глубине его на диване за двумя столиками из душистого дерева в белых шелковых одеждах восседала сама фея. Она пригласила юношу сесть и спросила: «Видел ли ты когда-нибудь на земле такие чудесные дворцы? Можно ли определить, где они находятся?».

Ты Тхык отвечал: «Много бродил я в горах, видел немало красивых уголков, но в этих краях никогда не был. Объясните, прошу Вас, где находятся этот волшебный край и такие прекрасные дворцы».

Рассмеялась фея и сказала: «Ну, конечно, тебе не знакомы эти места. Мы живем у шестнадцатой горы из тридцати шести в горной цепи Фи Лай. Я — фея Нгюи, хозяйка горы Нам Няк, и пригласила тебя в гости потому, что ты юноша смелый и благородный».

Затем приказала она служанке позвать девушку. Взглянул на нее Ты Тхык и сразу узнал ее. Это была та самая девушка, которая сломала в монастырском саду ветку пиона.

«Ее зовут Зянг Хыонг, — сказала юноше фея. Когда она ходила в монастырь полюбоваться цветами и попала в беду, ты спас ее, и я у тебя в долгу. В благодарность за твое благородство я отдаю тебе в жены свою дочь». В тот же вечер хозяйка горы Нам Няк повелела приготовить все для свадьбы. А на другой день феи соседних гор собрались в Изумрудном дворце, чтобы поздравить молодых и принять участие в большом пиршестве...

Много дней не умолкали цитры и флейты. Были тут всевозможные яства, приготовленные из всех зверей, которые только обитают в горах, из всех рыб, какие только плавают в море. И жареное мясо феникса, и колбасы из павлинов, такие ароматные и вкусные, что подобных им не сыскать на всем свете...

Почти год прожил Ты Тхык в замке феи вдали от родного края, но никак не мог его забыть. Как-то сказал он своей жене: «Хочется мне побывать в своей деревне и повидать родных».

Встревожилась Зянг Хыонг и не знала, что ему ответить. «Я пробуду там всего несколько дней и тут же вернусь».

Услышав эти слова, Зянг Хыонг заплакала и сказала: «Не из-за своей любви противлюсь я Вашему решению. Не забудьте, что на земле дни и месяцы очень короткие*, боюсь, что все изменится, когда Вы вернетесь домой».

Не послушал ее Ты Тхык, очень уж хотелось ему побывать на родине.

Поведала тогда Зянг Хыонг эту печальную весть матери. «Земные связи заставляют твоего мужа вернуться домой, — сказала фея и приказала приготовить колесницу и запрячь в нее феникса.

Незадолго до отъезда написала Зянг Хыонг записку и незаметно передала ее мужу. «Только тогда прочтешь ее, когда вернешься домой», — наказала она.

Простился с женой Ты Тхык, сел в колесницу и... не успел глазом моргнуть, как очутился на краю родной деревни. Видит он: изменилось все вокруг. Только две угрюмые скалы, как и прежде, возвышались над деревней... Никто не узнал Ты Тхыка.

Деревенские жители не помнили даже такого имени. Только один древний старец призадумался и сказал: «Слышал я в детстве, будто так звали одного нашего предка в четвертом поколении, но он заблудился в горах еще двести лет тому назад».

Глубоко опечалился юноша, захотелось ему вернуться назад во владения феи к молодой жене. Пошел он к колеснице, которую оставил на краю деревни, но та обернулась в феникса и улетела.

Вспомнил Ты Тхык о записке, что дала ему на прощание Зянг Хыонг. В ней была лишь одна строчка: «Жили мы вместе в раю как друзья. Но пришло время разлуки, и прежняя любовь угасла, не будет у нас новой встречи».

...С тех пор никто не видел больше Ты Тхыка. Сказывают, будто повстречали его однажды бродившего в горах Хонг-Шон, но он так и не вернулся в деревню.

* По преданию, один день, проведенный в раю, равен году на Земле.

Литературно-публицистическое издание

Зайцев Анатолий Сафронович

Полвека с Вьетнамом

Записки дипломата

(1961–2011)

Редактор В. Л. Штейнбах

Художник А. Ю. Литвиненко

Технический редактор М. А. Казачкова

Корректор М. В. Прокопьева

Подписано в печать 10.07.2020. Формат 84x108/32

Бумага на текст офсетная 80 г/кв. м.

Бумага на вклейки мелованная 115 г/кв. м

Печать офсетная. Усл. п. л. 12,5

Тираж 300 экз.

Изд. № 335

Заказ № ____

Издательство «Человек»

117312, Москва, ул. Ферсмана, д. 5а

Тел. +7 (495) 662-64-30, 662-64-31

E-mail: chelovek.2007@mail.ru

www.olimpypress.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,

тел. 8 (499) 270-73-59

ФОНД ВЕТЕРАНОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

ВЫПУСТИЛ 3-томное ИЗДАНИЕ «КНИГА ПАМЯТИ»,
ПОСВЯЩЕННОЕ 75-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРИБАЛТИКИ
ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ТОМ 1

КНИГА ПАМЯТИ. ЛИТВА

ФОНД ВЕТЕРАНОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

ВЫПУСТИЛ 3-томное ИЗДАНИЕ «КНИГА ПАМЯТИ»,
ПОСВЯЩЕННОЕ 75-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРИБАЛТИКИ
ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ТОМ 2

КНИГА ПАМЯТИ. ЭСТОНИЯ

ФОНД ВЕТЕРАНОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

ВЫПУСТИЛ 3-томное ИЗДАНИЕ «КНИГА ПАМЯТИ»,
ПОСВЯЩЕННОЕ 75-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРИБАЛТИКИ
ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ТОМ 3

КНИГА ПАМЯТИ. ЛАТВИЯ

ФОНД ВЕТЕРАНОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Выпустил сборник воспоминаний о выдающимся
советском дипломате, патриоте, видном государственном
и общественном деятеле
Василии Васильевиче КУЗНЕЦОВЕ

**Василий Васильевич
КУЗНЕЦОВ**

выдающийся советский дипломат,
патриот, видный государственный
и общественный деятель

ФОНД ВЕТЕРАНОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ НОВУЮ КНИГУ

Советско-испанские отношения во время гражданской войны 1936–1939 гг.

Двухязычный сборник документов и выступлений по итогам международных научных конференций, посвященных советско-испанским отношениям в период гражданской войны в Испании 1936–1939 г.г. и участия в ней советских добровольцев.

Гостеприимство - наша профессия

Квартиры и офисы
в аренду в Москве
arenda.updk.ru

Обслуживание
автомобилей
sac.ru

Культурный центр
cultural.updk.ru

Загородный отель
и гольф-клуб
«Москоу Кантри Клаб»
mcc-hotel.ru

Бухгалтерские
и кадровые услуги
inpredkadry.ru

Комплекс отдыха
«Завидово»
zavidovo.ru

Медицинский центр
medin.ru

ГлавУпДК при МИД России - организация с почти 100-летним опытом работы по обслуживанию дипломатических и других иностранных представительств в Москве. ГлавУпДК оказывает широкий комплекс услуг для иностранных представительств, российских юридических и физических лиц: предоставление в аренду офисных и жилых помещений, организация отдыха и досуга, медицинские, кадровые, юридические услуги, ремонт и обслуживание автомобилей.

Для заметок

АНАТОЛИЙ САФРОНОВИЧ ЗАЙЦЕВ

Чрезвычайный и Полномочный Посол (1985 г.). Почетный работник МИД России. Кандидат экономических наук. Окончил Институт восточных языков при МГУ (ныне Институт стран Азии и Африки), аспирантуру Института востоковедения Академии наук и Курсы при Дипломатической академии МИД.

По окончании института (1962 г.) работал в Аппарате советника по экономическим вопросам при Посольстве СССР в Демократической Республике Вьетнам (1962-1964 гг.) В 1964-1966 гг. работал младшим научным сотрудником и учился в аспирантуре в Институте востоковедения Академии наук. В системе МИД с 1966 г. Работал на руководящих должностях в Центральном аппарате и за рубежом,

в том числе в посольстве СССР в ДРВ, Отделе Юго-Восточной Азии, Отделе международных экономических организаций, Постоянном представительстве СССР при Отделении ООН и других международных организаций в г. Женеве, 2-м Европейском Отделе, секретариате Министра иностранных дел.

В 1983-1987 гг. – заведующий Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР, 1994-1996 гг. – директор Четвертого Департамента Азии, 1996-1998 гг. – директор Четвертого Департамента стран СНГ МИД России. Был послом СССР/РФ в Республике Конго и послом России в Республике Исландии. Участвовал в сессиях Генассамблеи ООН, представлял страну в рабочих органах ее специализированных учреждений. Автор научных трудов и публикаций по истории, экономике, региональному сотрудничеству и международным отношениям в Азиатско-Тихоокеанском регионе, по проблемам стран АСЕАН и Северного Совета.

Имеет правительственные и ведомственные награды. После выхода в отставку продолжал работу на различных участках, в настоящее время – ведущий эксперт отдела инспекционной работы Генерального секретариата МИД РФ.

Дейтельно участвует в общественной работе: на протяжении трех созывов работал помощником на общественных началах председателей и первых заместителей председателей комитетов Государственной Думы РФ.

Заместитель Председателя Ассоциации российских дипломатов.

ISBN 978-5-906132-41-3

www.olimppress.ru